

Лапа Читай

АЛЬФОНС

и его дамы

18+

Лара Читай

Альфонс и его дамы

«Автор»

2026

Читай Л.

Альфонс и его дамы / Л. Читай — «Автор», 2026

Я не альфонс. Альфонс — паразит. Он берёт. Я — инвестор. Я вкладываю время, внимание, тщательно откалиброванные эмоции. И получаю дивиденды: защиту, статус, информацию, деньги. Я создал идеальную экосистему, где каждая девушка считает себя единственной, а я — центром её вселенной. Но система дала сбой. Началось падение. Арест. Шок. Первые допросы. Мать в слезах. Приговор. Брутальный, уверенный в себе «инвестор» сломлен. Одна ошибка и ты в тюрьме, а не на вершине успеха.

© Читай Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	44
Глава 15	47
Глава 16	50
Глава 17	53
Глава 18	56
Глава 19	59
Глава 20	62
Глава 21	65
Глава 22	69
Глава 23	71
Глава 24	75
Глава 25	79
Глава 26	83
Глава 27	86
Глава 28	89
Глава 29	93
Глава 30	97
Глава 31	100
Глава 32	103
Глава 33	106
Глава 34	110
Глава 35	114
Глава 36	118
Глава 37	121
Глава 38	125
Глава 39	129
Глава 40	134
Глава 41	140
Глава 42	145
Глава 43	151
Глава 44	157
Глава 45	162

Лара Читай

Альфонс и его дамы

Глава 1

****ПРОЛОГ. АКВЕДУК****

Люди думают, что мы живём в эпоху стали, стекла и кремния. Они ошибаются. Мы живём в эпоху плоти и обещаний. Деньги? Это лишь абстракция. Власть? Мираж. Единственная настоящая валюта, которая конвертируется во всё что угодно — это люди. Их связи, их секреты, их жажда быть особенными.

Их любовь.

Меня зовут Мирон Воронов. И я — архитектор. Мои чертежи — это судьбы. Мой фундамент — чужие слабости. Я строю небоскрёб своей жизни, используя других как несущие балки и декоративные элементы. У каждой есть своя функция. ****Алиса**** — дочь декана. Мой лифт в академическую элиту. ****Полина**** — блогер-миллионник. Мой рупор и фасад, моя красивая вывеска. ****Вероника**** — юрист в эмбрионе, дочь следователя. Моя система безопасности, мои стены, защищающие от ветра. ****Лика**** — гениальный программист. Мой цемент, моя скрытая проводка, то, что держит всю конструкцию изнутри. ****Марина**** — наследница арт-империи. Мой пентхаус, моя крыша над головой, мой доступ в мир, где цена картины определяется не талантом, а нужной историей.

Я не альфонс. Альфонс — паразит. Он берёт. Я — инвестор. Я вкладываю время, внимание, тщательно откалиброванные эмоции. И получаю дивиденды: защиту, статус, информацию, деньги. Я создал идеальную экосистему, где каждая девушка считает себя единственной, а я — центром её вселенной. Они — мои активы. И я управляю портфелем виртуозно.

Но у каждой системы есть предел прочности. Одна неверная сделка. Одна лишняя слеза. Одна случайная встреча в неподходящее время. Одна ниточка, потянув за которую, можно распустить весь ковёр.

Это история не о любви. Это история о власти. О том, как холодный расчёт сталкивается с человеческим фактором. О том, как изящная схема превращается в клетку, а архитектор становится её самым главным узником.

Они думают, что знают меня. Каждая — своего. Никто не знает целиком. И это моя сила.

Пока что.

Потому что я уже допустил первую ошибку. Не в расчёте. В эмоции. И однажды, глядя на решётку не в окне дорогого ресторана, а в камере следственного изолятора, я пойму, где именно она crept in. Ошибка. Она всегда кроется в мелочах. В доверии, которого не должно было быть. В жалости, которую нельзя было позволить.

А пока — тишина. Идеальная, выстроенная мной тишина, в которой слышен только шелест купюр, щелчок защёлкивающейся двери в будущее и тихий, неумолимый звук времени, которое у меня на исходе.

Добро пожаловать в мой акведук. Полюбуйтесь, как по нему течёт чужая жизнь, питая мою. Но помните: даже самый гениальный акведук может рухнуть, если в его основе окажется предательство. Особенно своё собственное.

Глава 2

Глава 1. Активы и пассивы

Солнечный луч, упрямый и наглый, скользит по обнаженной спине Алисы. Он золотит каждый выступ позвонка, тонет в ложбинке у основания шеи, которую я сейчас чувствую губами. Она издает короткий, сдавленный звук – не то стон, не то вздох – и вжимается в шелк простыней. Ее спальня пахнет дорогим парфюмом, пылью на книжных корешках и едва уловимым, но знакомым ароматом папиного влияния: ее отец, декан, чувствуется даже здесь, в этой полутемной комнате с зашторенными окнами.

Я веду рукой по ее боку, чувствуя под пальцами дрожь. Неторопливо, расчетливо. Каждое прикосновение – это не порыв. Это пункт плана. Ее кожа горячая, почти обжигающая, но мой мозг холоден. Я считаю. Семь минут нежности. Три – более грубого, требовательного внимания. Она любит, когда ее покоряют, но с намеком на восхищение. Игра в непослушную принцессу, которой, в глубине души, нравится, когда ее ставят на место.

– Мирон... – ее голос хриплый, губы ищут мои.

Я позволяю ей поцелуй, но углубляю его, забирая инициативу. Мои пальцы вплетаются в ее распущенные каштановые волосы, мягко оттягивая голову назад. Она замирает, глаза широко открыты, в них вспыхивает тот самый огонь – смесь страха, азарта и полного подчинения.

– Тише, – говорю я, и слово звучит как приказ, обернутый в бархат. – Я не закончил.

Она покорно опускает веки. Ее доверие – плотное, осязаемое – висит в воздухе комнаты. Я пью его, как дорогой коньяк. Это – мое топливо.

Пока мое тело занято Алисой, часть сознания, словно отдельный чистый процессор, ведет учет.

«Актив Алиса: дочь декана экономического факультета.

Плюсы: абсолютная защита в учебе, доступ к закрытым базам, билет на все закрытые университетские мероприятия, статус «проверенного парня» в глазах профессуры.

Минусы: требует много внимания, ревнива, папина дочка с зачатками истерики.

Текущая задача: уговорить отца замолвить слово за меня на предстоящем конкурсе именных стипендий. Вероятность успеха: 97%»

Ее руки цепляются за мои плечи, ногти впиваются в кожу. Я знаю этот жест. Она близко. Я ускоряю ритм, мое дыхание становится прерывистым – искусно симитированная страсть. Я наблюдаю за ней, как хирург за монитором. Вот она зажмурилась, губы приоткрылись, шея вытянулась в дугу. Я ловлю ее пик, синхронизируюсь с ним, издаю низкий стон ей в ухо. Идеальное исполнение.

Она обмякает подо мной, тяжело дыша. Я задерживаюсь на секунду, целую ее в висок – жест нежности, который она обожает, – потом мягко отстраняюсь и встаю с кровати.

– Ты куда? – ее голос слабый, обиженный.

– Работа, – говорю я, уже подбирая с кресла свои джинсы. – Не могу все время развлекаться. Проект по финансовому анализу горит.

– В воскресенье? Папа мог бы...

– Я должен заработать это сам, Алис, – перебиваю я ее, надевая рубашку. Мой голос тверд, наполнен благородной решимостью. – Ты же меня понимаешь. Я не хочу, чтобы кто-то думал, что я чего-то добиваюсь через тебя.

Это ловушка, в которую она попадает каждый раз. Ее глаза смягчаются. В них вспыхивает гордость – за меня, за мое мнимое упрямство. Она верит, что я отталкиваю протянутую руку ее отца из принципа, а не потому, что куш будет гораздо крупнее, если я проявлю «независимость». Ее отец это ценит. И предложит сам.

– Ладно, – она тянется за халатом. – Но пообещай, что заглянешь вечером. Папа хотел поговорить с тобой о макроэкономике.

– Обещаю, – говорю я, уже застегивая ремень. Подхожу к кровати, наклоняюсь, целую ее в макушку. Она ловит мою руку, прижимает ладонь к щеке. Ее доверие – липкое, сладкое. Оно обволакивает меня. Мне почти физически приходится отрывать пальцы.

В прихожей я ловлю свое отражение в огромном зеркале в золоченой раме. Высокий, подтянутый, с правильными, чуть жестковатыми чертами лица. Волосы, еще влажные, падают на лоб. Взгляд серых глаз холодный, оценивающий. Я проверяю «упаковку». Все в порядке. Ни тени усталости, разве что легкая, пикантная бледность. Следы ее помады на шее. Я смахиваю их краем рукава.

Выходя из их квартиры в престижном доме в центре, я вдыхаю полной грудью. Воскресное утро. Город просыпается. У меня в кармане вибрирует телефон. Я достаю его. Сообщение от Полины: «Съемка в лофте задерживается. Модель опаздывает. Приезжай, соскучилась. И нужен твой взгляд на свет».

Я быстро печатаю, двигаясь к парковке, где ждет серая Audi A4 – не моя, конечно, но ключи от нее у меня в кармане уже три месяца.

«Актив Полина: блогер-миллионник.

Плюсы: доступ к тусовкам, дорогим вещам, пиар, создание нужного имиджа («успешный молодой предприниматель Мирон»).

Минусы: живет в режиме сторис, требует постоянного присутствия в ее виртуальной жизни, эмоционально нестабильна».

«Через час, солнце. Держись», – отправляю я и откладываю телефон.

На машине Алисы я еду через весь город в бывший промышленный район, где Полина снимает свой очередной «безумно атмосферный» лофт для контента. Пока еду, проматываю в голове остальные вкладки.

«Актив Вероника. Юрфак. Отец – следователь. Вечером у нас запланирована «учеба» в библиотеке. Ей нужна помощь с экономикой для междисциплинарного курса, а мне – ее острый юридический ум для проработки одной мелкой, но щекотливой схемы с мерчем от ивентов Полины. Все в рамках закона, конечно. Пока что».

«Актив Лика. Скромная гений-программистка из общаги. Вчера закончила для меня черновой вариант алгоритма для той самой курсовой. Молча, без лишних вопросов. Ее преданность – тихая, собачья. Ей нужно поощрить. Просто обнять, сказать «спасибо» и погладить по волосам. Для нее это дороже любой суммы».

«Актив Марина. Галеристка, наследница. Она сейчас в Лондоне на выставке. Присылала фото утреннего кофе с видом на Темзу. С ней разговор – только вечером, по видео, когда Алиса будет занята с отцом».

Я паркуюсь у кирпичного здания фабрики. Ловлю себя на том, что выравниваю дыхание. С Алисой я был доминирующим, но заботливым. С Полиной нужно быть другим – легким, немного циничным, чуть отстраненным, но восхищенным ею. Арт-директор ее жизни.

Поднимаюсь на лифте. Дверь в лофт открыта. Внутри хаос: светоотражатели, стойки с одеждой, фотоаппаратура. И в центре – Полина. В шелковом халате, с идеальным макияжем для «только что проснувшейся» съемки. Она видит меня, и ее лицо расцветает улыбкой, которую я видел у полумиллиона подписчиков. Искренней. Для меня.

– Наконец-то! – она падает мне на шею, и я ловлю знакомый аромат дорогой туалетной воды с нотками грейпфрута. Совсем другой, чем у Алисы. – Он просто убил весь свет! Смотри, тут тени...

Я позволяю ей поволочь себя, киваю, делаю дельные замечания, ловлю на себе взгляд задержавшейся модели – долгий, заинтересованный. Полина замечает это. Ее пальцы чуть сильнее впиваются в мой локоть. Ревность. Еще один рычаг управления.

Я смотрю на ее профиль, на идеальные кадры, которые рождаются вокруг нас, и чувствую прилив холодного, чистого удовлетворения. Все под контролем. Каждый актив работает. Каждый пассив... нет, не пассив. Эти девушки – не пассивы. Они – двигатели. А я – архитектор этой идеальной, сложной, вращающейся вокруг меня системы. Сеть надежна. Я в безопасности. Я на вершине.

Процессор в моей голове тихо щелкает, занося новый факт: «Интервал между Алисой и Полиной: 42 минуты. Эмоциональный переход выполнен успешно. Система стабильна».

Глава 3

Глава 2. Теорема Лики

Лофт Полины оглушает меня какофонией цвета и звука. После тихой, пахнущей старыми книгами спальни Алисы это как прыжок в ледяной, шипучий энергетик. Полина болтает без остановки, ее слова – быстрые, острые, как щепки от разрубленного льда: «бренд», «вовлеченность», «сторис», «челлендж». Я киваю, вставляю в нужных местах: «Креативно», «Это выстрелит», «Твой лучший контент». Мои фразы – как точно рассчитанные инъекции адреналина прямо в ее самолюбие.

Модель, длинноволосый хрупкий парень, смотрит на меня с немим вопросом. Кто этот тип в идеально сидящей рубашке, который одним взглядом заставил капризную Полину успокоиться? Я ловлю его взгляд и слегка, почти невидимо, отдаю подбородком. Жест, не оставляющий сомнений: «Ты – рабочий реквизит. Я – здесь своя атмосфера». Он отводит глаза.

– Мирон, смотри! – Полина тычет мне в телефон экраном. На нем графики. – Взаимодействие после вчерашнего поста упало на семь процентов! Это провал!

В ее голосе – настоящая, истеричная боль. Для нее это – конец света. Для меня – фоновая статистика.

– Не провал, – говорю я, беру телефон из ее рук. Мой палец скользит по экрану. Я изучаю цифры не как блогер, а как экономист. – Ты просто попала не в ту демографику в это время суток. Вечерняя аудитория хочет гламура и драмы. Устойчивое развитие оставь для утра вторника. Это не падение вовлеченности. Это – уточнение целевой группы.

Она смотрит на меня, как на оракула. Ее паника сменяется обожанием. Ей нужен не парень, а директор, который разбирается в ее хаосе.

– Правда? – она хватается меня за запястье.

– Конечно, – я улыбаюсь, и эта улыбка – чистый продукт, отшлифованный до блеска. – Ты гений, Поля. Просто даже гениям нужен иногда взгляд со стороны. Давай закончим съемку, а потом я помогу тебе переупаковать историю.

Она кивает, ожившая, и кричит что-то визажисту. Я отхожу к окну, за которым простирается унылый индустриальный пейзаж. Время – 13:47. Через тринадцать минут мне нужно быть в пути. Следующая точка – общежитие №7, корпус Б. «Актив Лика».

Мой телефон вибрирует. Сообщение от Вероники: «Библа. 16:00. Не опаздывай. Принесишь тот отчет по кейсу? И кофе. Черный, как твоя совесть.»

Я усмехаюсь. Ее тон – ее фирменный знак. Деловой, с колючкой. С ней нельзя быть ни доминирующим, как с Алисой, ни вдохновляющим, как с Полиной. С Вероникой нужно быть... равным. Партнером по преступлению, даже если преступление пока – лишь теоретическое обсуждение серых зон в налогообложении товаров от брендов.

«Отчет будет. Кофе – американо, да? Без совести, просто крепкий», – отправляю я и выхожу из лофта, бросив Полине воздушный поцелуй. Она ловит его и прижимает к губам. Картинка идеальна для ее сторис, которые она, не сомневаюсь, уже монтирует в голове.

Дорога до общаги занимает двадцать минут. Я паркую Audi не на виду, а за углом. Лика не любит внимания. Ее мир – это экран ноутбука, термос с чаем и тишина. Ее комната в блочном общежитии – аскетична до боли: застеленная армейским способом кровать, стол, заваленный проводами и техникой, которую она собирает и разбирает, как другие – пазлы. И книги. Много книг по кибернетике, криптографии, высшей математике.

Она открывает дверь на мой стук. Маленькая, в мешковатом свитере, в огромных очках, съехавших на кончик носа. Ее волосы, цвета воронова крыла, собраны в небрежный пучок. Она не улыбается, но ее карие глаза за стеклами очков загораются крошечной искрой.

– Привет, – бормочет она, отступая, чтобы впустить меня.

– Привет, гений, – говорю я, и мой голос становится другим. Теплее. Мягче. Без бархатной властности, без легкой иронии. Здесь я – простой, почти братский. Я протягиваю ей бумажный пакет. – Принес глинтвейн. Безалкогольный. Греет.

Она берет пакет, и наши пальцы касаются на долю секунды. Она краснеет. Ее реакция – чистая, неиспорченная, как исходный код. Ее доверие – самое ценное, потому что оно не куплено подарками или статусом. Оно завоевано... вниманием. Тем, что я, якобы, «вижу» в ней больше, чем просто ботаника.

– Спасибо, – шепчет она. – Алгоритм... я доделала. Он обучается быстрее, чем я предполагала.

Я подхожу к ее ноутбуку. На экране бегут строки кода – зеленые, черные, монотонные. Для меня это магия. Для нее – простая работа.

– Ты – волшебница, Лик, – говорю я, кладя руку ей на плечо. Она замирает, как птичка под ладонью. – Без тебя я бы с этим курсачом пропал. Все списывают у кого-то, а у меня – эксклюзивная AI-модель для прогнозирования. Спасибо.

– Пустяки, – она отводит взгляд, но ее щеки горят еще ярче. – Мне... интересно было.

Я знаю, что ей не нужны деньги. Ей нужны признание и мое присутствие. Я провожу с ней сорок пять минут. Смотрю, как работает ее программа, задаю наивные, как ей кажется, вопросы, над которыми она терпеливо смеется. Я позволяю ей быть экспертом. Позволяю ей учить меня. Это – ее валюта.

Когда наступает время уходить, я вижу тень на ее лице.

– Мне надо бежать, – говорю я с сожалением, которого на 80% не чувствую. – Работа. Знаю, что снова прошу невозможного, но... у меня тут одна идея по оптимизации кода. Для скорости. Не могла бы глянуть, когда будет время?

Я протягиваю ей флешку. Это не задание. Это – приглашение в наш общий, тайный мир. Она берет ее, как святыню.

– Конечно, Мирон. Всегда.

На пороге я оборачиваюсь и, будто спонтанно, обнимаю ее. Коротко, по-дружески. Она пахнет паяльной кислотой, чаем и чистотой. Ее тело напрягается, потом тает в этом объятии на долю секунды.

– Ты – лучшая, – говорю я ей прямо в ухо и выхожу.

В коридоре общежития я выравниваю дыхание. Эмоциональный переход: из яркого, шумного мира Полины в тихую, стерильную вселенную Лики завершен. Успешно. Но внутри, где-то в самой глубине, где спрятан настоящий я, возникает микроскопическая трещина. Лика... она другая. Она не актив в чистом виде. Она... искренняя. И эта искренность – слабое место. Не ее. Мое.

Я отгоняю мысль. Слабость – это роскошь, которую я не могу себе позволить.

Время – 15:12. До встречи с Вероникой сорок восемь минут. Еще есть время заехать домой – в съемную однушку на окраине, которую ни одна из них не видела. Мое истинное логово. Место, где я могу снять все маски и просто быть собой. Холодным, расчетливым архитектором, который только что проверил и укрепил еще один узел в своей сети.

За рулем Audi я ловлю свое отражение в зеркале заднего вида. Лицо спокойное, уверенное. Но в глазах, если приглядеться, плавает легкая усталость. Не физическая. Метафизическая. Стоимость постоянной трансформации.

Процессор в голове выдает свежий отчет: «Актив Лика: эмоциональная связь усилена. Задание принято. Риск низкий. Вероятность сбоя – 0.5%. Причина: искренняя привязанность субъекта».

0.5%. Допустимая погрешность.

Я завожу двигатель. Следующая остановка – библиотека. Игра в равных с Вероникой. Пора переключаться.

Глава 4

Глава 3. Полировка инструмента

Между визитом к Лике и встречей с Вероникой есть окно в сорок минут. Нельзя приходить к дочери следователя с запахом общежитского чая и в рубашке, на которой, если приглядеться, осталась полустертая помада Полины цвета «красный авантюрин». Внешний вид для Мирона – это функционал. Защитный цвет, точная мимикрия, чистота инструмента перед работой.

«Шик» – не просто салон. Это территория, где пахнет деньгами, приглушенной классической музыкой и легким цинизмом. Он стоит на пересечении бульвара и тихой, вымощенной плиткой улочки. Стеклопанная витрина матовая, название выгравировано минималистичным шрифтом. Никаких навязчивых акций, девочек в розовых халатах. Здесь все в черном, сером и оттенках бетона.

У меня нет записи. У меня есть имя. Мирон Воронов не записывается. Он появляется.

Паркую Audi в паре кварталов, иду пешком. Уверенной, но не спешащей походкой. Я не клиент, я – часть ландшафта. Дверь открывается беззвучно. Внутри – просторный холл с низким диваном и кофейным столом из цельного дуба. В воздухе витает аромат бергамота и сандала.

За стойкой – администратор, Анастасия. За тридцать, безупречный вид, взгляд, оценивающий стоимость часов на руке посетителя быстрее любого сканера. Она видит меня, и каменное выражение ее лица смягчается на полградуса.

– Мирон, здравствуйте, – ее голос – бархатный контральто. – Как всегда, к Даниле?

– Здравствуй, Настя. Да, к нему, – киваю я, сбрасывая легкую куртку. Она принимает ее без слов, вешает в скрытую за панелью гардеробную. – Есть окно?

– Для вас – всегда, – она скользит пальцем по планшету. Ее улыбка профессиональна, но в глазах – искра любопытства. Я – загадка для нее. Молод, не из их круга по рождению, но ведет себя так, будто владеет этим местом. Я не флиртую с ней, не хвастаюсь. Я просто есть. И плачу наличными, без скидок. Это вызывает уважение. – Данила через пять минут. Пойдемте в зону ожидания, или предпочтете кресло у мойки?

– Кресло, – говорю я и следую за ней по коридору, устланному мягким ковром, поглощающим шаги.

«Шик» – это мой штаб по техническому обслуживанию. Волосы – у Данилы, единственного барбера в городе, который понимает, что мне нужно не «модно», а «безупречно и незаметно». Кожа – у косметолога Вики, которая за закрытыми дверями кабинета убирает следы бессонных ночей и легкую пигментацию, оставшуюся от подросткового акне. Маникюр – строгий, мужской, у немой девушки-мастера, которая никогда не задает лишних вопросов.

Сейчас – только Данила. Стрижка и легкая укладка.

Он ждет меня у своего кресла, зеркала в позолоченной раме и полок с инструментами, похожими на хирургические. Данила, лет сорока, с ироничными глазами и руками пианиста.

– Мирон-джентльмен, – протягивает он руку для дружеского рукопожатия. Мы не друзья, но у нас есть взаимное уважение профессионалов. Он ценит мой вкус и щедрые чаевые. Я ценю его молчаливость и умение. – На машинке или ножницами?

– Только ножницы, Дан. Ты знаешь. Просто освежить форму.

Я сажусь в кресло. Он накидывает на меня черную мантию. Его пальцы быстро, уверенно пробегают по моим волосам, оценивая структуру, длину.

– Напряженная неделя? – спрашивает он нейтрально, беря в руки расческу и ножницы. Начинается танец: щелчок ножниц, падающие темные пряди.

– Как обычно, – отвечаю я, глядя на свое отражение. Лицо под софитами кажется чуть бледнее, чем есть на самом деле. Я вижу в зеркале, как в салон заходит еще один клиент – мужчина лет пятидесяти, в дорогом, но безвкусном пальто. Он бросает на меня беглый взгляд, но я уже опустил глаза, изучая узор на персидском ковре под ногами. Быть незаметным – иногда лучшее, чем быть замеченным.

– Много девушек, наверное, – говорит Данила, и в его голосе нет любопытства, только констатация. Он видел, как меняются от месяца к месяцу ароматы, которые я иногда неувлочно приношу с собой. Дорогие, разные. Он все понимает. И молчит.

– Достаточно, – улыбаюсь я уголком губ. Это наш ритуал. Он позволяет себе одну легкую провокацию за визит. Я позволяю.

Ножницы щелкают, срезая миллиметр за миллиметром. Это медитативный процесс. Пока Данила работает, я мысленно прокручиваю предстоящий разговор с Вероникой. Нужно подготовить аргументацию. Предложить ей не просто помощь с экономикой, а... партнерство. Осторожно. Ее отец – следователь. Ее ум – острый, подозрительный. Она не купится на красивую историю. Ей нужны логика, выгода и минимальный риск.

– Ты сегодня какой-то... собранный, – замечает Данила, отходя, чтобы оценить симметрию. – Деловая встреча?

– Можно и так сказать, – киваю я. – С дочерью одного важного человека. Нужно выглядеть... надежно.

– Ага, понятно, – бормочет он, возвращаясь к работе. – Значит, не джентльмен-плейбой, а серьезный молодой перспективный экономист. Будет сделано.

Он меняет насадку на машинке, чтобы обработать виски и затылок. Жужжание аппарата заглушает тихую музыку. Я закрываю глаза. На мгновение отключаюсь. Вспоминаю утро: Алисины стоны, горячую кожу под пальцами. Потом – кислотный запах пайки в комнате Лики. Резкий переход. Как между кадрами в плохо смонтированном фильме. Но я – и режиссер, и монтажер. Я должен обеспечить бесшовность.

– Готово, – голос Данилы возвращает меня в реальность.

Я открываю глаза. В зеркале – я, но отполированный. Волосы идеально уложены, ни одной выбивающейся прядки. Линия стрижки подчеркивает скулы, делает взгляд еще более пронзительным. Данила сдувает невидимые соринки с шеи мягкой кистью, потом втирает каплю масла для волос – аромат древесины и мяты.

– Идеально, – говорю я, вставая. Достая из кармана джинсов свернутую пачку купюр, отсчитываю сумму, вдвое превышающую прайс. Кладу на полку среди флаконов. – Спасибо, Дан.

– Всегда рад, – кивает он, замечая чаевые, но не комментируя. – Удачи с важной дочерью.

Выхожу из его кабинета. В холле замечаю ту самую девушку-мастера по маникюру. Она сидит за своим столиком, склонившись над журналом. Я ловлю ее взгляд и делаю едва заметный жест – указательным пальцем проводя по ногтю другой руки. Она молча кивает. Через три дня, перед встречей с отцом Марины, который вернется из Лондона, мне понадобится и ее услуга. Все по графику.

Настя у стойки вручает мне куртку.

– До следующего раза, Мирон.

– До следующего, Настя.

Я выхожу на улицу. Вечерний воздух прохладен. Я достаю телефон. Пишу Веронике: «Выдвигаюсь. Кофе беру. Готовь свои острые коготки».

Ответ приходит почти мгновенно: «Когти точила. Жду. Место в дальнем углу, у окна на внутренний двор. Тихо».

Я направляюсь к Audi, но не сажусь сразу. Останавливаюсь у витрины соседнего бутика, делая вид, что разглядываю одежду. На самом деле смотрю на свое отражение в стекле. Новый Мирон. Собранный. Чистый. Лишенный следов утра, общежития, парикмахерской. Инструмент готов к тонкой работе.

Внутри все спокойно. Усталость растворилась, сменившись холодной концентрацией. Вероника – не эмоция. Она – вызов, шахматная партия. Нужно быть на уровне.

Сажусь в машину, завожу двигатель. Включаю подкаст на английском о международном налоговом праве. Фон для вхождения в роль. По дороге заезжаю в кофейню, где знают мой заказ: двойной американо в термкружке, черный, без всего.

Процессор в голове выдает финальный чек-лист перед миссией: «Внешний вид: оптимален. Аргументация: готова. Цель: закрепить статус равного партнера, прощупать возможность расширения сотрудничества на область «серых» юридических консультаций. Риск: средний (субъект обладает высоким интеллектом и связями). Страховка: детали реального кейса (мерч от ивентов Полины) чисты, проверила Лика.»

Кофе в подстаканнике, стрижка Данилы, холодный ум. Я готов. Сеть должна расширяться. И Вероника – ключевой узел в ее юридической части. Пора приступать к вербовке.

Глава 5

Глава 4. Шахматы в глухом углу

Библиотека им. Салтыкова-Щедрина – не просто хранилище книг. Это готическое чудо из темного кирпича с лабиринтами читальных залов, винтовыми лестницами и вечным запахом старых фолиантов и пыли. Я нахожу дальний угол на втором этаже, как и просила Вероника. Здесь, за высокими стеллажами с архивными подшивками журналов, стоит одинокий стол у узкого окна, выходящего в замкнутый кирпичный колодец двора. Тусклый вечерний свет еле пробивается сквозь грязное стекло.

Она уже здесь. Сидит, сгорбившись над толстой книгой в синем переплете – «Уголовно-процессуальный кодекс РФ». Рядом – стопка конспектов, исписанных ее размашистым, агрессивным почерком. В ее ухе – один беспроводной наушник. Она не смотрит на меня, когда я подхожу, но я вижу, как напряглись мышцы ее спины под простой черной водолазкой.

Ставлю термокружку с американо перед ней на стол. Звук глухой, тяжелый.

– Твой яд, фрейлин, – говорю я, сбрасывая куртку на соседний стул.

Она медленно поднимает глаза. Карие, с янтарными бликами, острые, как скальпели. Ни тени улыбки.

– Опоздал на четыре минуты, – констатирует она, откладывая кодекс. – Я начала сомневаться, что твоя совесть все же материальна и застряла в пробке.

– Совесть – понятие процессуальное, а не материальное, – парирую я, садясь напротив. – Ее нельзя опоздать. Можно лишь не успеть предъявить к сроку. Кофе – вещественное доказательство моих благих намерений.

Уголок ее рта дрогнул. Почти улыбка. Почти.

– Благими намерениями вымощена дорога в мою зачетку с тройкой по экономике, – говорит она, открывая кружку и делая глоток. Ее лицо не меняется. Крепость кофе, похоже, ее устраивает. – Ну что, гений финансовых пирамид? Где твой отчет? И где мое спасение от этих... макроэкономических химер?

Достаю из сумки распечатанные листы – тот самый кейс по оптимизации логистики для условной компании. Чистая, почти стерильная работа, которую я сделал сам, без помощи Лики. Для Вероники – только легальное.

– Вот, – кладу перед ней. – Разжевано до состояния пюре. Основные формулы, графики, выводы. Твой вариант – подставить данные из своего условного дела о... скажем, о нецелевом использовании бюджетных средств в муниципальном театре. Звучит солидно и попадает под твою специализацию.

Она хватается за листы, ее глаза быстро бегут по строчкам. Я наблюдаю. Она читает иначе, чем Лика. Та погружается в код, как в медитацию. Вероника – сканирует, выискивает слабые места, лазейки.

– Неплохо, – наконец, изрекает она, откладывая отчет. – Структура логичная. Но выводы слишком прямолинейны. Жизнь, а особенно бюджетные деньги, любит кривые пути. Нужно добавить параграф про возможные злоупотребления при закупках и как их замаскировать под оптимизацию.

Я присвистываю тихо. Вот она – ее натура.

– То есть, тебе не просто сдать работу. Тебе нужно блеснуть цинизмом?

– Нужно продемонстрировать понимание предмета в его естественной, грязной среде обитания, – поправляет она, и в ее глазах вспыхивает азарт. Она достает ручку и начинает что-то быстро править на полях моего безупречного отчета. – Папа говорит: «Хочешь поймать вора

– думай, как вор». Я хочу не сдать, я хочу получить «отлично». А для этого нужно показать, что я мыслю на шаг впереди среднестатистического вора. Или экономиста.

Я откидываюсь на стуле, изучаю ее. Она не красива в общепринятом смысле. Резкие черты, прямой нос, тонкие губы, которые редко улыбаются. Но в ней есть магнитная сила. Сила ума, почти физическая.

– Говоря о ворах и их мышлении... – начинаю я осторожно, разглядывая узоры на деревянной столешнице. – У меня есть один... гипотетический вопрос.

– Гипотетические вопросы – моя специальность, – говорит она, не отрываясь от правок.

– Допустим, есть человек. Он организует мероприятия. На них продается мерч – футболки, значки, прочее. Все легально, налоги уплачены. Но наличная выручка... она немаленькая. И хочется ее как-то... легализовать для личных нужд, минуя лишние взгляды. Гипотетически.

Ее ручка замирает. Она медленно поднимает голову. Теперь ее взгляд – не скальпель, а рентген. Он просвечивает меня насквозь.

– Гипотетически, – повторяет она, растягивая слово. – И этот гипотетический человек – не ты, конечно.

– Конечно, нет. Я просто интересуюсь правовой стороной. Для общего развития.

Она откладывает ручку, складывает руки перед собой. Поза следователя на допросе.

– «Минуя лишние взгляды» – это криминальная формулировка, Воронов. Легализация – это отмывание. Статья 174 УК РФ. Гипотетическому человеку нужен не экономист, а адвокат. Или очень хороший бухгалтер с пониженной социальной ответственностью.

– А если сумма небольшая? И если есть, скажем, ИП, через которое можно провести эти деньги как оплату за... консультационные услуги? – настаиваю я, сохраняя легкий, почти игровой тон. – Опять же, гипотетически.

Она смотрит на меня долго. В тишине угла слышно только шуршание ее пальцев по бумаге.

– Гипотетически, – говорит она наконец, – схема примитивная. Выглядит как серая зона, но при желании ее можно раскрутить как отмывание. Риски: контрагент (тот самый ИП) может оказаться ненадежным. Налоговая может заподозрить мнимую сделку, особенно если «консультационные услуги» ничем не подтверждены. И самое главное – если у твоего гипотетического человека есть хоть один недоброжелатель, который нарекнет в нужную инстанцию... – Она делает паузу, ее взгляд становится еще острее. – Ты уверен, что тебе нужно это «общее развитие», Мирон? Оно пахнет большими проблемами.

В ее голосе нет осуждения. Есть предупреждение. И интерес. Чисто профессиональный.

– Знание – сила, Вероника. Я просто изучаю ландшафт, – пожимаю я плечами. – Спасибо, что просветила. Возвращаемся к твоим химерам?

Мы возвращаемся к макроэкономике. Но атмосфера изменилась. Между нами протянулась невидимая нить – нить общего, пусть и гипотетического, риска. Она объясняет мне нюансы монетарной политики, а я ловлю себя на мысли, что анализирую ее уже не как «актив», а как... союзника? Потенциально опасного союзника.

Через час она закрывает последний конспект.

– Ладно, сойдет. Спас меня от позора. Теперь я хотя бы понимаю, о чем буду нести на семинаре.

– Всегда рад помочь блюстительнице будущего правопорядка, – улыбаюсь я.

– Блюстительнице? – она фыркает, собирая вещи. – Я скорее... системный аналитик. Мне интересно, как система ломается. И как ее можно починить. Или сломать так, чтобы не попасться.

Она встает, натягивает косуху. Смотрит на меня оценивающе.

– Ты сегодня какой-то... отполированный, Мирон. Стрижка свежая. К тебе не приста-нет соринка. Прямо как... как свидетель на суде, которого готовили к выступлению хорошие адвокаты.

Ледяная игла проходит по моему позвоночнику. Она слишком наблюдательна.

– Просто уважаю твое время и профессионализм, – говорю я, тоже вставая. – С тобой нельзя приходить в чем попало.

– Лесть? – она поднимает бровь.

– Констатация факта.

– Принимается. До скорого, гипотетический экономист.

Она разворачивается и уходит между стеллажами, ее шаги гулко отдаются в тишине. Я остаюсь один в полумраке угла. Разговор про мерч не дал практических решений, но дал нечто большее – понимание границ. И ее интерес. Она не отшатнулась. Она анализировала.

Процессор в голове обновляет статус: «Актив Вероника: переход от нейтрального кон-такта к потенциальному соучастию в обсуждении «серых» схем. Уровень риска повышен до «высокий». Вознаграждение: юридическая экспертиза, возможное прикрытие. Требуется осто-рожность. Следующий шаг – предложить реальный, мелкий, но «грязный» кейс для анализа».

Я смотрю в грязное окно на кирпичную стену. В отражении вижу свое лицо – отполи-рованное, безупречное, холодное. Свидетель, которого готовили хорошие адвокаты. Она была права. Но она не знала главного: я не свидетель. Я – архитектор дела. И каждый разговор, каж-дая встреча – это кирпичик в стене, которая должна защитить меня от всего. Даже от таких проницательных, как она.

До звонка Марине из Лондона остается два часа. Пора переключаться на режим «влюб-ленного на расстоянии». Снова трансформация. Я вздыхаю, собираю вещи. Сеть росла. И вме-сте с ней росла сложность игры. Но я еще не делал ошибок. И не собирался.

Глава 6

Глава 5. Правила безопасности

Вечерний звонок Марине – это всегда высокое искусство. Нужен правильный фон (тихая музыка у меня в наушниках, чтобы создать иллюзию, что я расслаблен дома, а не сижу в припаркованной на темной улице Audi), правильный свет (мягкий, от настольной лампы, который я имитирую, включая плафон в салоне), и главное – правильные эмоции. Скучающая нежность, разбавленная легкой усталостью от «трудного, но успешного дня».

– Марик, привет, солнце, – мой голос становится на полтона ниже, теплее, с легкой хрипотцой. – Как Лондон? Уже соскучился по нашему серому небу.

Ее голос в трубке – чистый, звонкий, будто она и правда излучает свет. – Миш, привет! Лондон... дождливый, конечно, но безумно вдохновляющий! Мы сегодня подписали контракт с одним молодым художником из Стенфорда, он просто гений! Папа в восторге.

Папа. Отец Марины, Аркадий Львович, владелец сети галерей и еще парочки менее легальных, но очень прибыльных бизнесов. Мой самый желанный актив, доступ к которому лежит через его дочь.

– Рад за тебя, – говорю я искренне. Ее успехи – мои будущие возможности. – Расскажешь все в деталях, когда вернешься. А то тут без тебя скучно. Даже на выставку в тот новый центр на Набережной не пошел – без тебя нет смысла.

Это ложь. Я был там с Полиной, чтобы она сделала контент. Но Марина верит. Она хочет верить.

– Ой, ну ты даешь! – смеется она. – Ты же сам говорил, что искусство должно быть вне эмоций, чистый инвестиционный актив.

– Для меня единственный эмоциональный актив – это ты, – парирую я без запинки. Слышу ее счастливый вздох. Работает. – Когда возвращаешься?

– Послезавтра, вечером. Встретишь?

– Встречу, конечно. Стер весь график. – Еще одна ложь. В этот вечер у меня запланирована «групповая проектная работа» с Алисой и ее одноклассниками. Придется выкручиваться.

Мы болтаем еще минут десять. Я рассказываю вымышленную историю о сложных переговорах с «гипотетическим инвестором», вплетаю парочку умных терминов, которые подчеркивают мою серьезность. Она ловит каждое слово. Для нее я – не просто красивый парень. Я – перспектива. Проект, в который она с отцом могут вложиться.

Кладу трубку. Тишина в салоне кажется внезапно гнетущей. Я выключаю «свет лампы» и откидываю голову на подголовник. Усталость, настоящая, физическая, накатывает волной. Пять разговоров, пять ролей за день. Переключение контекста съедает больше ресурсов, чем кажется.

Вибрация телефона вырывает меня из полудремы. Сообщение. От «неизвестного номера».

«Мирон. Ты сегодня очень занят был. Интересный маршрут: центр – промзона – общага – библиотека – окраина. Спортсмен. А.З.»

Кровь стынет в жилах. Я медленно выпрямляюсь, перечитываю сообщение. Каждое слово – как удар тупым ножом. «А.З.» Алиса Завьялова. Это она. Но как? Она не должна... Не могла...

Паника, острая и животная, сжимает горло. Но длится она лишь секунду. Потом включается холодный, спасительный режим анализа. Она следила. Как? На машине? Маловероятно, она не из тех. Приложение? Возможно. Я проверяю телефон на предмет трекеров – чисто.

Значит, старая школа. Может, кто-то видел? Одна из ее подруг? Или... Лика? Нет, Лика не способна. Полина? Слишком занята собой.

Я должен ответить. Но как? Отрицать? Бессмысленно, раз она пишет так уверенно. Играть в обиду? Рискованно.

Мои пальцы сами набирают ответ, прежде чем мозг полностью оценит стратегию: «Любопытство – не порок, Алис. Но слежка – уже нарушение границ. Я работал. Над разными проектами. Для нашего же будущего. Ты хочешь этим будущим рисковать?»

Отправляю. Игра на повышение. Перевод ее любопытства в агрессию, а затем – в чувство вины. Ставка на ее страх меня потерять.

Минута тянется мучительно долго. Тишина. Потом телефон снова вибрирует.

«Не учи меня, что такое границы. Я не следила. Мне сказали. Сказали, что видели тебя днем с той... блогершей, Полиной. У фабрики. Обнимались. Объясни.»

Вот оно. Свидетель. Черт. Значит, все же кто-то увидел. Неудачное стечение обстоятельств. Мозг лихорадочно ищет выход. Правда не вариант. Нужна полуправда, обернутая в красивый фантик.

Набираю голосовое. Это важно. Чтобы она слышала интонации – усталую искренность, легкое раздражение, за которым прячется «правда».

«Алис, послушай, – начинаю я, голос чуть хриплый, без фальшивой нежности. – Да, я был у Полины. Она снимает для одного моего... стартапа. Пиар-кампанию. Это бизнес. Ты же знаешь, я подрабатываю. Она – профессиональный контент-мейкер. А «обнимались» – это, скорее всего, она кидалась на шею, как она всегда это делает. Она со всеми так. Это ее рабочий стиль. Поверь, если бы у меня были к ней какие-то чувства, разве я стал бы рисковать и приводить ее на съемочную площадку в промзону, где нас может увидеть кто угодно? Я бы прятался. А я не прячусь. Потому что мне нечего скрывать от тебя. Мне просто нужны были ее услуги. И точка.»

Делаю паузу, давая этому впитаться. Потом добавляю, уже мягче:

«Мне жаль, что ты услышала это от кого-то. И что это испортило твой день. Давай не будем портить еще и вечер. Я устал. И мне сейчас нужна не сцена ревности, а твоя поддержка. Хотя бы понимание.»

Отправляю. Ставка сделана. Полуправда (да, был), оправданная деловой необходимостью (стартап), смешанная с логикой (не стал бы светиться) и эмоциональным шантажом (мне тяжело, а ты меня добиваешь).

Жду. Секунды превращаются в пытку. Я смотрю на темное стекло, в котором вижу лишь свое искаженное отражение. Впервые за долгое время чувствую, что контроль ускользает. Одна случайность. Один лишний свидетель. И вся хрупкая конструкция может рухнуть.

Телефон вибрирует. Не сообщение. Звонок. От Алисы.

Я делаю глубокий вдох, выравниваю голос. Беру трубку.

– Алло?

– Ты... ты правда так устал? – ее голос дрожит, в нем слышны слезы и растерянность.

– Очень, – говорю я с той самой, выверенной долей слабости, которая обезоруживает. – Это был долгий и сложный день. И эта история с Полиной – просто работа. Ничего более. Ты веришь мне?

Молчание. Потом тихий вздох.

– Верю. Прости. Это... меня так задело. Эта дура Настя с филфака сказала... Ладно, неважно. Приедешь завтра утром? Папа хочет с тобой позавтракать. Поговорить о стипендии.

Расслабление, сладкое и головокружительное, разливается по телу. Кризис миновал. Более того, он обернулся победой. Теперь она чувствует себя виноватой. И открывает мне доступ к отцу.

- Приеду, – говорю я мягко. – Спи спокойно, ладно? И не слушай глупых сплетниц.
- Спи... ты тоже. Люблю.
- И я.

Кладу трубку. Руки дрожат. Я сжимаю их в кулаки, пока кости не хрустнут. Это был слишком близкий вызов. Слишком.

Я завожу машину и еду в свою съемную однушку. Настоящее логово. Безликие белые стены, минималистичная мебель, ноутбук на голом столе. Здесь я не Мирон для кого-то. Я – никто.

Сажусь перед ноутбуком, открываю файл. Он называется «Правила безопасности». Я веду его с самого начала. Дополняю. Сегодня добавляю новый пункт, выведенный жирным шрифтом:

«ПРАВИЛО 7:

НИКОГДА НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗОНЫ АКТИВОВ БЕЗ КРИТИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ. СВИДЕТЕЛЬ – НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ ФАКТОР. ВЕРОЯТНОСТЬ СЛУЧАЙНОЙ ВСТРЕЧИ > 0. ТРЕБУЕТСЯ ПЕРЕСМОТР ЛОГИСТИКИ.»

Я откидываюсь на стуле, смотрю в потолок. Сеть держалась. Но в ней появилась первая, почти невидимая трещина. Не в логике, не в расчетах. В человеческом факторе. В случайности. И против случайности у меня нет алгоритма.

Процессор в голове, заглушая нарастающую тревогу, выдает сухой отчет: «Инцидент с Алисой: локализован. Эмоциональная связь усилена за счет индуцированного чувства вины. Доступ к активу «Отец Алисы» получен. Однако, выявлена системная уязвимость: пересечение маршрутов. Требуется срочная оптимизация».

Оптимизация. Да. Завтра. А сейчас нужно спать. Завтра снова пять, а может, уже шесть ролей. Игра продолжается. Но правила стали жестче.

Глава 7

Глава 6. Пластика обмана

Утро после инцидента с Алисой должно было быть идеальным. Идеальным спектаклем. Я проснулся за час до будильника в своей казенной однушке, отрепетировал в уме каждую фразу, каждый жест. Завтрак с ее отцом, деканом Завьяловым, — это не еда. Это защита диплома, только на тарелке вместо листов лежит омлет с трюфелем.

Я приехал к их дому на рассвете, оставив машину за углом, и вошел с видом человека, который не спал, усердно работая над своим будущим. И моим с Алисой, конечно.

— Мироша, заходи, — встретила меня Алиса в шелковом халате, ее глаза чуть припухли. От слез или бессонницы. Она обняла меня, вжалась в грудь, и в этом объятии было что-то новое — цепкое, почти отчаянное. — Прости за вчерашнее... я была дура.

— Забудь, — прошептал я, целуя ее в макушку. Мой голос был бальзамом. — Все хорошо.

За столом в светлой столовой, заставленной фамильным серебром, сидел Игорь Сергеевич Завьялов. Человек лет пятидесяти пяти, с умными, холодными глазами за очками в тонкой оправе и привычкой смотреть сквозь собеседника, как будто оценивая его курс на бирже.

— Мирон, садитесь, — сказал он, не удостоив меня рукопожатием, лишь кивнув на стул. — Алиса говорит, вы вчера до ночи корпели над каким-то проектом. Надеюсь, он того стоит.

— Надеюсь, Игорь Сергеевич, — ответил я, с правильной долей почтительности, но без подобострастия. Я сел, отрегулировал салфетку на коленях. — Это проработка модели для того самого конкурса стипендий. Хочу представить не просто заявку, а готовое бизнес-решение.

— Амбициозно, — заметил он, разбивая яйцо-пашот. Желток растекся, как маленькое солнце. — Конкурс, между прочим, серьезный. Там и дети моих коллег участвуют. И не только с экономфака.

— Я это понимаю, — кивнул я. Алиса налила мне кофе. Ее пальцы дрожали. Она все еще была на взводе. Ее нога под столом нашла мою, прижалась. Я не отодвинулся. — Поэтому и стараюсь сделать работу, которая заявит о себе сама. Чтобы у жюри не осталось вопросов.

Мы говорили о макроэкономике, о новых трендах, о важности связей. Я ловил каждое его слово, вставлял свои — выверенные, взвешенные. Я был не женихом его дочери, а перспективным молодым специалистом, который случайно водит с ней знакомство. Такой подход он уважал. Через полчаса его холодность растаяла на градус. Он даже улыбнулся пару раз, обсуждая недостатки новой университетской программы.

— Вы, Мирон, мыслите здраво, — заключил он, отодвигая тарелку. — Заявку подали. А насчет остального... я, конечно, могу поговорить с председателем комиссии. Как о талантливом студенте. Не более того.

— Этого более чем достаточно, Игорь Сергеевич. Спасибо, — я склонил голову. Миссия выполнена. Доступ к нужному человеку открыт.

После завтрака Алиса, словно освобожденная пружина, почти втащила меня обратно в свою комнату. Дверь захлопнулась.

— Ты видишь? Папа тебя принял! — она сияла, обнимая меня за шею. Ее возбуждение было истеричным, с надрывом. Вчерашний страх трансформировался в жажду обладания. — Он так редко кого-то хвалит!

— Это твоя заслуга, — сказал я, глядя ее по спине. Но ее эйфория была слишком шумной. Мне нужно было ее утихомирить. Закрепить успех. И стереть последние следы вчерашних подозрений. Самый эффективный способ был очевиден.

Я притянул ее к себе и поцеловал. Нежно, но с нарастающим давлением. Она ответила сразу, с голодом, в котором смешались благодарность, страх потерять и желание доказать что-то себе. Ее пальцы впились в мои волосы, сменяя безупречную укладку Данилы.

— Мирон... — прошептала она, отрываясь, ее дыхание было горячим и частым. — Я так испугалась вчера...

— Я знаю, — перебил я ее, целуя шею, ощущая под губами бешеный пульс. — И сейчас я покажу тебе, как все на самом деле.

Я не стал вести ее к кровати. Это было бы слишком привычно. Я развернул ее и мягко прижал к стене у окна. Солнечный свет заливал комнату, делая все слишком ярким, слишком реальным. Я видел каждую пору на ее коже, каждую ресницу. Это было неудобно. Слишком откровенно.

— Не здесь... папа может... — попыталась она запротестовать, но ее тело уже выгнулось навстречу моей ладони, которая скользнула под шелк халата.

— Он ушел в университет, — сказал я, и мой голос звучал как окончательный приговор. Я знал расписание Игоря Сергеевича лучше, чем свое. — И сейчас здесь только мы.

Халат соскользнул с ее плеч и упал бесшумным шелковым облаком к ногам. Она стояла, прижатая к стене, вся на виду, дрожа от возбуждения и, возможно, стыда. Мне было нужно это унижение. Не злое, а демонстративное. Чтобы она почувствовала себя полностью обнаженной — не только телом, но и ситуацией. Чтобы поняла, кто здесь задает правила.

Мои поцелуи стали жестче, требовательнее. Я не давал ей времени думать, анализировать. Только чувствовать. Я вел ее к пику с безжалостной эффективностью, как будто выполнял сложную, но знакомую работу. Каждый жест был рассчитан: давление здесь, пауза там, шепот в нужный момент. Она металась, стонала, кусала губу, чтобы не кричать слишком громко. Ее ногти оставили красные полосы на моей спине через рубашку.

Когда она была на грани, я отстранился на долю секунды, глядя ей в глаза. Они были мутными, полными слез и абсолютной капитуляции.

— Кто я? — тихо спросил я.

— Мой... ты мой, — выдохнула она.

— А ты?

— Твоя. Только твоя, Мирон. Верь мне.

Это было нужно. Закрепление. Я снял ремень. Звяканье пряжки прозвучало как выстрел в тишине комнаты. Я видел, как по ее коже пробежала новая волна дрожи — не от страха, а от предвкушения полной потери контроля.

Больше не было времени на тонкости. Я взял то, что было моим по праву победителя. Она вскрикнула — от неожиданности, от боли, от наслаждения. Ее тело напряглось, потом сдалось, приняв мой ритм. Стекло окна было холодным под ее ладонью, а с другой стороны простирался солнечный город, абсолютно безучастный к этой маленькой драме власти и подчинения.

Я закрыл глаза. В этот момент мне нужно было не думать. Просто быть машиной, выполняющей функцию. Но из глубины сознания всплыло другое лицо. Лица. Ее тихий, доверчивый взгляд. Контраст был таким резким, таким отвратительным и сладким одновременно, что это подхлестнуло меня. Я ускорился, сжимая ее бедра так, что наутро останутся синяки. Она кричала теперь в полный голос, не стесняясь, полностью сломленная, полностью моя.

Когда все кончилось, она сползла по стене на пол, на клубок шелкового халата. Я стоял над ней, поправляя одежду, восстанавливая дыхание. Мое отражение в большом зеркале напротив было бесстрастным. Только растрепанные волосы выдавали произошедшее.

— Я люблю тебя, — прошептала она с пола, обнимая мои ноги. В ее голосе не было игры. Это была клятва пленника своему тюремщику.

Я наклонился, поднял ее, усадил на край кровати. Потом взял ее халат и накинул ей на плечи, как рыцарь, возвращающий плащ своей даме. Жест заботы после бури. Это закрепит эффект.

— И я тебя, — сказал я, целуя ее в лоб. — Но теперь мне правда нужно идти. Работа.

Она кивнула, безропотно. Ее глаза сияли обожанием и пустотой.

Я вышел из их квартиры, из этого храма благополучия и скрытого насилия, и вдохнул прохладный воздух подъезда. На мне была та же рубашка, что и вчера, только теперь на ней были следы ее помады другого оттенка и морщины. А на спине, я знал, под тканью краснели царапины.

Процессор в голове, заглушая физическое отвращение к себе и странную пустоту, выдал отчет: «Актив Алиса: лояльность восстановлена на 200%. Эмоциональная зависимость усилена через физическое доминирование. Связь с активом «Отец» установлена. Инцидент исчерпан».

Но внизу отчета мигал новый, тревожный пункт: «Предупреждение: эмоциональный расход в ходе инцидента превысил расчетный на 40%. Обнаружены симптомы психологического сопротивления у оператора (субъективные образы, не относящиеся к миссии). Рекомендована компенсация».

Компенсация. Мне нужно было увидеть Лику. Ее тишину. Ее чистоту. Чтобы стереть с себя это липкое ощущение власти и грязи. Но сначала — душ. Самый долгий и горячий за последние годы.

Глава 8

Глава 7. Игра на повышение

После душа, который не смыл странную тяжесть с кожи, я отправился в университет. Не на лекцию — расписание я контролировал так, чтобы появляться только там, где это было необходимо для поддержания легенды. Я направлялся в новый корпус, где располагался Центр карьеры и инноваций. Там сегодня проходил финал конкурса студенческих стартапов, спонсором которого выступал один крупный технологический фонд. Мне это было не нужно. Но туда точно должна была прийти Вероника — чтобы «посмотреть на будущих клиентов», как она цинично выразилась в одном из наших разговоров.

Я нуждался в ее остром, не сентиментальном взгляде. В разговоре, где не нужно притворяться влюбленным или вдохновителем. Где можно быть холодным и расчетливым, и это будет оценено по достоинству.

Конференц-зал был забит. На сцене нервный парень в мешковатом пиджаке пытался объяснить, как его приложение для учета личных финансов «перевернет рынок». Я стоял у дальней стены, сканируя толпу. Нашел ее быстро. Она сидела в третьем ряду, одна, в темно-синем пиджаке поверх белой футболки. Поджала ноги под стул и что-то быстро писала в блокноте. Не конспектировала. Рисовала карикатуры на выступающего, судя по ее едва заметной ухмылке.

Я прокрался вдоль стены и опустился на свободное место через одно от нее. Она почувствовала движение и бросила беглый взгляд. Ее брови поползли вверх.

— Патологическое совпадение, — сказала она, не отрываясь от своего блокнота.

— Статистическая погрешность, — ответил я, тоже глядя на сцену. — Просто искал в этой толпе единственный адекватный мозг.

— Нашел? — она дорисовала выступающему огромные уши летучей мыши.

— Кажется, да. Хотя он сейчас занят творчеством.

Она фыркнула, закрыла блокнот.

— И что привело тебя в этот храм наивных амбиций? Ищешь вдохновение для своего «гипотетического» стартапа?

— Ищу тебя, — сказал я прямо, поворачиваясь к ней. Ее глаза сузились, оценивая этот ход. — Мне нужен твой... профессиональный взгляд на одну ситуацию. Не гипотетическую. Вполне конкретную.

Интерес вспыхнул в ее взгляде, быстро, как огонек зажигалки. Она любила конкретику.

— Тут шумно. И пахнет дешевым кофе и отчаянием, — она встала. — Пойдем на лестничную клетку. Там хотя бы можно курить. В смысле, дышать.

Мы вышли в бетонный пролет пожарной лестницы. Здесь было пусто, прохладно и пахло пылью. Вероника прислонилась к перилам, достала пачку жевательной резинки и сунула одну пластинку в рот.

— Ну? Говори. Конкретно.

— У меня есть знакомый, — начал я, глядя на нее, а не в сторону, чтобы видеть каждую реакцию. — Он занимается организацией небольших, но дорогих мероприятий в арт-среде. Фуршеты, закрытые показы. Все легально. Но есть нюанс. Часть гонорара ему платят налом. Небольшими суммами, от разных заказчиков. Чтобы не светиться в их отчетности.

— Уже интереснее, чем гипотетический мерч, — заметила она, жуя. — Продолжай.

— Эти наличные... ему нужно легализовать. Не все, но часть. Для личных инвестиций. Вкладываться в тот же арт-рынок хочет. Вопрос: как это сделать с минимальными рисками? Схема с ИП, как ты говорила, — примитивна.

Она задумалась, уставившись в бетонную стену. Я видел, как работает ее мозг — нелинейно, ища обходные пути.

— Арт-рынок... — протянула она. — Твой «знакомый» хочет вкладывать в искусство?

— Допустим.

— Тогда самый элегантный путь — это не отмывать деньги, чтобы потом купить картину. А купить картину за эти самые наличные. Через подставного покупателя. А потом, через какое-то время, ее «перепродать» самому себе уже через легальный счет, получив таким образом чистые деньги и даже, возможно, прибыль на бумаге. Рыночная стоимость произведения искусства — величина субъективная. Его легко оценить дорого, если нужен предлог для оборота крупной суммы.

Я присвистнул. Это было... изящно. И дерзко.

— Но нужен подставной покупатель. Надежный. И галерея, которая согласится на сделку с большой пачкой наличных без лишних вопросов.

— Именно, — кивнула Вероника. — А еще лучше — не одна картина, а несколько работ молодых, непонятных художников. Их стоимость вообще ничем не обоснована. Можешь купить за сто тысяч, а через аукцион продать своему же ООО за миллион. Разница — твои чистые деньги, а картина останется у тебя на балансе компании как актив. Идеальный актив, кстати. Не изнашивается, амортизации не подлежит, и стоимость можно раздувать по необходимости.

Она говорила с таким холодным азартом, что по коже побежали мурашки. Это была не игра. Это была ее стихия.

— Ты... это гениально, — сказал я искренне.

— Нет, это просто азы, — она пожала плечами. — Папа как-то раскручивал дело о подобной схеме, только там были не картины, а старинные книги. Но принцип тот же. Сложность в деталях. В надежности звеньев цепи. Одно слабое — и все рушится. Твой знакомый уверен в своем «подставном покупателе»?

«Знакомый». Я смотрел на нее, и в голове щелкнуло. Слепая, наглая, но идеальная мысль. Подставной покупатель... Галерея...

— А если, — начал я медленно, — этот знакомый не будет искать подставного покупателя? А воспользуется... готовой структурой? Галереей, которая работает с наличными, потому что ее владельцы сами не всегда хотят светить все доходы? И которая к тому же имеет выход на арт-рынок?

Вероника перестала жевать. Она смотрела на меня так, будто я только что открыл новое уравнение.

— Ты имеешь в виду... частные галереи? Такие есть. Но это уже уровень посерьезнее. Нужны связи. Очень серьезные связи и полное доверие. Там не зайдешь с улицы с чемоданом денег.

Связи. Марина. Ее отец, Аркадий Львович. Его галерея была не просто престижной. Ходили слухи, что она отлично справлялась с «инвестициями» определенного рода для его друзей. Это был прыжок на новый уровень. Опасный. Но потенциальная выгода...

— Гипотетически, — сказал я, чувствуя, как сердце бьется чаще не от страха, а от предвкушения. — Если бы у моего знакомого были такие связи... ты бы могла просчитать юридические риски? Не как студент, а как... консультант?

Она оценивающе смотрела на меня долгих десять секунд. В ее глазах шла своя игра. Взвешивание. Она понимала, что «знакомый» — это я. И что я предлагаю ей не просто помочь с учебой. Я предлагал ей войти в игру. Настоящую.

— Консультант? — она усмехнулась. — У меня нет лицензии. Я всего лишь студентка с гипотетически острым умом и папой-следователем.

— Именно поэтому твоя консультация была бы бесценна, — парировал я. — Предусмотреть все подводные камни заранее.

Она вздохнула, достала еще одну пластинку жвачки.

— Гипотетическая консультация по гипотетической схеме с гипотетическими связями... — она развернула фольгу. — Звучит как интересная учебная задача. За нее даже не стыдно взять гипотетический гонорар. Чисто символический. Чтобы подчеркнуть профессиональный статус.

Мы понимали друг друга с полуслова. Она не хотела быть в доле. Она хотела быть наемным специалистом. Чистые, деловые отношения. Это меня устраивало даже больше.

— Договорились, — кивнул я. — Я... то есть, мой знакомый, обдумает вариант со связями. И если что, я свяжусь с тобой для... проработки учебного кейса.

— Жду, — сказала она просто и, оттолкнувшись от перил, пошла к двери обратно в зал. На пороге обернулась. — И, Мирон?

— Да?

— Будь осторожен со своими... «знакомыми». Некоторые гипотетические ситуации имеют неприятное свойство становиться очень реальными. И очень уголовными.

Она ушла, оставив меня одного на лестничной клетке. Воздух пах теперь не только пылью, но и мятой от ее жвачки и свежим, опасным потенциалом.

Я достал телефон. Открыл чат с Мариной. Она должна была вернуться сегодня вечером. Нужно было готовить почву. Не сразу. Постепенно. Но план, который только что родился в голове, был слишком хорош, чтобы откладывать.

«Марик, солнце, как перелет? Соскучился нереально. Когда вернешься, нужно обсудить одну сумасшедшую идею. Касается искусства и... инвестиций. Твои мысли нужны как воздух.»

Отправил. Схема Вероники требовала доработки, но направление было задано. Искусство. Галерея Аркадия Львовича. Налоговая выручка Полины от спонсорских ивентов, которую она пока копила «на развитие блога». Все могло сойтись в одну красивую, прибыльную цепь.

Процессор в голове уже строил новые модели, просчитывая вероятности. Риски выросли экспоненциально. Но и потенциальная прибыль — тоже. Я больше не просто выстраивал сеть для безопасности и статуса. Я начал строить механизм для обогащения. И Вероника, сама того не желая, дала мне ключ.

Я вышел из корпуса на улицу. Солнце било в глаза. Я чувствовал прилив энергии, знакомый только в моменты, когда делал следующий, рискованный шаг вперед. Страх был. Но он был сладким. Как у игрока, поставившего на кон все, что у него есть, в надежде сорвать джекпот.

Новый актив был не девушкой. Это была идея. И она оказалась опаснее и притягательнее всех остальных.

Глава 9

Глава 8. Куратор

Самолет Марины приземлился в восемь вечера. Я встретил ее в зале прилета не с охапкой цветов — это было бы банально, — а с маленькой, упакованной в грубую крафтовую бумагу коробкой. Внутри лежал старинный бронзовый рейсфедер, который я нашел в антикварной лавке неделю назад. «Для набросков будущих шедевров, которые ты откроешь», — сказал я, целуя ее в щеку. Она пахла дорогим парфюмом, усталостью и другим миром.

— Миш, ты чудесный! — ее глаза загорелись искренней радостью. Она ценила такие вещи — с историей, со смыслом. — Поехали домой? Я валюсь с ног.

Домой — это ее трехкомнатная квартира в элитном доме с видом на реку, которую оплачивал отец. Мое официальное место жительства в ее вселенной.

По дороге она безостановочно болтала о Лондоне, о художниках, о новых тенденциях. Я кивал, задавал уточняющие вопросы, демонстрировал вовлеченность. В голове тем временем прокручивался план. Нельзя было говорить об «инвестициях» сразу. Нужно было дать ей отдохнуть, погрузить ее в атмосферу заботы, а потом, будто невзначай, бросить семя идеи.

В квартире она скинула туфли, прошла босиком по паркету к панорамному окну. Город сиял внизу, как рассыпанная коробка драгоценностей.

— Красиво, — сказала она тихо. — Но после Лондона как-то... слишком показно.

— Показность — это тоже искусство, — откликнулся я, подходя сзади и обнимая ее за талию. Я почувствовал, как она расслабляется, прижимаясь ко мне спиной. — Особенно, если ее правильно курировать.

— Курировать? — она обернулась, улыбаясь.

— Ну да. Не просто показывать, а направлять взгляд. Создавать контекст. Как ты делаешь со своими художниками.

Я повел ее к дивану, налил ей вина, которое она привезла. Разговор плавно тек от впечатлений к делам галереи. Она жаловалась на одного молодого скульптора, который «гениален, но абсолютно не продаваем».

— Папа говорит, что пора думать о коммерции, а не только об эстетике, — вздохнула она. — Иначе галерея будет вечно сидеть на его дотациях.

Момент был идеальным.

— А если совместить? — сказал я, делая вид, что размышляю. — Эстетику и коммерцию. Есть же художники, чья стоимость растет не потому, что они гениальны, а потому, что их правильно... раскрутили.

— Раскрутили? — она нахмурилась. — Это звучит как-то грязно.

— Нет, — я покачал головой. — Это звучит как современный арт-рынок. Ты же сама говорила, что половина успеха — это правильный пиар, правильная среда. А что, если создать такую среду... целенаправленно? Не ждать, когда художник станет звездой, а сделать его звездой. Контролируемо.

Она пристально посмотрела на меня. В ее глазах промелькнул интерес дельца, который она обычно прятала за маской ценительницы.

— Контролируемо? Ты имеешь в виду... вкладываться в конкретных авторов, чтобы потом продавать их работы дороже?

— Вкладываться не только деньгами, — сказал я, чувствуя, как вхожу в роль. — Вкладывать репутацией галереи. Создавать им историю. Устраивать выставки в нужных местах, публикации в нужных медиа. Формировать спрос. А потом, когда их имена начнут коти-

ваться... выводить работы на аукционы. Или продавать частным клиентам. По новым, более высоким ценам.

Я говорил ее языком, но наполнял его своим, экономическим смыслом. Это была та же схема, что описала Вероника, только обернутая в благородную обертку «поддержки искусства».

— Это... интересно, — медленно произнесла Марина. Она допила вино, поставила бокал. — Но для этого нужны серьезные вложения. На пиар, на выставки, на гарантийные покупки, чтобы поднять цены на первичном рынке. Папа не даст на это денег просто так. Ему нужна понятная отдача. Или гарантии.

— Гарантии, — повторил я, делая паузу для драматизма. — А что, если часть вложений... будет не от папы? А от... сторонних инвесторов? Которые поверят в твой вкус и в твою стратегию? Искусство — отличный актив для диверсификации портфеля. Особенно если этим занимается профессионал. То есть ты.

— Сторонние инвесторы? — она засмеялась, но без веселья. — Миш, кто будет вкладываться в никому не известных художников через девушку двадцати трех лет? Даже если эта девушка — дочь Аркадия Львовича?

— Ты недооцениваешь себя, — сказал я мягко. — И недооцениваешь... нетрадиционные источники финансирования. Есть люди, у которых есть свободные... ресурсы. Наличные ресурсы. И которые хотят их легально и с умом инвестировать, но без лишнего шума. Через искусство — идеальный путь. А ты — идеальный проводник. Ты даешь им не просто отмывание денег, ты даешь им статус меценатов, доступ в закрытый мир, красивые истории для соцсетей и потенциальную финансовую выгоду.

Я произнес это почти без пауз, глядя ей прямо в глаза. Я перешел грань гипотетического. Я говорил о реальных, «нетрадиционных» деньгах. И я предлагал ей стать не просто галеристкой, а куратором этих денег.

Она замерла. Я видел, как в ее голове сталкиваются две сущности: девочка, любящая прекрасное, и наследница, знающая, откуда растут ноги у семейного благополучия. Вторая сущность победила быстрее, чем я ожидал.

— Ты говоришь об отмывании, — сказала она тихо, без осуждения. Констатация.

— Я говорю о привлечении инвестиций в искусство с помощью нестандартных инструментов, — поправил я. — Инструментов, которые уже существуют на рынке. Просто не все о них говорят вслух. Твой отец, я уверен, понимает, о чем я.

Она встала, прошлась к окну, обхватив себя за плечи.

— Папа... он осторожный. И у него свои схемы. Он меня в это не посвящает и не посвятит.

— А если ты сама создашь свою? Независимую? Небольшую, но эффективную. — Я подошел к ней сзади, положил руки ей на плечи. — У меня есть связи. Люди, которым интересно такое вложение. Небольшие суммы для начала. Мы можем начать с одного-двух художников. Просто попробовать. Если папа увидит, что у тебя получается, что это работает... он сам предложит ресурсы.

Она молчала, глядя на огни города. Я чувствовал напряжение в ее мышцах под моими пальцами. Она была на распутье. Соблазн власти, реальной, а не декоративной, был слишком велик.

— Какие связи? — спросила она, не оборачиваясь.

— Организаторы мероприятий, блогеры, люди из сферы развлечений. У них часто бывает кэш, который просится в красивые активы. Они придут к тебе не как к дочери Аркадия Львовича, а как к Марине — перспективному куратору.

Я не называл Полину. Не сейчас. Но она была идеальным кандидатом: ее спонсоры часто платили налогом за интеграции.

— А ты? — она наконец повернулась ко мне. Ее взгляд был жестким, взрослым. — Какую роль ты видишь для себя в этом? Кроме как посредника.

— Я — твой партнер, — сказал я без колебаний. — Я нахожу инвесторов, помогаю строить финансовую модель, просчитываю риски и доходность. А ты — творческая и публичная часть. Мы дополняем друг друга. 50/50.

Она снова задумалась. Потом медленно кивнула.

— Ладно. Но только теория. Пока. Я должна все обдумать. И... я хочу познакомиться с твоими «связями». Неофициально. Просто посмотреть, кто это.

— Конечно, — согласился я. Это было даже лучше. Знакомство Марины и Полины могло открыть новые возможности. И создать дополнительные точки контроля. — Я организую. Неформальную встречу. Через пару дней.

Она вздохнула, и напряжение спало. Она снова выглядела усталой.

— Я не думала, что в первый же вечер будем обсуждать такое...

— Прости, — я притянул ее к себе, обнял. — Просто я верю в тебя. И вижу огромный потенциал. Не только в искусстве, но в тебе.

Она прижалась ко мне, и я почувствовал, как она расслабляется. Мои слова были правдой. Я верил в ее потенциал. Как в ключ к новой, более высокой лиге. Лиге, где играли не на оценки и стипендии, а на настоящие деньги и влияние.

Пока она принимала душ, я стоял у того же окна. Город внизу казался теперь не просто скоплением огней, а картой возможностей. Каждая яркая точка — потенциальный инвестор, лояльный клиент, полезный контакт. А я стоял в центре, на вершине этой башни, и начинал плести новую, более сложную и прочную сеть. Не из девушек. Из схем. Из денег. Из соучастия.

Процессор в голове обновлял карту: «Актив Марина: статус повышен до «Потенциальный партнер». Начата проработка схемы «Арт-инвестиции». Риски: высокие (вовлечение третьих лиц, возможный интерес правоохранительных органов). Вознаграждение: экспоненциальный рост финансовых возможностей и социального капитала. Следующий шаг: интеграция актива «Полина» в схему».

Я улыбнулся своему отражению в темном стекле. Игра менялась. И я менялся вместе с ней. Из альфонса я превращался в дельца. И это было неизмеримо интереснее.

Глава 10

Глава 9. Прямой эфир

Встреча Марины и Полины была назначена через два дня. Но этим вечером моё внимание требовала сама Полина. После сложного разговора с Мариной и постоянного мысленного моделирования будущей арт-схемы, я чувствовал себя как туго натянутая струна. Мне нужен был не отдых, а разрядка. И Полина с её ненасытной жадой внимания и любовью к эпатажу подходила для этого идеально.

Она писала мне всё время, пока я был у Марины: «Скуучно», «Подруга отменила, сижу одна в лофте», «Может, приедешь? Сделаем контент? ;)». Последнее сообщение было двусмысленным. Для неё «контент» могло означать что угодно – от совместного приготовления ужина до откровенной фотосессии.

Я приехал в лофт поздно. Город за окнами её огромных панорамных окон тонул в синеве сумерек. Сам лофт был погружён в полумрак, освещённый только неоновой вывеской какого-то бара напротив, которая отбрасывала розовато-фиолетовые отсветы на голые кирпичные стены.

Полина встретила меня на пороге. Она была в чёрном кружевном боди, набросив на него мой старый, забытый тут когда-то пиджак. Её волосы были растрёпаны, макияж – нарочито небрежный, с эффектом «размазанной помады».

– Наконец-то, – прошептала она, притягивая меня внутрь и тут же прижимаясь губами к моей шее. Она пахла сладкими духами, табаком и вином. – Я думала, ты меня совсем забыл.

– Невозможно, – ответил я, целуя её в ответ, но удерживая на дистанции. Мне нужно было задать тон. Она была в том состоянии, когда жаждала доминирования. Но грубость, как с Алисой, здесь не работала. Нужна была игра. – Что это за образ? Пострадавшая героиня нуара?

– Это образ девушки, которую бросили одну в пятничный вечер, – сказала она, делая грустные глаза, но в её взгляде плескался озорной огонёк. Она взяла меня за руку и повела в глубь лофта, к огромному дивану, перед которым на штативе был установлен её профессиональный фотоаппарат. Рядом – кольцевая лампа, выключенная. – А может, не бросили? Может, у неё как раз начинается самый интересный контент?

Она обернулась ко мне, медленно стягивая с плеч мой пиджак. Он упал на бетонный пол. В неоновом свете её кружевное боди казалось вторым, более тёмным слоем кожи. Я почувствовал знакомое напряжение внизу живота. Это была не страсть. Это был голод контроля, смешанный с необходимостью сбросить накопившееся напряжение.

– Контент? – я подошёл ближе, заставив её отступить на шаг к дивану. – А для кого?

– Для... для архива, – она улыбнулась, села на край дивана, закинув ногу на ногу. Её поза была вызывающей. – Иногда я смотрю старые фото... и вдохновляюсь.

– Архив – это скучно, – сказал я, не спуская с неё глаз. Идея, внезапная и порочная, оформилась в голове. Она жаждала зрителей. Не абстрактных, а конкретных. Риска. – В архиве нет... обратной связи. Нет азарта.

– А что не скучно? – она приподняла бровь, проводя пальцем по своему обнажённому колену.

– Прямой эфир, – выдохнул я.

Её глаза расширились. Не от страха. От возбуждения. Она обожала эфиры. Обожала цифры просмотров, летящие вверх, комментарии, хейт, обожание.

– Прямой... Мирон, ты с ума сошёл? – её голос дрогнул, но в нём не было отказа. Был вызов.

– Не совсем, – я опустился на колени перед ней, между её ног. Мои руки легли на её бёдра. Кружево было шершавым под пальцами. – Только не для всех. Для одного зрителя. Избранного.

Я видел, как она переводит дыхание. Её грудь вздымалась под тонкой тканью.

– Для... кого?

– Это будет сюрприз, – солгал я. У меня никого не было в голове. Но эта игра в тайного свидетеля заводи́ла её, я это знал. – Просто представь... что где-то там, в темноте, на другом конце города, один человек смотрит. Видит каждое твоё движение. Слышит каждый твой звук. И только он. Это же... интимнее, чем архив. И в тысячу раз острее.

Она закусил губу, кивнула. Её согласие было молчаливым, но полным. Она уже проживала эту историю – историю для избранного, историю, которую потом можно будет вспоминать как самую смелую.

Я взял её телефон со стола, быстро установил одно из приложений для частных стримов. Создал комнату. Пароль – дата её рождения. Потом отправил ссылку... в пустоту. Никому. Но она думала, что кому-то.

– Готово, – сказал я, ставя телефон так, чтобы широкоугольный объектив захватывал диван. Красная точка записи замигала в темноте. – Он уже там. Смотрит.

Она вздрогнула, инстинктивно прикрылась, но потом медленно опустила руки. Её поза стала ещё более вызывающей – теперь для невидимого зрителя.

Я вернулся к ней на колени. Мои губы нашли её коленную чашечку, потом поползли вверх по внутренней стороне бедра. Она закинула голову на спинку дивана, застонала – тихо, поначалу, но потом громче, понимая, что её слышат. Это был спектакль, и она играла свою роль самозабвенно.

Мои пальцы нашли край кружевного боди, зацепили его, потянули вниз. Она приподняла бёдра, помогая мне. Ткань соскользнула, и она осталась полностью обнажённой в холодном, разноцветном свете неона. Я видел мурашки на её коже.

– Он видит тебя, – прошептал я ей на ухо, целуя мочку. – Видит, какая ты красивая. Какая... доступная.

Она вскрикнула, когда мой язык коснулся её. Её тело выгнулось, руки вцепились в мои волосы. Она не просила меня остановиться. Наоборот, её стоны становились громче, театральнее, отточенными для микрофона. Она смотрела в объектив поверх моей головы, играла на камеру.

Это заводи́ло меня странным, извращённым образом. Её откровенность была фальшивой, рассчитанной на публику, пусть и в лице одного мифического зрителя. И в этой фальши была своя, грязная правда. Мы оба были актёрами. Она – развратной звездой для своего поклонника. Я – её тайным любовником и режиссёром этого шоу.

Я поднялся, сбросил с себя одежду. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, полными чего-то похожего на обожание и животный страх. Я вошёл в неё резко, без прелюдий, удерживая её взгляд. Она вскрикнула – на этот раз искренне – и обвила меня ногами.

Ритм был жёстким, почти безжалостным. Я не искал её удовольствия. Я искал его для себя. Каждое движение было попыткой стереть из памяти холодные глаза её отца, расчётливый взгляд Вероники, тихую преданность Лики. Полина была простой. Она хотела острых ощущений, славы, драмы. И я давал ей это в концентрированном виде.

Она кричала, называла моё имя, царапала мне спину. Её глаза то закрывались от наслаждения, то снова находили объектив, словно проверяя, всё ли ещё «он» смотрит. Эта двойственность, это раздвоение между ощущениями и игрой сводило меня с ума.

В какой-то момент я закрыл глаза. В темноте за веками не было ни неона, ни камеры. Только ритм, жар и нарастающая волна. Когда я открыл их снова, она смотрела прямо на меня.

В её взгляде не было ни любви, ни даже особой страсти. Был азарт. Азарт игрока, который поставил на кон свою интимность и выигрывал дозу адреналина.

Этот взгляд стал триггером. Я накрыл её рот ладонью, заглушая её крик, и позволил волне накрыть себя. Это был не оргазм удовольствия. Это был оргазм освобождения от самого себя. На несколько секунд я перестал быть Мироном – архитектором, стратегом, манипулятором. Я был просто телом, сбрасывающим напряжение.

Когда всё кончилось, я отстранился. Она лежала, тяжело дыша, улыбаясь какой-то своей, внутренней улыбкой. Потом потянулась к телефону, выключила запись.

– Боже... это было... невероятно, – прошептала она. – А он... он что-нибудь написал? Комментарий?

– Нет, – ответил я честно, уже одеваясь. Моя голова снова была ясной и холодной. – Наверное, был слишком потрясён. Или слишком занят.

Она засмеялась, довольная. Для неё вечер удался. Получен уникальный контент (пусть и фейковый) и мощные эмоции.

Я уходил, когда она уже листала запись, рассматривая кадры со своим профессиональным взглядом. «Нужно будет потом вырезать самый сок, смонтировать атмосферное видео для себя», – бросила она мне вдогонку.

На улице я сделал глубокий вдох. Ночной воздух был свеж и безразличен. В кармане зазвонил телефон. Сообщение от Лики: «Алгоритм доучился. Достиг 99.8% точности. Можно показывать. Когда придёшь?»

Простой, деловой текст. Без подтекста, без игры. Чистая информация. После цирка в лофте её сообщение звучало как глоток ледяной воды. Я почувствовал острое, почти физическое желание быть сейчас там, в её тихой комнатке, где пахло паяльником и честностью.

Но я не мог. Не сейчас. Слишком резок был бы контраст. Слишком опасно.

«Завтра, гений. Горжусь тобой», – отправил я и сел в машину.

Я завёл двигатель. Завтра будет днём Лики. А потом – встреча двух моих «активов». Игра продолжалась. Но после сегодняшнего «прямого эфира» я чувствовал не прилив сил, а глухую, нарастающую пустоту. Как будто с каждым таким спектаклем я оставлял кусочек настоящего себя в этих тёмных комнатах с неоновым светом и красными точками камер.

Глава 11

Глава 10. Незванный гость

Утро после «прямого эфира» было туманным и холодным, как похмелье после дешёвого вина. Я проснулся в своей однушке с ощущением липкой нечистоты. Текст от Лики висел в голове неотвязным спасительным кругом. «99.8% точности». Это была реальность, твёрдая, как гранит, в отличие от вчерашнего спектакля из света и стонов.

Я решил поехать к ней утром, до университета. Мне нужно было это – её тихая комната, её сосредоточенный взгляд, её мир, построенный на логике, а не на симулякрах.

Общежитие №7 встретило меня знакомым запахом дешёвой еды и отчаяния. Я уже поднялся на третий этаж и направился к её комнате 309, как вдруг услышал голоса. Из-за двери доносился не только тихий голос Лики, но и другой – звонкий, эмоциональный, знакомый до мурашек. Это был голос Алисы.

Адреналин, холодный и острый. Я замер в нескольких шагах от двери, сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из грудной клетки. Что они делают здесь вместе? Как Алиса узнала о Лике? Мои ноги стали ватными.

— ...ну, я просто думала, раз ты тут с технического, может, знаешь, — доносился голос Алисы, неестественно весёлый. — У меня подруга с вашего факультета, Катя, говорят, вы в одной группе? Я её ищу, потеряла её номер.

Враньё. Грубое и неумелое. Алиса никогда не ходила по общагам в поисках «подруг».

— Катя Соколова? — прозвучал тихий голос Лики. — Нет, мы не в одной группе. Я с прикладной информатики. А она, кажется, с программирования. Её комната, наверное, в другом крыле... четвёртый этаж.

— Ах, вот оно что! — фальшивая радость в голосе Алисы резала слух. — Спасибо большое! Извини, что побеспокоила. А ты... одна тут живёшь?

Тишина. Я представлял, как Лика, смущённая, кивает или что-то бормочет.

— А... парень есть? — продолжила Алиса, и в её тоне появилась та самая, сладкая ядовитость, которую я знал слишком хорошо.

Мой мозг лихорадочно искал варианты. Войти? Но это будет взрыв. Уйти? Но что она вытянет из Лики дальше? Лика была плохим лжецом.

— Я... не совсем... — прозвучал растерянный голос Лики.

— А, понятно, — с напускным сочувствием сказала Алиса. — Ну ничего, найдёшь. Ты милая. Слушай, а ты случайно не знаешь парня... Мирона Воронова? Он с экономфака. Говорят, он иногда к кому-то сюда захаживает.

Лёд в жилах сменился огнём ярости. Она не просто проверяла. Она охотилась. И вышла на след.

В этот момент дверь соседней комнаты с скрипом открылась, и вышел парень в растянутом свитере, с кружкой. Он уставился на меня, стоящего как столб посреди коридора. Надо было действовать.

Я сделал глубокий вдох, сгладил лицо в маску лёгкого удивления и шагнул к двери Лики. Постучал, не дожидаясь ответа, и тут же открыл.

— Лик, привет, ты говорила, что... — я нарочно оборвал фразу, увидев Алису.

Она стояла посреди комнаты, повернувшись ко мне. Её лицо было маской из вежливого любопытства, но глаза горели холодным триумфом. Она поймала меня. На месте преступления.

— Мирон? — произнесла она, и её брови взлетели вверх с идеально сыгранным удивлением. — Что ты здесь делаешь?

Лика застыла у своего стола, похожая на мышь, попавшую в свет фар. Её взгляд метался между мной и Алисой, полный ужаса и непонимания.

Я заставил себя улыбнуться. Лёгкая, дружеская улыбка.

— Алиса? Вот это встреча. А я к Лике по делу. У неё гениальный код для моего курсача по алгоритмам. — Я перевёл взгляд на Лику, сделав его тёплым, благодарным. — Ты же не против, что я без предупреждения? Говорил, заскочу.

Лика, поняв мой намёк, кивнула, едва заметно. Она была бледна как полотно.

— Нет... нет, конечно, Мирон.

— По делу? — повторила Алиса, её улыбка не дотягивала до глаз. — В воскресенье утром? В общежитии? Какой... трудолюбивый.

— Наука не ждёт, — пожал я плечами, стараясь, чтобы голос звучал естественно. Я вошёл в комнату, закрыл за собой дверь. Теперь мы были втроём в этом тесном пространстве, и воздух был густым от лжи и напряжения. — А ты что здесь делаешь? Ищешь кого-то?

— Да, подругу... Катю, — быстро сказала Алиса, не отводя от меня взгляда. — Но, кажется, ошиблась этажом. Лика уже помогла. А теперь я вижу, что и ты здесь... помогаешь. Как мило.

В её последних словах прозвучала сталь.

— Мирон действительно помогает, — вдруг тихо, но чётко сказала Лика. Она смотрела в стол, но её голос обрёл твёрдость. — Он... хороший заказчик. Всегда чётко ставит задачу. И платит вовремя.

Она бросила мне спасательный круг. Я ухватился за него.

— Вот видишь, — сказал я Алисе. — Деловые отношения. Чистая экономика. Ты же знаешь, я всегда ищу лучших исполнителей.

Алиса медленно кивнула. Её взгляд скользнул по комнате Лики — аскетичной, бедной, заваленной техникой. Потом вернулся ко мне. Она сравнивала. Сравнивала эту комнату со своей спальней в родительской квартире. Сравнивала Лику — скромную, в очках, в простом свитере — с собой. И, судя по едва уловимому изменению в её выражении лица, она не могла поверить, что я мог выбрать это вместо неё. Ревность боролась с презрением, и презрение, кажется, побеждало. Её гордыня не позволяла ей признать Лику серьёзной соперницей.

— Ну что ж... не буду мешать вашим... деловым отношениям, — сказала она, направляясь к двери. Её голос снова стал гладким, светским. — Мирон, ты же сегодня вечером? Папа ждёт. Хочет окончательно обсудить твою заявку на стипендию.

Это был укол. Напоминание о том, что у неё есть рычаги. Что я зависим от её благосклонности и благосклонности её отца.

— Конечно, — кивнул я. — Непременно. В восемь?

— В восемь, — подтвердила она и, бросив последний, оценивающий взгляд на Лику, вышла, мягко прикрыв дверь.

В комнате повисла гробовая тишина. Я подошёл к окну, увидел, как Алиса вышла из подъезда и быстрым, нервным шагом направилась к своей машине, припаркованной вдалеке. Она приехала специально.

— Мирон... — тихо позвала Лика. — Кто это? Она... твоя девушка?

Я обернулся. Она смотрела на меня, и в её глазах стояла не ревность, а... жалость. И страх. Она всё поняла. Не всё, но достаточно.

— Нет, — сказал я жёстче, чем планировал. — Это Алиса. Дочь декана. Она... помогает мне с учёбой. Как и ты. Только в другой сфере.

— Но она думает, что ты её парень, — констатировала Лика. Она не была дурочкой.

— Она думает то, что ей удобно думать, — отрезал я, чувствуя, как гнев и страх клокочат внутри. Это был провал. Не полный, но чудовищно опасный. — Лика, слушай внимательно. Ты не должна никому говорить, что я здесь бываю. Никому. Ни про мой курсач, ни про алгоритмы. Это очень важно. Для меня.

Она молча кивнула, её глаза стали ещё больше за стёклами очков.

— Она опасная?

Вопрос был настолько детским и прямолинейным, что выбил меня из колеи.

— Она... влиятельная. И она может навредить. И мне, и тебе. Поняла?

— Поняла, — прошептала она. Потом добавила: — Я не скажу. Никогда.

Я подошёл, взял её за плечи. Она вздрогнула.

— Спасибо, — сказал я, и в этот момент это было искренне. — Ты... ты мне очень помогла. И не только с кодом.

Я обнял её, коротко, по-дружески, как делал всегда. Но на этот раз она не расслабилась. Её тело оставалось напряжённым, хрупким. Я отпустил её.

— Покажи, что там с алгоритмом, — сказал я, садясь на её стул перед ноутбуком.

Она кивнула, села рядом, начала показывать графики, объяснять. Её голос был монотонным, профессиональным. Но я видел, как дрожат её пальцы на клавиатуре. Доверие, которое я так долго выстраивал, дало трещину. И виной тому была не Лика. Виной был я. И моя ненасытная, жадная сеть, которая начинала затягивать в себя тех, кого я наивно считал просто инструментами.

Процессор в голове выдавал сбойное сообщение, мигающее красным: «ОБНАРУЖЕНА УГРОЗА. АКТИВ «АЛИСА» ПРОЯВИЛ НЕСАНКЦИОНИРОВАННУЮ АКТИВНОСТЬ. ВЕРОЯТНОСТЬ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ВСЕЙ СЕТИ ПОВЫШЕНА ДО 30%. ТРЕБУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННОЕ КОНТРОЛИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ.»

Контролирующее воздействие. Вечером. У неё дома. С её отцом. Мне нужно было не просто успокоить её. Мне нужно было её сломать. Окончательно. Чтобы она даже мысли не допускала следить за мной. Чтобы её страх потерять меня был сильнее любопытства и ревности. Вечер обещал быть долгим и неприятным. А я чувствовал, что запасы той холодной жестокости, которая позволяла мне это делать, начинают подходить к концу.

Глава 12

Глава 11. Цена входа

Восемь вечера. Я стоял у двери квартиры Завьяловых, держа в руках не вино, а плотную папку с распечатанными графиками и расчётами — визуализацией моего «стартапа». Это был щит и демонстрация серьёзности намерений. После утреннего визита к Лике мне требовалась не просто встреча, а стратегическое наступление.

Открыла мне сама Алиса. Она была в элегантном тёмно-синем платье, волосы убраны в строгую причёску. На её лице — маска радушной хозяйки, но глаза, холодные и оценивающие, выдавали истинное состояние. Она провела меня в кабинет отца, где пахло дорогим кожаным переплётом и властью.

Игорь Сергеевич сидел за массивным столом. Он кивком указал мне на кресло.

— Мирон. Алиса говорит, у вас вчера был небольшой... сбой связи, — начал он без предисловий, сцепив пальцы перед собой.

Я почувствовал, как Алиса, стоявшая у окна, замерла. Она нажала на отца. Хорошо. Значит, игра будет жёсткой.

— Не сбой, Игорь Сергеевич, — ответил я спокойно, кладя папку на стол. — Алиса застала меня в момент интенсивной работы над тем самым проектом, который я хочу представить комиссии. В нестандартных условиях. Со специалистом, которого я нанял для IT-составляющей.

— Специалистом из общежития? — мягко вставил он. Его голос был подобен лезвию бритвы.

— Талант не имеет почтового адреса, — парировал я. — Уверен, вы, как учёный, это понимаете. Эта девушка — вундеркинд в области машинного обучения. Её алгоритм — ключевая часть моего проекта. И она предпочитает работать в своей привычной среде. Я уважаю это.

Я открыл папку, вытащил несколько графиков, демонстрирующих прогнозную модель. Цифры, диаграммы, расчёты рентабельности. Чистая, убедительная математика.

— Я здесь не для того, чтобы оправдываться за место, где я работаю, Игорь Сергеевич. Я здесь, чтобы продемонстрировать результат. И попросить вашей поддержки не как отца Алисы, а как декана факультета, заинтересованного в успехах талантливых студентов.

Я перевёл взгляд на Алису.

— Алиса, мне жаль, если моя погружённость в работу произвела на тебя странное впечатление. Но когда я работаю, я отключаюсь от всего. В том числе от социальных условностей.

Игорь Сергеевич взял в руки графики, стал изучать. Молчание в кабинете было густым, давящим. Я сидел неподвижно, сохраняя выражение уверенного в себе профессионала.

— Модель интересная, — наконец произнёс он, откладывая листы. — Но сырая. И требует значительных ресурсов для тестирования. Почему я должен лоббировать именно ваш проект, Мирон? Чем он лучше десятка других?

Это был прямой вопрос. И ответ на него должен был быть не про алгоритмы.

— Потому что, в отличие от других, этот проект имеет чёткий путь к коммерциализации, — сказал я. — И потому что я готов взять на себя все риски и всю работу. Мне нужна не просто стипендия. Мне нужен доступ к лаборатории, к данным, к экспертизе факультета. Взамен факультет получит готовый продукт, патенты и процент от будущих прибылей. Это не студенческая работа. Это — пилотный проект для будущего стартапа. И я хочу, чтобы он был связан с именем нашего университета.

Я смотрел ему прямо в глаза. Я продавал не проект. Я продавал амбиции. И видение. То, что он, как чиновник от образования, должен был ценить — потенциальную славу и деньги для факультета.

Он задумался. Я видел, как в его голове крутятся шестерёнки. Его дочь была для него инструментом влияния, но не единственным. Дела, слава, наследие — вот что двигало им.

— Допустим, — медленно сказал он. — Допустим, я даю вам зелёный свет. Что вы можете предложить в качестве... гарантий вашей... полной отдачи проекту? Чтобы исключить любые отвлекающие факторы. — Он бросил взгляд на Алису, которая смотрела в пол.

Он требовал заложника. Не денежного. Человеческого. Он понимал, что Алиса для меня — слабое место, и хотел использовать это как рычаг, чтобы я выложился по максимуму.

Я сделал вид, что обдумываю. Потом поднял глаза, встретился взглядом сначала с ним, потом с Алисой.

— Гарантия? — я усмехнулся, но без веселья. — Игорь Сергеевич, лучшая гарантия — это успех. Если проект провалится, я потеряю всё. Репутацию, ваше доверие, будущее. Мне не нужны дополнительные стимулы, кроме этого. Что касается Алисы... — я сделал паузу, давая словам вес. — Она — часть моей жизни. Но она же — часть моей мотивации. Я хочу добиться успеха, в том числе, и для неё. Чтобы она могла гордиться. Я думаю, это лучшая гарантия наших... отношений. Их глубина.

Это была тонкая игра. Я не отрекался от Алисы — это взбесило бы её и оттолкнуло отца. Я ставил её на пьедестал мотивации, делая её соучастницей моего успеха. И в то же время давал понять отцу, что отношения — не помеха, а топливо.

Игорь Сергеевич смотрел на меня долго. Потом кивнул, один раз, резко.

— Хорошо. Я поговорю с комиссией. Вы получите доступ к лаборатории и наставника. Но — жёсткий график отчётов. Раз в две недели лично мне. И первая презентация — через месяц. Если к тому времени прогресс будет неудовлетворительным... поддержка прекратится. И Алисе, я думаю, будет чем заняться помимо... помощи в проектах.

Это был ультиматум. Месяц. И он привязывал Алису к моему успеху. Если я провалюсь — он отстранит её от меня. Для неё это был бы крах. Для меня — потеря ключевого актива и доступов.

— Согласен, — сказал я твёрдо. — Через месяц у вас будет работающий прототип.

Мы пожали руки. Его рукопожатие было сухим и сильным. Сделка была заключена.

После ухода отца в кабинет, Алиса осталась со мной в гостинной. Маска спала. Её лицо исказила смесь торжества и страха.

— Ты слышал? Ты должен сделать это, — прошептала она, хватая меня за руку. — Папа... он серьёзно. Если ты провалишься...

— Я не провалюсь, — перебил я её, высвобождая руку. Мне нужно было закрепить новый статус-кво. Не она давила на меня, а я вёл её к общей цели. — Но тебе нужно понять кое-что, Алиса. То, что было сегодня утром... этого больше не должно повториться. Никогда. Ты чуть не сорвала всё. Ты думала, я там развлекаюсь? Я работал. На наше будущее. Твоя ревность и твои слезки — это слабость. А мне нужен сильный партнёр. Ты хочешь им быть?

Она замерла, поражённая. Я говорил с ней не как с капризной девушкой, а как с неудачливым сотрудником.

— Я... я просто испугалась, — пробормотала она.

— Страх — это роскошь, которую мы не можем себе позволить, — сказал я холодно. — Доверие — вот что нужно. Я не спрашиваю, где ты бываешь и с кем. Ты доверяешь мне?

Она кивнула, быстро, глаза наполнились слезами.

— Тогда покажи это. Завтра. Послезавтра. И всегда. Доверием, а не слезкой. Поняла?

— Поняла, Мирон.

Я обнял её, позволил ей прижаться ко мне. Она дрожала. Я достиг цели. Она была сломлена не скандалом, а холодной логикой и поставленной перед ней дилеммой: быть обузой или стать частью успеха. Она выбрала второе. Пока что.

Уходя от них, я чувствовал не облегчение, а тяжесть. Я только что подписал контракт с дьяволом в лице её отца. Месяц. За месяц нужно было не только сделать прототип (с помощью Лики, конечно), но и запустить первые обороты схемы с Мариной и Полиной, чтобы иметь финансовую подушку на случай, если академический путь даст трещину.

Я сел в машину, но не завёл двигатель. Просто сидел в темноте, глядя на освещённые окна квартиры Завьяловых. Я создал ещё одну зависимость. Теперь моя академическая карьера была завязана на успех проекта. А успех проекта — на Лику. А благополучие Алисы — на мой успех. Петля затягивалась. И я был в её центре.

Процессор в голове выдавал обновлённую, ещё более сложную карту связей. В центре — я. От меня нити тянулись к Алисе (через отца, через проект), к Лике (ключевой исполнитель), к Полине (источник неофициального финансирования), к Марине (выход на арт-схему), к Веронике (юридическое прикрытие). Каждая нить была напряжена. Одна порвётся — и вся конструкция может рухнуть.

Я завёл двигатель. Ехать было некуда. Вернее, было много мест, но ни одно не было домом. Я поехал просто ехать, сливаясь с ночным потоком машин. Мне нужно было думать. Планировать следующий шаг. Самый важный шаг.

Интеграция. Нужно было свести вместе Полину и Марину. Превратить их из отдельных активов в работающий тандем. И сделать это так, чтобы они даже не догадывались, что я — ось, на которой всё вращается. Завтра. Встреча в нейтральном месте. Мой следующий спектакль.

Глава 13

Глава 12. Предложение

Давление после визита к Завьяловым было таким плотным, что его можно было потрогать. Месяц. Тридцать дней, чтобы из сырой модели сделать прототип, убедить декана и привязать к себе Алису окончательно. Но, прежде чем погрузиться в код с Ликой, нужно было сделать другой, не менее важный ход. Нейтрализовать угрозу со стороны Полины и одновременно запустить финансовый механизм.

Я назначил встречу в небольшом, но модном коворкинге в центре. Место было выбрано неслучайно: здесь пересекались тусовочные блогеры, начинающие предприниматели и представители богемы. Ничья территория.

Полина пришла первой. В облегающем платье цвета хаки и с огромными солнцезащитными очками, которые она не сняла и внутри. Она устроилась на барный стул у высокого стола, выложила перед собой телефон, павербанк и яркую косметичку, обозначив своё пространство.

— Ну, загадочный мужчина, — сказала она, не глядя на меня, снимая на камеру интервью. — Кого представляю? И почему здесь? У меня через час съёмка у бренда.

— Ты представляешь себя, Поля, — ответил я, садясь напротив. — И представляешь блестяще. А здесь — потому что через пять минут к нам присоединится человек, который может сделать твой контент не просто популярным, а... инвестиционно привлекательным.

Она наконец опустила телефон, приподняла очки на лоб. В её глазах зажёгся интерес хищника.

— Инвестиционно? Ты нашёл спонсора для моего шоу?

— Лучше. Нашёл партнёра. Для нового формата. Арт-блог.

Дверь коворкинга открылась, и вошла Марина. В строгом чёрном костюме минималистичного кроя, с портфелем из мягкой кожи. Она выглядела так, будто только что сошла со страниц Vogue Business. Её взгляд быстро нашёл нас, и она направилась к нашему столу уверенным, бесшумным шагом.

— Марина, знакомься, Полина, — сказал я, вставая. — Полина, это Марина. Одна из самых перспективных молодых галеристок в городе. Та, о ком я тебе говорил.

— Привет, — сказала Полина, оценивающе окидывая Марину взглядом. Соперничество двух альфа-самок витало в воздухе, густое, как туман.

— Здравствуйте, Полина, — кивнула Марина, её улыбка была профессиональной и холодной. — Мирон много рассказывал о вашем... охвате.

— Охват у меня действительно огонь, — небрежно бросила Полина, откидывая волосы. — Полтора миллиона в инсте, почти миллион в Тик-Токе. Но я не продаю курсы по рисованию. Мой контент про lifestyle, про драйв.

— Именно поэтому мы здесь, — вмешался я, разрезая напряжение. — Марина, Полина — это не просто блогер. Это трендсеттер. То, что она носит, где бывает, что показывает — становится мейнстримом для её аудитории. А её аудитория — это как раз те молодые, успешные люди, которые начинают интересоваться искусством не как музейным экспонатом, а как атрибутом статуса. Живым, дерзким.

Марина медленно села, положила портфель на стол.

— И что вы предлагаете? Я делаю выставки, а не пиар-кампании.

— А я предлагаю сделать выставку событием, о котором будут говорить не только в узких кругах, — парировала Полина, неожиданно включившись в игру. Её голос приобрёл деловые нотки. — Представь: я делаю серию сторис и постов «закулисье» — отбор работ, монтаж, подготовка. Потом — веду открытие. Не просто пришла, сфоткалась и ушла. А настоящее погру-

жение. Интервью с художниками на их языке. Честно, без пафоса. Моя аудитория это сожрёт. А потом — лукбук в интерьерах твоей галереи. Искусство как часть гардероба, часть жизни.

Я наблюдал, как идея проникает в Марину. Она перестала смотреть на Полину как на пустышку. Она видела инструмент.

— Это... интересный подход, — осторожно сказала Марина. — Но мои художники — не медийные лица. Они могут не понять такого формата.

— Тем лучше, — загорелась Полина. — Контраст! Замкнутый гений и открытый, современный мир. Это же драма! Это история!

— История, которую можно монетизировать с нескольких сторон, — мягко вставил я. — Полина привлекает новую, платёжеспособную публику на твои выставки. Ты получаешь продажи. Кроме того... — я понизил голос. — Формат «закулисье» и «личное отношение» позволяет создать вокруг конкретных работ или художников особый нарратив. Историю, которая... оправдывает цену. И привлекает определённых инвесторов, которые ценят не только искусство, но и грамотно упакованную историю.

Я посмотрел на Марину, и наши глаза встретились. Она поняла, о каких «инвесторах» я говорю. О тех, у кого есть кэш, который требует красивой легенды.

— Допустим, — сказала Марина, её пальцы забарабанили по коже портфеля. — Но это требует бюджета. На пиар, на организацию съёмок.

— Бюджет может быть... гибким, — сказал я. — Часть — официальный гонорар Полины от галереи. Часть... может прийти от заинтересованных лиц, которые увидят в этом проекте потенциал. Я уже говорил тебе о таких возможностях.

Полина смотрела на наш тихий диалог, и в её глазах загорелся новый огонёк — не просто интереса, а жадности. Она учуяла деньги. Не те, что платят бренды за пост, а другие — более крупные и тёмные.

— Вы говорите о... спонсорах? — спросила она прямо.

— О партнёрах, — поправил я. — Которые вкладываются в искусство и в продвижение. И которые ценят дискретность. Если проект выстрелит, их вложения окупятся не только моральным удовлетворением, но и ростом стоимости активов, которые они... приобретут через галерею.

Наступила пауза. Шум коворкинга — гул голосов, стук клавиатур — обтекал наш маленький стол, за которым рождалась новая, рискованная реальность.

— Мне нужно подумать, — сказала Марина, вставая. Но она не закрывала портфель. Это был хороший знак. — И познакомиться с работами, которые могли бы стать фокусом такого... коллаборации.

— У меня как раз есть несколько имён, — тут же откликнулась Полина, уже листая телефон. — Молодые, голодные, фотогеничные. Им только дай повод. И, кстати, у одного из них студия — просто бомбическое место для съёмок. Индастриал, граффити... Контент сам будет рождаться.

Я откинулся на стуле, позволив им общаться. Моя задача была выполнена. Я свёл их. Я задал вектор. Теперь они, движимые каждая своими интересами — Марина желанием доказать отцу свою состоятельность и приумножить капитал, Полина жаждой новых форматов и больших денег, — начнут двигаться в нужном мне направлении. Я оставался в тени, связующим звеном, архитектором.

Через полчаса они уже обменивались контактами, договаривались о совместном визите в студию к «тому самому перспективному скульптору». Я наблюдал, как Марина, сначала скептическая, теперь оживлённо жестикулирует, рассказывая о проблемах с освещением в её галерее. Полина кивала, предлагала решение со светом для съёмок, которое «вытянет любое пространство».

Когда они наконец закончили, и Марина ушла, обещая прислать варианты договоров, Полина обернулась ко мне. Её глаза горели.

— Мирон, это же... это же гениально! — прошептала она, хватая меня за руку. — Это новый уровень! Это не реклама шампуня! Это... со-твор-че-ство!

— Я рад, что тебе нравится, — улыбнулся я.

— Нравится? Я в восторге! И эти... «партнёры». Ты серьёзно? Будут вкладываться?

— Если мы сделаем всё красиво и профессионально — да. И их вложения будут значительными. Твой процент от этой истории может быть очень, очень приятным.

Она закусила губу, потом неожиданно наклонилась ко мне через стол. Её парфюм ударил в нос, густо и сладко.

— А какой *мой* процент от тебя, Мирон? — прошептала она, и её взгляд стал томным, обещающим. — Ты же знаешь, я сейчас на таком подъёме... Мне нужна... разрядка. И благодарность. Ты же не против стать частью моего сегодняшнего контента? Самого... приватного?

Она положила ногу на моё колено под столом, провела ступнёй по внутренней стороне бедра. Это был примитивный, но эффективный жест. После напряжённой игры ума и намёков она предлагала простую, животную транзакцию. И в этом был свой смысл. Закрепить успех. Связать её со мной не только финансовыми перспективами, но и физической зависимостью.

Я не ответил. Я просто встал, взял её за руку и повёл в сторону выходов. В этом коворкинге были и переговорки-капсулы, которые сдавались почасово. Я знал. Я проверил.

Комната была крошечной, стеклянной, но с матовыми стенами с трёх сторон. Только с одной — прозрачное стекло, выходящее на пустую сейчас зону отдыха. Я завёл её внутрь, щёлкнул замком. Звук был громким в тишине.

— Контент, говоришь? — я прижал её к матовому стеклу, чувствуя, как оно прохладное через тонкую ткань её платья. — А что, если зритель будет... здесь?

Она обернулась, её дыхание участилось. Она посмотрела на прозрачную стену, за которой мог в любой момент появиться кто-то.

— Рискованно... — выдохнула она, но её тело выгнулось навстречу мне.

— А ты разве не за этим? — я нашёл молнию на её платье, медленно потянул вниз. Шипение расходившегося замка было самым громким звуком в комнате.

Она не сопротивлялась. Она помогала, стягивая ткань с плеч. Её грудь выпрыгнула из тесного кружевного бюстгалтера. Я прижался губами к её шее, потом опустился ниже, кусая и целуя кожу. Она стонала, её пальцы впились в мои волосы.

— Мирон... кто-то может...

— Пусть смотрят, — прошептал я, расстёгивая её брюки. — Пусть видят, какая ты... преданная своему делу. Своим партнёрам.

Я вошёл в неё резко, повернув её лицом к прозрачному стеклу. Она вскрикнула, упёрлась ладонями в холодную поверхность. За ней была пустота, но она воображала там зрителей. Её стоны стали громче, отчётливее. Она играла на публику, даже если публики не было. Это заводило её больше всего.

Я двигался жёстко, почти зло, вымещая на ней всё накопившееся напряжение — страх перед Завьяловым, давление сроков, сложность игры. Она была полем битвы, на котором я восстанавливал контроль. Каждый толчок был кирпичиком в стене моей уверенности.

Вдруг за стеклом мелькнула тень. Кто-то прошёл по зоне отдыха. Полина замерла, её тело напряглось до предела.

— Не останавливайся... — прошептала она сквозь зуды, и её голос был полон и страха, и восторга.

Я не остановился. Я ускорился, одной рукой прижимая её к стеклу, другой зажимая ей рот, чтобы заглушить крик. Она задрожала, её ноги подкосились, и волна конвульсий прока-

тилась по её телу. Только тогда я позволил себе отпустить контроль, утопая в тёмном, безмысленном наслаждении, которое на секунды стирало все схемы, все риски, всё.

Когда мы отдышались, она обернулась и прижалась ко мне лбом, её тело было влажным и горячим.

— Боже... это было... — она не закончила, просто засмеялась срывчато.

Я молча помог ей одеться, поправил её растрёпанные волосы. Она смотрела на своё отражение в матовом стекле, поправляя макияж кончиками пальцев.

— Начинаем работать над проектом с Мариной завтра, — сказал я деловым тоном, возвращая нас в реальность. — Я пришлю тебе контакты её юриста для обсуждения договора. И... тех партнёров. Будь готова к нестандартным условиям оплаты.

Она кивнула, её глаза сияли азартом игрока, поставившего на кон всё и выигравшего.

— Я всегда готова к нестандартному, Мирон. Ты же знаешь.

Мы вышли из переговоров по отдельности, с интервалом в пять минут. Я вышел последним. На улице уже смеркалось. Одна нить была завязана. Полина и Марина теперь были связаны общим делом, в центре которого незримо присутствовал я. Финансовый механизм начал раскручиваться.

Но в голове, вместо облегчения, звучал тревожный звон. Я слишком глубоко зашёл. Игры с Завьяловым, схемы с наличными, эта рискованная связь с Полиной... Я больше не просто выживал и пробивался. Я строил амбициозную, опасную империю на песке. И чем выше она становилась, тем болезненнее могло быть падение.

Глава 14

Глава 13. Свободный радикал

Проект с Мариной и Полиной, названный «ART-VIRAL», стартовал со скоростью запущенной ракеты. Пока я корпел с Ликой над прототипом для Завьялова (а по сути — делал вид, что корплю, наблюдая, как её пальцы летают по клавиатуре, творя настоящую магию), мои «партнёры» уже сняли первый мини-документальный фильм про скульптора-затворника. Полина, с её врождённым чутьём на драму, вытащила из парня по имени Артём такие личные истории, что Марина, просматривая материал, вытерла слезу. «Это гениально, — сказала она мне по телефону. — Мы продаём не статую. Мы продаём кусок его души. Папа будет под впечатлением».

Отец, Аркадий Львович, пока сохранял настороженную паузу. Но его молчание было знаком одобрения. Он ждал первого финансового результата.

А результат зависел от «партнёров». Первым кандидатом стал человек по имени Слава. Его «привёл» один из старых знакомых Полины по клубной тусовке. «Крутой пацан, — сказала она мне, сверкая глазами. — Владеет сетью автомоек где-то на юге. Любит искусство, но, кажется, ещё больше любит, когда про него забывают налоговики».

Встреча была назначена не в галерее и не в лофте. В полуподвальном помещении в стиле лофт, которое Слава снимал под «неформальные переговоры». Когда я и Марина вошли, воздух ударил в нос смесью дорогого табака, новой кожи и скрытой угрозы.

Слава оказался мужчиной лет тридцати пяти, с бычьей шеей, коротко стриженной головой и спокойными, внимательными глазами, которые ничего не упускали. На нём была простая чёрная футболка, но часы на руке стояли как машина Марины. Рядом с ним сидел молчаливый тип в спортивном костюме, который только пил воду и смотрел в стену.

— Марина, Мирон, — Слава кивнул, не вставая. — Садитесь. Полина хвалила. Говорит, вы делаете что-то свежее.

— Мы создаём новые смыслы, Слава, — уверенно начала Марина, раскладывая перед ним планшет с фотографиями работ Артёма и графиком PR-кампании. — И новый рынок.

Я молча наблюдал. Моя роль здесь была — тень, советник. Я изучал Славу. Он не был похож на типичного «нового русского». Он слушал внимательно, задавал точные, неглупые вопросы о ликвидности, о возможности быстрого выхода из актива, о юридическом оформлении.

— То есть я покупаю эту... конструкцию из ржавого железа за условные пятьсот тысяч наличными, — переспросил он, тыча толстым пальцем в фотографию абстрактной скульптуры. — Вы ей через ваши каналы раскручиваете ценник до, скажем, полутора миллионов. А потом находите покупателя, который купит её у меня уже за эти полтора, но безналom на мой ООО?

— В общих чертах — да, — кивнула Марина. — Разница — ваша чистая прибыль. А скульптура, если не найдётся внешний покупатель, останется у вас как актив, который можно будет использовать в аналогичных схемах в будущем или просто как элемент интерьера. С историей.

Слава усмехнулся. Усмешка не добралась до его глаз.

— История — это хорошо. Но мне нужны гарантии. Гарантии, что вы не исчезнете с моими деньгами. И гарантии, что эта железка действительно будет стоить полтора лимона через полгода.

Тут вмешался я. Спокойно, без суеты.

— Гарантии первого порядка — репутация галереи Аркадия Львовича. Она никуда не денется. Гарантии второго — наша с Мариной заинтересованность в долгосрочном сотрудни-

честве. Мы не разводим на раз. Мы строим систему. Вы становитесь частью арт-рынка. А это, поверьте, Слава, гораздо приятнее и безопаснее, чем вкладываться в очередной ночной клуб. Гарантии третьи... — я сделал паузу. — Художник. Он молод, талантлив, и мы контролируем его медийное поле через Полину. Мы можем управлять его ценой. Если нужно — поднять. Если нужно — заморозить.

Слава смотрел на меня, его взгляд был тяжёлым, как гиря.

— Контролируете, говоришь? А самого художника? Он не начнёт трепаться, где взял первые деньги?

— Артём — затворник, — мягко сказала Марина. — Он ненавидит публичность. Для него главное — возможность творить. Мы даём ему студию, материалы и полную изоляцию от... ненужных вопросов. Он нашим партнёрам благодарен. И молчалив.

Слава задумался, постукивая пальцами по столу. Его телохранитель по-прежнему смотрел в стену.

— Ладно, — наконец произнёс он. — Беру одну работу. Пробный шар. Пятьсот тысяч кэшом. Через неделю — мне на стол договор купли-продажи, где всё красиво. Через полгода хочу видеть её в каталоге какого-нибудь престижного аукциона с эстимейтом от полутора. Детали по документам... у вас есть юрист?

— Есть, — быстро сказал я, думая о Веронике. Это будет её первое реальное, а не гипотетическое введение в игру. Рискованный шаг, но необходимый. — Опытный. Всё сделает чисто.

Мы пожали руки. Его рукопожатие было коротким, сильным, как захват. «Молодые, амбициозные. Нравитесь», — бросил он на прощание, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или на оценку будущей полезности.

На улице Марина выдохнула, прислонившись к стене здания.

— Боже, я чувствую себя как в плохом фильме, — прошептала она.

— В хорошем, — поправил я. — В фильме, где мы победим. Пятьсот тысяч, Марик. Это начало. Он войдёт в долю, увидев первую прибыль. И приведёт других.

— А этот юрист? — спросила она, глядя на меня. — Кто это? Ты уверен?

— Я уверен, — сказал я, хотя уверенности не было. Была только холодная необходимость. Вероника была следующим логическим звеном. Без её легитимного, но гибкого ума схема была узвима.

Позже, вечером, я позвонил Веронике. Не писал, а именно позвонил. Это требовало личного контакта.

— Привет, это Мирон. Нужен твой профессиональный взгляд. По тому самому учебному кейсу. Только кейс... стал немного реальнее.

— Насколько реальнее? — её голос был настороженным, но любопытным.

— Появился клиент. И предмет искусства. И сумма. Надо грамотно оформить переход права собственности и зафиксировать цену для будущих... переоценок.

Она помолчала. Я слышал её ровное дыхание в трубку.

— Это уже не кейс, Мирон. Это консалтинг. С гонораром, пропорциональным рискам.

— Обсуждаемо, — согласился я. — Завтра? Библиотека, наш угол?

— Не в библиотеке, — резко сказала она. — Слишком много людей. В парке, у большого дуба на набережной. В четыре. И приходи один.

Она положила трубку. Её условия говорили о том, что она понимала уровень игры. И была готова в неё вступить. Но на своих условиях.

Я откинулся на стуле в своей однушке. Карта усложнялась. Появился новый игрок — Слава, с его тёмными деньгами и сдержанной угрозой. Вероника переходила из категории «гипотетического советника» в «необходимого соучастника». Полина и Марина работали как часы, но их альянс был хрупким — две сильные личности в одном проекте. Алису я держал на

расстоянии, кормя её отчётами о «прогессе проекта» и редкими, жёсткими встречами, которые оставляли её эмоционально истощённой и послушной. Лика... Лика была единственным тихим местом. Но и там после визита Алисы появилась трещина. Она смотрела на меня теперь не только с обожанием, но и с немим вопросом.

Я подошёл к окну. Город сиял внизу, безразличный и огромный. Я был пауком в центре паутины, которую сплёл сам. Каждая новая нить увеличивала мою добычу, но и повышала вероятность того, что кто-то заденет сеть, и вся конструкция задрожит, выдавая моё присутствие.

Нужно было уже не просто управлять. Нужно было предвидеть. Просчитывать ходы на десять вперёд. И главное — не допустить, чтобы эти люди, эти «активы», начали общаться между собой без моего контроля. Пока что каждый видел лишь свой кусок мозаики. Моя задача — не дать им сложить картинку целиком. Потому что на этой картинке был бы не гений-предприниматель, а холодный циник, плетущий паутину из их жизней.

И где-то в глубине, под слоями расчётов, шевелился страх. Не страх разоблачения. Страх того, что в этой идеальной, выстроенной мной системе я сам становлюсь самым главным узником. Заложником собственной схемы.

Глава 15

Глава 14. Внесезонье

Идея пришла ночью, как внезапная лихорадка. Не просто идея — потребность. Потребность в солнце, в белом песке, в воде цвета аквамарина, в котором можно смыть эту липкую паутину лжи, напряжения и постоянного расчёта. На Мальдивы. Сейчас. Вне сезона, когда цены ниже, а толп нет.

Но с кем? И, главное, на чьи деньги?

Логика кричала: Марина. У неё есть деньги, вернее, доступ к деньгам отца. Это была бы не просто поездка, это был бы новый уровень наших отношений — демонстрация серьёзности намерений для Аркадия Львовича. «Познакомьтесь с моей дочерью на Мальдивах». Звучало. Но было опасно. Слишком серьёзно, слишком официально. Она могла бы ожидать после этого каких-то шагов, которых я не планировал.

Полина? Она обожает гламур и контент. «Рабочая поездка на Мальдивы: как снять идеальный лукбук». Блогерская легенда сработала бы безупречно. И деньги... у Полины всегда водился кэш от спонсоров, который она не всегда декларировала. Она могла бы списать это на «коллаборацию». Но Полина — это шум, постоянные съёмки, сторис, риск быть узнанным. Мне нужен был не контент, а забвение.

Алиса? Отец оплатил бы всё, не моргнув глазом. Это был бы щедрый жест «уставшему от проекта» перспективному молодому человеку. Но неделя наедине с Алисой в романтической обстановке? Это означало бы тотальный контроль с её стороны, вечные расспросы, попытки закрепить наши отношения. Это был бы ад.

Вероника? Абсурд. С ней можно обсуждать Уголовный кодекс под шум прибора. Никакого отдыха.

Лирика... Мысль застряла, как заноза. Лирика. Тишина. Никаких претензий, никаких спектаклей. Она смотрела бы на океан так же, как на строки кода — с тихим, глубоким восхищением. Она не потребовала бы ничего, кроме моего присутствия. Но деньги... У Лики не было денег даже на новую видеокарту. И как объяснить ей внезапную щедрость? Это разрушило бы хрупкий баланс наших «деловых» отношений.

Значит, деньги нужно было взять самому. Но где? Мои личные сбережения — смешная сумма. Проект с Завьяловым не принёс ни копейки, только расходы. Схема «ART-VIRAL» только запустилась, первые пятьсот тысяч Славы были вложены в ту самую скульптуру и откат Полине за организацию. Моя доля пока висела в воздухе.

Оставался один вариант. Рискованный. Мгновенный.

Я взял телефон, набрал номер Славы. Он ответил на третьем гудке.

— Алло.

— Слава, привет, это Мирон. Помнишь нашу сделку?

— Помню. Что, уже аукцион объявили? — в его голосе сквозь шум фоновых переговоров слышалась лёгкая ирония.

— Нет. Дело другое. Есть возможность ускорить процесс. Для тебя. Но нужны вложения. Небольшие, но срочные.

— Вложения? В художника?

— В инфраструктуру. Нужно срочно отправить его... на «арт-резиденцию». За границу. Для создания новой, более масштабной работы. Которая станет главным лотом будущего аукциона. Это взвинтит интерес ко всему его творчеству, включая твою железку. Но билеты, виза, проживание — всё нужно организовывать сейчас. Пока сезон низкий.

Слава помолчал. Я слышал, как он закуривает.

— Сколько?

— Тысяч триста. На всё про всё. Деньги вернутся в твой карман с лихвой, когда мы продадим его новую работу. Это инвестиция в твой же актив.

— И куда ты его, этого гения, собрался?

— На Мальдивы, — выпалил я, и сам понял, насколько это звучит абсурдно. — Нужна смена обстановки, новый свет, новые впечатления. Океан. Это радикально изменит его стиль, сделает его работы уникальными. Мы это раскрутим как «мальдивский период».

На другом конце провода раздался хриплый смех.

— Бля, молодой, ты либо гений, либо ебанутый. На Мальдивы художника... Ну ладно. Дело твоё. Но. Деньги дам. Только не на его карту, ясно? И отчёт с фотками. Чтобы я видел, что мой художник не бухает на эти деньги в Сочи, а творит. Договорились?

— Договорились, — сказал я, и сердце ушло в пятки от облегчения и ужаса. Я только что взял триста тысяч под предлогом, которого не существовало. Артём и не думал никуда ехать. Он был счастлив в своей промзоне.

— Завтра, после обеда. Тот же полуподвал. Приходи один, — бросил Слава и положил трубку.

Деньги были. Теперь вопрос — с кем?

Поздно ночью я сидел перед ноутбуком, листая авиабилеты и виллы на воде. Роскошные, безумно дорогие бунгало с прозрачным полом. И тут пришло сообщение. От Лики. Не про код.

«Мирон, я нашла баг. В алгоритме. Не критичный, но... он делает прогнозы слишком оптимистичными. На 0.3%. Нужно переобучить модель. Это займёт дня три. Извини».

Я смотрел на эти слова. «Извини». Она извинялась за то, что сделала свою работу честно. В то время как я ворочался в своей паутине лжи, она переживала из-за погрешности в 0.3%.

Я не думал. Я действовал на импульсе, который был опаснее любого расчёта.

«Лик, забей. На три дня. Упакуй ноутбук и твой самый тёплый свитер. Завтра в шесть утра я за тобой. Мы уезжаем».

Прошло целых пять минут.

«??? Куда? Зачем?»

«На море. Тебе нужен перезагруз. Мне — тоже. Это... часть проекта. Исследование влияния смены локации на креативность. Твоя задача — отдыхать и иногда смотреть на код. Всё оплачено. Согласна?»

Я ждал, затаив дыхание. Это был самый безумный мой ход. Я звал в романтическое путешествие девушку, которую считал безобидным инструментом. И делал это за деньги криминального авторитета, взятые под фальшивым предлогом.

«...Согласна».

Одно слово. Без восклицаний, без вопросов. Просто согласие.

На следующий день я получил от Славы тяжёлый конверт с купюрами, отчитавшись о «срочном оформлении документов для художника». В шесть утра я был у общежития. Лика вышла на улицу с маленьким рюкзаком и тем же потрёпанным ноутбуком. Она была в простых джинсах и ветровке, выглядела испуганной и сбитой с толку.

В аэропорту я купил ей солнцезащитные очки и лёгкое платье. Она покраснела, но надела. В самолете она проспала всю дорогу, положив голову мне на плечо. Её дыхание было тихим и ровным.

Когда гидрофон вырубил к нашей вилле на атолле, и мы ступили на тёплый пористый трап, ведущий прямо к бунгало на сваях, Лика замерла. Она сняла очки и просто смотрела. На бирюзовую воду, на бесконечное небо, на маленьких рифовых акул, кружащих под прозрачным полом.

— Здесь... всё настоящее? — тихо спросила она.

Этот детский вопрос пронзил меня острее любого упрёка. В её мире настоящим были только код и логика. Всё остальное, включая, наверное, и меня, было сомнительной абстракцией.

— Пока что — да, — ответил я, и впервые за долгое время это не была ложь.

Первые два дня были странными. Я отключил основной телефон, оставив только «чистый» для экстренных звонков. Лика плавала с маской, рассматривая рыб, изредка что-то бормоча про алгоритмы распознавания образов. Вечерами мы ужинали при свечах на веранде, и она рассказывала мне о теории графов, и это было удивительно увлекательно. Она не спрашивала, откуда деньги, не требовала романтики. Она просто была. И в этой простоте была какая-то невероятная, исцеляющая сила.

На третий вечер, когда солнце садилось, окрашивая лагуну в пурпур и золото, она сидела на краю платформы, болтая ногами в тёплой воде. Я подошёл и сел рядом. Наши плечи почти соприкоснулись.

— Мирон, — сказала она, не глядя на меня. — Спасибо. Я никогда... я даже не мечтала тут оказаться.

— Это я должен благодарить тебя, — сказал я, и снова это была правда. За эти три дня я впервые за много месяцев не играл роли. Я просто существовал. И это было страшнее и прекраснее любой игры.

— За что? — она повернулась ко мне, и в её глазах, увеличенных очками, отражалось закатное небо.

— За то, что ты не спрашиваешь лишнего.

Она молча кивнула, потом неожиданно положила свою маленькую, холодную руку мне на ладонь. Это был крошечный, невероятно смелый жест. Я не отнял руку. Мы сидели так, глядя, как последний луч солнца гаснет в океане.

В этот момент в кармане завибрировал телефон. Тот, «чистый». Я инстинктивно вздрогнул. Лика почувствовала это и убрала руку.

Сообщение было от Вероники: «Срочно. По твоему кейсу вопросы. Звони. Не сбрасывай».

Лёд пробежал по спине. Идиллия закончилась. Реальность, грязная и требовательная, настигла меня даже здесь, на краю света. Я взглянул на Лику, которая снова смотрела на воду, но её поза была уже не такой расслабленной. Щит был сломан.

Деньги были взяты в долг у опасного человека под ложным предлогом. Юрист, которого я втянул в игру, требовал ответов. А я сидел на Мальдивах с девушкой, которая начинала видеть во мне не просто заказчика.

Это был не побег. Это была передышка. И чем слаще была передышка, тем болезненнее обещало быть возвращение. Я закрыл глаза, вдыхая солёный воздух, пытаюсь запомнить этот мимолётный, купленный обманном путём покой. Он таял на глазах, как морская пена на песке.

Глава 16

Глава 15. Весь мир - код

Закат на Мальдивах был не событием, а состоянием. Небо горело так, будто кто-то поджёг океан снизу, и пламя лизало облака, окрашивая их в неистовые цвета фуксии, охры и индиго. Воздух, ещё дневной и знойный, начинал отдавать вечерней прохладой и запахом ночных цветов.

Мы сидели на краю деревянной платформы нашего бунгало, ноги в воде. После сообщения Вероники я не позвонил. Я выключил телефон и бросил его на кровать внутри. Пусть мир подождет. Хотя бы до завтра.

Лика молчала. Она не спрашивала, кто писал. Она просто наблюдала за маленькой рифовой акулой-нянькой, которая лениво кружила под нами, её пятнистая спина сливалась с игрой света на песке.

— Она не опасная, — вдруг сказала она, как будто читая мои мысли. — Её алгоритм поведения прост: патрулирование территории, поиск мелкой добычи. У неё нет переменной «агрессия к человеку» в базовом коде.

Я усмехнулся. Её мир всё так же был наполнен логикой.

— А у людей есть такая переменная?

Она задумалась, наклонив голову.

— Есть. Но она сложная. Зависит от слишком многих факторов. Часто — от сбоев в более ранних программах: страха, зависти, чувства несправедливости. — Она повернулась ко мне, и в её огромных глазах, лишённых теперь очков, отражалось пламя заката. — У тебя... у тебя есть эта переменная, Мирон?

Вопрос был неожиданным и пронзительным. Она спрашивала не о конкретной ситуации. Она спрашивала о моей сути.

— Есть, — честно ответил я. — Но я стараюсь её... деактивировать. Она неэффективна.

— А какие переменные эффективны? — её голос был тихим, но настойчивым.

— Контроль, — вырвалось у меня. — Расчёт. Предвидение.

— Это звучит холодно.

— Это безопасно.

Она смотрела на меня, и казалось, она видит сквозь кожу, мышцы, прямо в тот холодный, расчётливый процессор, который я считал своим ядром. И в её взгляде не было осуждения. Было... понимание. Как будто она видела во мне сложный, глючный, но интересный алгоритм.

— Холодно и безопасно, — повторила она. — А здесь... здесь тепло. И... небезопасно. Потому что переменных слишком много. Цвет воды каждый раз разный. Рыбы движутся случайно. Ветер меняет направление. Здесь нельзя всё просчитать.

— И поэтому ты здесь расслабилась? — спросил я.

— Нет. Поэтому я здесь... живу. В реальном времени. Без буфера.

Она поднялась, стряхнула воду с ног и прошла внутрь бунгало. Я остался сидеть, ошеломлённый простотой её формулировки. «Без буфера». Я жил в буфере из лжи, ролей, схем. А она — в прямом эфире реальности.

Когда я вошёл внутрь, она стояла посреди комнаты, освещённая лишь светом от настольной лампы и угасающей зарей за стеклянной стеной. Она сняла своё простое хлопковое платье. Оно упало бесшумно к её ногам. Под ним не было ничего. Только она — хрупкая, бледная, с острыми ключицами и маленькой, упругой грудью. Она не принимала соблазнительных

поз. Она просто стояла, глядя на меня, как будто демонстрируя новый, неожиданный результат вычислений.

— Ли́ка... — начал я, но слова застряли в горле. Это не было частью плана. Это нарушало все протоколы.

— Ты сказал, здесь всё настоящее, — тихо произнесла она. — Вот она я. Настоящая. Без кода, без алгоритма. Просто переменная «Ли́ка». Хочешь... добавить меня в своё уравнение?

Это была не просьба. Не соблазн. Это был вызов. Вызов из её простого, честного мира в мой сложный и фальшивый.

Я подошёл к ней. Не как стратег. Не как актёр. Шаг за шагом, преодолевая сопротивление собственной натренированной осторожности. Когда я оказался в сантиметре от неё, я почувствовал исходящее от неё тепло и лёгкий запах соли и солнца.

Я прикоснулся к её щеке. Кожа была нежной, почти прозрачной. Она закрыла глаза и прильнула к моей ладони. Этот жест беззащитного доверия обжёг меня сильнее любой страсти.

Мой поцелуй был не жадным, не властным. Он был вопросительным. Нежным. Она ответила робко, её губы были мягкими и неумелыми. Она не целовалась как Алиса, с напором и требованием. Не как Полина, с театральностью и расчётом. Она целовалась как человек, который впервые расшифровал новый, прекрасный сигнал и пытался на него ответить.

Я снял свою рубашку. Потом — шорты. Она открыла глаза и смотрела на моё тело не с вожделением, а с тем же научным интересом, с которым изучала схемы. Её пальцы коснулись шрама на моем боку — старой памяти от дворовой драки. Она провела по нему кончиками пальцев, как бы считывая данные.

— Больно было? — прошептала она.

— Тогда — да. Сейчас — нет.

— Хорошо, — просто сказала она.

Я поднял её на руки — она была невесомой, как пёрышко — и отнёс на огромную кровать, застеленную белоснежным бельём. Океан шумел за стеклом, ритмично и мощно.

Всё, что было потом, не поддавалось моим старым алгоритмам. Не было сценария доминирования, как с Алисой. Не было спектакля для воображаемой камеры, как с Полиной. Была только медленная, трепетная разведка двух чужеродных систем, пытающихся найти общий язык.

Я касался её, и она вздрагивала, но не от страха, а от удивления новым ощущением. Она изучала мои реакции, как сложный график, и пыталась повторить то, что, казалось, доставляло мне удовольствие. Её неловкость была чарующей. Её тихие вздохи, когда я опускал голову между её ног, не были игрой. Они были чистой, нефilterованной физиологией. Она была открыта, как книга на незнакомом языке, которую я отчаянно хотел прочесть.

Когда я вошёл в неё, она вскрикнула — коротко, от боли, но её руки не оттолкнули меня, а обвили мою шею. Она прижалась лбом к моей щеке, и я чувствовал, как по ней катятся слезы.

— Всё хорошо? — прошептал я, замирая.

— Да, — выдохнула она. — Это... новый параметр. Интенсивный.

Я начал двигаться медленно, осторожно, сверяясь с её дыханием, с микродвижениями её тела. Её ноги обвили вокруг моих бёдер, её пятки упёрлись мне в спину. Мы нашли ритм — не идеальный, не синхронизированный, как в порно, а живой, настоящий. Она то отставала, то опережала, то совсем теряла темп, и мы замирали, смеясь тихим, сбивчивым смехом, а потом начинали снова.

В её глазах не было экстаза в общепринятом смысле. Было глубокое, сосредоточенное удивление. Как будто она переживала самое удивительное открытие в своей жизни. И это, чёрт возьми, было самым возбуждающим, что я когда-либо испытывал.

Когда она наконец достигла пика, это случилось не со стоном, а с тихим, протяжным выдохом, как будто она выпускала наружу какую-то сложную, долгую формулу. Её тело сжалось вокруг меня, и волна её наслаждения потянула за собой моё. Я не сдержался. Я рухнул на неё, погребённый под тяжестью ощущений, которые не имели названий в моём внутреннем лексиконе.

Мы лежали, сплетённые, слушая, как океан и наше дыхание постепенно приходят в одно ритм. Она запустила пальцы в мои волосы.

— Твой алгоритм, — прошептала она мне в грудь. — Он... несовершенный. Много лишних циклов. Много защитных функций. Но ядро... ядро хорошее.

Я рассмеялся, и смех был хриплым, незнакомым.

— А твой?

— Простой. Но сегодня... сегодня в него добавили новый модуль. Очень энергоёмкий. Но... эффективный.

Я поднял голову, посмотрел на неё. Её лицо было спокойным, умиротворённым. На нём не было ни триумфа, ни собственничества. Было принятие.

В этот момент я понял страшную вещь. Лика перестала быть активом. Она стала уязвимостью. Самой опасной из всех возможных. Потому что я больше не хотел её использовать. Я хотел... быть с ней. Просто быть. Без буфера.

И это было в миллион раз страшнее, чем гнев Славы, подозрения Вероники или ревность Алисы. Потому что это угрожало не моей схеме. Это угрожало мне самому. Тому, кем я стал.

Я притянул её к себе, спрятав лицо в её шею, вдыхая её чистый, простой запах. За стеклом окончательно стемнело, и океан превратился в чёрную бездну, усеянную отражениями звёзд. Мы были в самом центре рая, купленного в долг у дьявола. А я только что совершил самую большую ошибку в своей жизни.

Я позволил переменной «Лика» стать константой. И отныне все мои расчёты были неверны.

Глава 17

Глава 16. Нарушение протокола

Возвращение с Мальдив было похоже на резкий переход из цветного кино в чёрно-белое и с треснувшим экраном. Солнце, запах соли и тишина сменились промозглым ветром, рёвом самолётов и настойчивой вибрацией телефона, в котором копились сообщения.

Первым делом я отвёз Лику к общежитию. Она молчала всю дорогу, держа свой рюкзак на коленях. У подъезда она повернулась ко мне, её лицо в свете уличного фонаря было бледным и серьёзным.

— Спасибо, — сказала она просто.

— Это я должен благодарить, — ответил я, и снова почувствовал ту же опасную искренность, что и на острове.

— Мирон... что теперь?

— Теперь — работа, — сказал я, и голос мой снова приобрёл привычные, деловые нотки. Я видел, как она вздрогнула от этого тона. — Надо доделывать проект. И по другим фронтам... есть вопросы.

Она кивнула, безмолвно приняв новые правила. Но в её глазах остался вопрос, который теперь висел между нами — тяжёлый, невысказанный.

Как только её дверь закрылась, я достал второй телефон. Голосовые от Вероники (три), сообщения от Полины («Слава спрашивает про художника, где отчёт?»), служебное смс от Завьялова-старшего с напоминанием о встрече через неделю. И одно — от Алисы: «Скучаю. Приезжай, когда вернёшься из своей «командировки». Папа хочет промежуточные результаты».

Я выругался про себя. «Командировка». Значит, Лика всё-таки что-то сказала или Алиса сама что-то выяснила. Риски множились.

Первым делом нужно было утрясти ситуацию со Славой. Я написал Полине: «Художник в глубоком творческом процессе. Новые работы шокируют. Фото и отчёт будут к концу недели. Успокой Славу, скажи, что задержка — знак качества». Затем позвонил Веронике.

— Наконец-то, — её голос был как напильник. — Я начала думать, ты уплыл на необитаемый остров.

— Почти, — пробормотал я. — В чём вопросы?

— В твоём «кейсе». Договор купли-продажи я составила. Всё чисто. Но есть нюанс. Чтобы в будущем обосновать резкий рост стоимости, нужна история. Выставки, публикации. Где они? И где, собственно, сам предмет искусства? Мне нужно его осмотреть, сфотографировать для приложения к документам.

— Он в мастерской художника. Доступ ограничен.

— Тогда организуй доступ. Или привези его ко мне. Иначе вся конструкция висит в воздухе. И, Мирон, — она понизила голос, — откуда деньги на оплату моих услуг? Пока что я работаю в долг. Мне это не нравится.

Деньги. Вечный вопрос. Триста тысяч с Мальдив таяли на глазах. Часть ушла на саму поездку, часть нужно было отдать Полине за её молчание и «работу со Славой». Веронике тоже нужно было платить. И скоро придётся показывать Завьялову хоть что-то осязаемое.

Вечером я поехал к Алисе. Это был необходимый визит для галочки и для разведки. Она встретила меня в дверях в том самом шёлковом халате, но на этот раз её объятия были цепкими, а поцелуй — требовательным, с оттенком проверки.

— Где ты был? — спросила она, отстраняясь и глядя мне в глаза. — Папа звонил в лабораторию. Тебя не было три дня.

— Искал инвестора для проекта, — солгал я, снимая куртку. — Встречался с людьми в другом городе. Сложные переговоры. Без гарантий результата не хотел тебя обнадёживать.

Она повела меня на кухню, где был накрыт ужин при свечах. Театр. Но в её жестах была нервозность.

— А с кем ты летал? — спросила она неожиданно, наливая вино. — Катя с филфака видела тебя в аэропорту. Говорит, ты был не один.

Лёд в стакане звякнул о хрусталь. Катя. Проклятые свидетельницы.

— С коллегой по проекту. Техническим специалистом. Нужно было обсудить архитектуру на нейтральной территории, без отвлекающих факторов. Ты же понимаешь, какая ответственность.

— Коллегой? — она протянула слово. — Молодой? Привлекательной?

— Гениальной, — поправил я, делая глоток вина. — И абсолютно неинтересной в том смысле, о котором ты думаешь. Она видит в мире только код. Алис, давай не будем. У меня голова разрывается от работы, а ты с расспросами.

Я встал, подошёл к ней сзади, обнял за талию, прижался губами к её шее. Старый, проверенный приём — перевести разговор в физическую плоскость. Но на этот раз она напряглась.

— Мирон, я не дура. Ты... ты стал какой-то другой. Отстранённый.

В её голосе прозвучала настоящая боль. И страх. Страх потерять контроль. Страх потерять меня. Этим можно было сыграть.

Я развернул её к себе, прижал к краю стола. Свечи отбрасывали трепетные тени на её лицо.

— Я устал, Алиса. Я не сплю ночами, чтобы сделать этот проект, чтобы оправдать доверие твоего отца. Чтобы мы могли быть вместе без оглядки на него. А ты допрашиваешь меня про какого-то технаря в аэропорту. Ты мне помогаешь или мешаешь?

Глаза её наполнились слезами. Она качнула головой.

— Помогаю... Прости. Просто я так переживаю.

Я поцеловал её. Жёстко, почти болезненно. Это был поцелуй не страсти, а наказания и утверждения власти. Она ответила с жадностью загнанного зверя. Её руки рванули на себе пояс халата, обнажая тело. Она нуждалась не в ласке, а в подтверждении, что она всё ещё моя. Что я всё ещё её.

Я взял её прямо там, на кухонном столе. Фарфор звякнул, упала солонка. Это было быстро, грубо, без каких-либо намёков на нежность. Она кричала, впиваясь ногтями мне в спину, её ноги обвились вокруг меня с силой отчаяния. Я закрыл глаза, пытаюсь отключиться, но вместо темноты передо мной всплыло другое лицо. Ликино. Спокойное, удивлённое, честное. Контраст был настолько мучительным, что я чуть не потерял ритм.

Когда всё кончилось, она лежала на столе, вся взъерошенная, с подтёками туши по щекам, тяжело дыша. Я отошёл, поправил одежду. Мне было противно. Противно от себя, от неё, от этой грязной пародии на близость.

— Любишь меня? — прошептала она срывающимся голосом.

— Конечно, — автоматически ответил я, глядя в тёмное окно, где отражалась наша искажённая картина.

Остаток вечера я провёл, показывая ей на ноутбуке бессмысленные графики, которые она не понимала, но кивала, успокоенная самим фактом моего присутствия и «работы над общим будущим». Когда её отец вернулся, я отчитался о «прогностическом» сухими, деловыми фразами. Он кивал, его взгляд был непроницаем. Я чувствовал, что он мне не верит. Но пока что ему было выгодно делать вид, что верит.

Поздно ночью я уезжал. Алиса, уже в постели, сонно прошептала: «Не исчезай больше, пожалуйста».

На улице я сел в машину, но не завёл мотор. Дрожь, которую я сдерживал весь вечер, вырвалась наружу. Я ударил кулаком по рулю. Один раз, другой. Боль в костяшках была тупой и ясной. Чёткой, как код Лики.

Я включил телефон. Написал ей. Не думая.

«Ты спишь?»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Нет. Переменная «эмоция» вносит помехи в логику. Трудно.»

Я улыбнулся, и это было горько и сладко одновременно.

«Это не помеха. Это... новая версия прошивки.»

«Требуется много ресурсов.»

«Стоит того.»

Я сидел в темноте, глядя на этот короткий, странный диалог. В нём было больше правды, чем во всех моих разговорах за последний год. И эта правда была как щель в броне. Через неё в мой железный мир проникал свет. И ветер. И боль.

Но сдаваться было нельзя. Слишком много было поставлено на кон. Слава, Завьялов, Полина, Марина, Вероника... Все они были шестерёнками в механизме, который я запустил. И если я остановлюсь, механизм раздавит меня первого.

Нужно было двигаться вперёд. Закрепить успех со Славой через Веронику и Полину. Утереть нос Завьялову каким-то осязаемым результатом. И как-то жить с тем, что в моей идеальной, расчётливой вселенной появилась новая планета — хрупкая, непредсказуемая и самая настоящая из всех. Планета по имени Лика. И гравитация от неё угрожала сместить все орбиты.

Я завёл машину и поехал в свою пустую однушку. По дороге мозг, уже на автомате, строил планы, просчитывал риски. Но в самом центре расчётов теперь зияла дыра. Чёрная дыра, которая притягивала все мысли. И имя ей было не страх, не жадность, не амбиция. А нечто куда более опасное. Нечто, против чего у меня не было протокола.

Глава 18

Глава 17. Точка отсчета

Неделя после возвращения с Мальдив превратилась в адскую гонку. Я метался между лабораторией (где Лика, избегая моего взгляда, молча колдовала над кодом), мастерской Артёма (где пришлось срочно организовывать фотосессию для Вероники), встречами с Полиной (которая требовала денег за «информационное сопровождение») и обязательными визитами к Алисе (которая с каждым разом становилась всё навязчивее, её ревность пульсировала в воздухе, как оголённый провод).

Сегодня предстояло невозможное: одновременно задобрить Славу, успокоить Веронику и выкроить время для отчёта Завьялову. И где-то в этом расписании нужно было найти минуту, чтобы просто вдохнуть.

Я встретился с Вероникой в её любимом кафе на набережной. Место было открытое, ветреное, но она любила сидеть здесь с ноутбуком, наблюдая за людьми. «Это помогает анализировать поведенческие паттерны», — объясняла она.

Когда я подошёл, она уже пила свой американо. Перед ней лежала плотная папка.

— Документы готовы, — сказала она вместо приветствия. — Договор купли-продажи, акт приёма-передачи, справка об оценке. Всё с датами, всё с подписями. Твой художник подписал?

Я кивнул, садясь напротив. Артём подписал не глядя — ему было всё равно, он витал в облаках своих абстракций.

— Отлично. Теперь — самое сложное, — она открыла ноутбук, развернула его ко мне. — Чтобы обосновать рост цены до полутора миллионов через полгода, нужна доказательная база. Я набросала план: три публикации в арт-изданиях, участие в двух выставках, одна персональная — в галерее Марины. И главное — аукцион. Не обязательно реальная продажа, достаточно, чтобы работа была выставлена с эстимейтом от миллиона.

— Это стоит денег, — сказал я.

— Это стоит очень больших денег, — поправила она. — Откуда они?

Вопрос повис в воздухе. Я молчал, просчитывая варианты. Слава дал только на «Мальдивы», остальное нужно было искать где-то ещё. Полина могла бы вложиться, но её процент от схемы ещё не реализован. Марина... отец всё ещё держал паузу.

— Я работаю над этим, — выдал я.

— Работай быстрее, — жёстко сказала Вероника. — И ещё. Я хочу познакомиться с этим... художником. Лично. Моя подпись стоит под документами. Я должна знать, что он адекватен и не сбежит завтра с деньгами.

— Это можно устроить.

— Сегодня.

— Вероника, сегодня физически не...

— Сегодня, Мирон, — перебила она, и в её глазах загорелся опасный огонь. — Или я выхожу из игры. Риски становятся слишком высоки для «гипотетического» кейса.

Я сжал зубы. Она была права. И она была опасна. Но без неё вся схема разваливалась.

— Хорошо. В шесть в мастерской. Я скину адрес.

Она кивнула, закрыла ноутбук и ушла, даже не попрощавшись. Её кофе остался недопитым.

Следующим в списке был Слава. Он назначил встречу в том же полуподвале. На этот раз без телохранителя, но с бутылкой хорошего виски и двумя стаканами.

— Садись, — кивнул он на кожаный диван. — Рассказывай, как там мой художник на курорте.

Я внутренне сжался, но внешне остался спокоен. Достал телефон, показал фотографии с Мальдив — те, где Лика снимала закаты и Артём (которого, конечно, не было) якобы делал наброски. Слава внимательно изучал снимки, увеличивая пальцами детали.

— А где он сам? — спросил он, вглядываясь в пустой пейзаж.

— В кадр не попал. Он работал. Творческий процесс, знаешь... не любит, когда снимают.

— А это кто? — его толстый палец ткнул в фигурку Лики, сидящую на краю платформы.

— Ассистентка. Помогает с цифровой обработкой эскизов.

Слава откинулся на диван, налил виски в стаканы. Один подвинул мне.

— Пей. Расслабься. Ты как струна.

Я взял стакан, сделал глоток. Виски обжёг горло.

— Слушай, Мирон, — вдруг сказал он, и его тон изменился. Стал проще, даже доверительнее. — Я ведь тоже молодым был. Тоже хотел всё и сразу. Тоже придумывал схемы. Но я всегда знал одно правило: не ври тем, кто тебе платит. Потому что рано или поздно правда вылезает. И тогда — прощай, доверие. А без доверия бизнеса нет.

У меня пересохло во рту. Он знал. Или догадывался.

— Я не вру, Слава.

— Не врѐшь? — он усмехнулся, но усмешка была беззлобной. — Ладно. Посмотрим. Через полгода, когда моя железка уйдѐт за полтора лимона. Тогда и поговорим. А пока... — он поднял стакан. — За успех. Твоего... предприятия.

Мы чокнулись. Я выпил до дна, чувствуя, как алкоголь смешивается с адреналином в опасный коктейль. Этот человек был умнее, чем я думал. И опаснее.

Из полуподвала я вышел уже в сумерках. Голова гудела. Впереди была мастерская Артёма, встреча Вероники с художником, а потом — бессонная ночь перед отчётом Завьялову. Я сел в машину и поехал в промзону.

Мастерская Артёма находилась в бывшем цехе завода. Огромное пространство с высокими потолками, заставленное металлическими конструкциями, сварными аппаратами и странными скульптурами из ржавого железа и стекла. Сам Артём, долговязый парень с вечно перепачканными маслом руками и отсутствующим взглядом, встретил нас с Вероникой на пороге.

— Вы кто? — спросил он, глядя сквозь Веронику.

— Я твой ангел-хранитель, — сухо ответила она, проходя внутрь и оглядываясь. — И твой юрист. Покажи, что тут у тебя.

Артём пожал плечами и повѐл её к своим работам. Я остался у входа, наблюдая. Вероника ходила между скульптурами, иногда касалась их, задавала короткие, точные вопросы. Артём отвечал односложно, но постепенно в его глазах появлялся интерес — она говорила на его языке, языке форм и материалов.

Через полчаса осмотра она вернулась ко мне.

— Он гений, — сказала она тихо, чтобы Артём не слышал. — Но абсолютно непригодный к жизни. Если мы не будем его контролировать, его сожрут. Или он сопьѐтся. Или то и другое.

— Поэтому мы здесь, — ответил я.

— Поэтому, — кивнула она. — Ладно. С документами всё чисто. Я еду домой. У меня экзамен завтра.

У выхода она остановилась и обернулась.

— Мирон. Ты в очень опасной игре. Я пока в ней участвую, потому что мне интересно. Но если интерес перейдѐт в страх — я выйду. Мгновенно. И заберу все документы. Ты понял?

— Понял, — кивнул я.

Она ушла, оставив после себя запах мятной жвачки и холодной решимости.

Я вернулся к Артёму. Он сидел на полу, скрестив ноги, и смотрел на свою новую работу — огромную конструкцию из переплетённых металлических труб, напоминающую нервную систему.

— Крутая девка, — сказал он неожиданно. — Умная. Страшная.

— Она юрист.

— Тем более страшная. Слушай, Мирон, мне плевать на все ваши игры. Я хочу работать. Мне нужно железо, электроды и чтобы никто не лез в голову. Вы даёте мне это. Я делаю то, что вы просите. Договорились?

— Договорились, — сказал я и вдруг почувствовал что-то похожее на уважение к этому безумному, закопчённому парню. Он был единственным честным человеком во всей этой истории.

Поздно ночью я приехал в лабораторию. Лика была там одна. Сидела, свернувшись калачиком на продавленном диване, её ноутбук тускло светился на столе. Она спала. Лицо её во сне было беззащитным, губы чуть приоткрыты.

Я сел рядом, просто глядя на неё. В груди разрасталась странная, тянущая боль. Я хотел прикоснуться к ней, погладить по волосам, но не позволил себе. Я не имел права. Не после всего, что сделал сегодня. Не после лжи Славе, манипуляций Вероникой, спектакля с Алисой. Я был слишком грязным для неё.

Она вздрогнула, открыла глаза. Увидела меня, и на её лице появилась та самая улыбка — тихая, настоящая.

— Ты пришёл.

— Пришёл.

— Трудно было?

— Очень.

— А сейчас?

— Сейчас... легче.

Она протянула руку, взяла меня за пальцы. Её ладонь была тёплой и сухой. Мы сидели так, в тишине лаборатории, среди компьютеров и распечаток кода, и это было больше, чем любые слова.

— Я боюсь, — вдруг сказала она.

— Чего?

— Что однажды ты не вернёшься. Что твоя сеть... она слишком сложная. И в ней можно запутаться. Навсегда.

Я не нашёл, что ответить. Потому что она была права.

Глава 19

Глава 18. Чужая постель

Утро после ночи в лаборатории было серым и липким, как недожаренный блин. Лика спала, уткнувшись носом в моё плечо, её дыхание было ровным и тихим. Я смотрел в потолок и пытался понять, как оказался в этом положении — между двух огней, между двух жизней, между двух женщин, каждая из которых требовала своего.

Телефон завибрировал. Сообщение от Алисы: «Папа ждёт тебя сегодня в шесть. Будь вовремя. И захвати отчёт. Я соскучилась. Очень».

Последние два слова были подчёркнуты поцелуйчиком в эмодзи. Меня передёрнуло.

Я осторожно высвободил руку из-под головы Лики. Она что-то пробормотала во сне, перевернулась на другой бок. Я натянул на неё плед, поцеловал в макушку и вышел, стараясь не хлопнуть дверью.

День пролетел в тумане встреч и переговоров. Заехал к Артёму — убедиться, что он не спалил мастерскую и не ушёл в запой. Встретился с Полиной в кофейне — она светилась от счастья, потому что её тик-ток с анонсом будущей выставки собрал два миллиона просмотров. «Мы взорвём этот рынок, Мирон! Ты гений!» Она чмокнула меня в щёку и убежала на съёмки, даже не спросив, как у меня дела.

К пяти вечера я уже сидел в машине у дома Завьяловых, перебирая бумаги в папке. Отчёт был липой. Красивой, убедительной липой, которую Лика собрала из обрезков кода и красивых графиков. Реального прогресса не было и в помине. Но Завьялов-старший должен был поверить. Должен был дать ещё время.

Алиса открыла дверь. На ней было короткое чёрное платье, волосы распущены, макияж безупречен. Она выглядела как женщина, которая приготовила сюрприз. И этот сюрприз явно был не во мне.

— Проходи, — сказала она, и в её голосе звучала странная, натянутая весёлость. — Папа задерживается. У него важная встреча. Будет через час. Мы пока... пообщаемся.

Она повела меня не в кабинет, а в гостиную. На журнальном столике стояло открытое шампанское, две тарелки с закусками и... раскрытый ноутбук. На экране застыла фотография. Моя фотография. С Мальдив. Я и Лика на фоне заката, сидим на краю платформы, почти касаясь друг друга плечами.

Кровь застыла в жилах.

— Кто это, Мирон? — спросила Алиса, и в её голосе не было истерики. Только ледяное спокойствие. Это было страшнее любых слёз.

— Откуда это у тебя? — спросил я, понимая, что ответа на этот вопрос у меня нет.

— Неважно. Отвечай. Кто эта девушка? И почему вы вместе на Мальдивах, куда ты, по твоим словам, ездил в «командировку» с «техническим специалистом»?

Я молчал. Мозг лихорадочно искал выход. Отрицать? Бесполезно — фотография не оставляла сомнений. Врать про «рабочую встречу»? Слишком натянуто. Признаться в измене? Это означало конец всему — проекту, доверию её отца, стипендии, будущему.

— Это Лика, — сказал я наконец, выбирая тактику полуправды. — Программист. Гениальный программист. Мы работаем над проектом. Поездка была... стимулом. Чтобы она быстрее закончила работу. Часть сделки.

— Стимулом? — Алиса рассмеялась, и смех был колючим, как битое стекло. — Ты возишь свою «программистку» на Мальдивы за мой счёт? Вернее, за счёт моего отца, кото-

рый дал тебе грант на разработку? Ты тратишь деньги стипендии на романтические уикенды с ботаничкой из общаги?

— Это не романтический уикенд. Это...

— Заткнись! — крикнула она, и в её глазах наконец появились слёзы. — Ты думаешь, я идиотка? Ты думаешь, я не вижу, как ты изменился? Как смотришь сквозь меня? Как отвечаешь односложно? Я всё терпела. Твою вечную занятость, твои тайны, твои внезапные отъезды. Я думала — ну работа, ну проект, ну будущее. А ты... ты просто трахал её на деньги, которые мы тебе дали!

Она схватила со стола бокал с шампанским и швырнула в стену. Стекло разлетелось с оглушительным звоном. Я не шелохнулся.

— Алиса, успокойся.

— Не смей мне говорить «успокойся»! — она была в истерике, её трясло. — Я люблю тебя, идиотка! Я папе врал, что ты гений, что ты лучший! Я продвигала тебя, открывала двери, терпела твоё дерьмо! А ты... ты...

Она замолчала, потому что в прихожей хлопнула дверь. Шаги. Тяжёлые, уверенные. Игорь Сергеевич. Вот чёрт.

Он вошёл в гостиную и замер, увидев разбитый бокал, искажённое лицо дочери и меня — неподвижного, с папкой в руках.

— Что здесь происходит? — спросил он тихо. Слишком тихо. Это был голос человека, привыкшего к абсолютной власти.

— Папа... — Алиса бросилась к нему, уткнулась лицом в его пиджак. — Он... он обманывал нас. Он брал деньги... на неё... на какую-то девушку... возил на Мальдивы...

Игорь Сергеевич медленно перевёл взгляд на меня. В его глазах не было гнева. Только холодное, изучающее презрение. Как будто он смотрел на бракованный товар, который по ошибке занесли в его дом.

— Это правда? — спросил он.

— Частично, — ответил я, понимая, что игра проиграна, но привычка держать лицо ещё работала. — Я брал деньги на поездку. Но не у вас. У частного инвестора. На развитие проекта. Девушка — часть команды. Алиса неправильно интерпретирует ситуацию.

— Не ври! — закричала Алиса, отрываясь от отца. — Я видела, как ты на неё смотришь! Я чувствую! Ты с ней спал, да? На том же острове, где мы могли бы быть вместе?!

— Алиса, выйди, — сказал Игорь Сергеевич, не глядя на дочь.

— Папа!

— Выйди. Я сказал.

Она выбежала, рыдая в голос. Мы остались вдвоём. Тишина в комнате была плотной, как вата. Я слышал, как тикают напольные часы в углу.

— Садитесь, Мирон, — он указал на кресло. Сам сел напротив. Достал сигару, не спеша обрезал, раскурил. Выпустил облако дыма в потолок. — Я сразу понял, что вы не так просты, как кажетесь. Такая холодная расчётливость в вашем возрасте — это либо гениальность, либо патология. Я склонялся к первому. Теперь вижу — ко второму.

Я молчал. Возражать было бессмысленно.

— Вы использовали мою дочь, — продолжил он. — Использовали меня. Ваш проект — пустышка. Я проверил. Там нет ничего, кроме красивого кода, который написала та самая девушка из общежития. Вы — мошенник, Мирон. Просто пока не пойманный за руку.

— Я верну деньги, — сказал я, и это было единственное, что пришло в голову.

— Какие деньги? — он усмехнулся. — Грант — это не деньги. Это репутация. А репутация не возвращается. Я позвоню в комиссию сегодня же. Ваша стипендия аннулирована.

Доступ в лабораторию закрыт. Отчётность — фальсификация. Это тянет на исключение, Мирон. Как минимум.

Он встал. Подошёл к окну, глядя на вечерний город.

— У вас есть два варианта. Первый — я звоню в полицию, и вы объясняете, откуда у вас деньги на Мальдивы, если вы не работаете и не имеете доходов. Второй — вы исчезаете. Из жизни моей дочери, из университета, из этого города. Добровольно. Сегодня же. Я даю вам сутки. Завтра в это время чтобы вас здесь не было. Иначе — полиция, суд, срок. Выбор за вами.

Я смотрел на его широкую спину, обтянутую дорогим пиджаком. Внутри всё клокотало — от ярости, от страха, от ощущения полного краха. Но внешне я оставался спокоен. Это было единственное, что у меня оставалось.

— Я уеду, — сказал я, поднимаясь. — Но не потому, что вы меня напугали. А потому, что здесь мне больше нечего делать.

Я положил папку с отчётом на журнальный столик. Повернулся и пошёл к выходу. В прихожей на меня налетела Алиса. Её лицо было опухшим от слёз, но в глазах горела ненависть.

— Ты... ты просто использовал меня! — выкрикнула она.

— Да, — ответил я. — Использовал. Как и ты хотела использовать меня, чтобы доказать отцу, что можешь выбрать «правильного» парня. Мы оба играли, Алиса. Просто я играл лучше.

Она замахнулась, чтобы ударить, но я перехватил её руку.

— Прощай, — сказал я и вышел, хлопнув дверью.

На улице я сел в машину и просто сидел, глядя в одну точку. Руки дрожали. Всё, что я строил годами, рухнуло за один вечер. Университет, стипендия, доступ к лаборатории — всё потеряно. Завьялов уничтожит меня, если я останусь. А если уеду — что тогда? Куда? Зачем?

Телефон завибрировал. Сообщение от Лики: «Ты где? Я закончила новую версию кода. Приедешь посмотреть?»

Я смотрел на экран, и внутри что-то сжалось. Она. Единственное, что было настоящим во всей этой фальшивой жизни. Но могу ли я взять её с собой в это падение? Имею ли право?

Я завёл мотор и поехал. Не к ней. Сначала нужно было понять, сколько у меня времени. И что я могу спасти из обломков своей империи.

Процессор в голове, игнорируя эмоциональный коллапс, выдавал холодные расчёты: Активы: Алиса — потерян. Университет — потерян. Завьялов — враг. Слава — под вопросом, узнает ли? Полина — нейтральна, возможно, сохранится как канал. Марина — не в курсе, можно попробовать переориентировать. Вероника — опасна, знает слишком много. Лика... Лика — единственная, кто ничего не требует. И единственная, кого я не хочу терять.»

Я нажал на газ. Время утекало сквозь пальцы, как песок. Завтра в это время меня здесь не должно быть. Вопрос только — куда я поеду и кто поедет со мной.

Глава 20

Глава 19. Разрыв шаблона

Я не помню, как доехал до общежития. Ноги сами вынесли меня к знакомой двери с облупившейся краской и цифрой «309». Рука замерла в сантиметре от звонка. Что я ей скажу? «Привет, я всё просрал, давай сваливать в закат»? Или: «Ты была права, я запутался в собственной паутине, прости»?

Дверь открылась раньше, чем я успел позвонить. Лика стояла на пороге в своей огромной футболке, с мокрыми после душа волосами. Она смотрела на меня, и в её глазах не было удивления. Только тихое, спокойное ожидание.

— Ты в порядке? — спросила она просто.

И этот вопрос сломал меня сильнее, чем угрозы Завьялова, истерика Алисы и все мои страхи вместе взятые.

— Нет, — выдохнул я, и голос предательски дрогнул.

Она взяла меня за руку и втащила внутрь. Заперла дверь. Повернулась и просто обняла. Крепко, по-детски, уткнувшись носом мне в грудь. Я стоял, как истукан, а потом мои руки сами обвили её хрупкие плечи, и я прижал её к себе так, будто она была единственным, что удерживало меня от падения в бездну.

— Всё плохо, — сказал я в её макушку. — Всё очень плохо.

— Я знаю, — ответила она. — Ты пахнешь страхом и чужими духами. И злостью. Очень много злости.

Она отстранилась, взяла меня за руку и повела к своей кровати — узкой, продавленной, с армейским одеялом. Усадила рядом. Села напротив, поджав под себя ноги, и уставилась на меня своими огромными глазами. Ждала.

— Алиса узнала про Мальдивы, — начал я. — Фотография. Кто-то скинул. Её отец — декан — только что вышвырнул меня из дома. Университет — конец. Стипендия — конец. Он дал мне сутки, чтобы убраться из города. Иначе — полиция, суд, срок за мошенничество.

Я говорил, а она слушала. Не перебивала, не ахала, не задавала вопросов. Просто смотрела и слушала. Когда я закончил, повисла тишина. Я слышал, как за стеной играет музыка у соседей, как капает вода в раковине, как стучит моё собственное сердце.

— Что ты будешь делать? — спросила она наконец.

— Не знаю, — честно ответил я. — Бежать? Остаться и воевать? У меня нет плана. Впервые в жизни у меня нет плана.

Она протянула руку и коснулась моего лица. Её пальцы были прохладными и мягкими.

— А чего ты хочешь? Не головой, а вот здесь, — она прижала ладонь к моей груди, туда, где бешено колотилось сердце. — Чего ты хочешь на самом деле?

Я закрыл глаза. Вопрос, который я никогда себе не задавал. Я всегда думал о том, что нужно, что выгодно, что безопасно. Но не о том, чего я хочу.

— Тебя, — вырвалось раньше, чем я успел подумать. — Я хочу, чтобы ты была рядом. Чтобы мы уехали отсюда вместе. Начать всё сначала. Без лжи, без схем, без всего этого дерьма.

Она молчала так долго, что я открыл глаза. Она смотрела на меня, и по её щекам текли слёзы. Она плакала беззвучно, не вытирая их.

— Ты правда этого хочешь? — прошептала она. — Или это просто паника, страх одиночества, попытка удержать последний актив?

Её слова резанули, как ножом. «Последний актив». Она знала. Она всегда знала, кем я её считал. И всё равно была рядом.

— Нет, — сказал я твёрдо. — Не актив. Я не знаю, как это назвать. Я никогда раньше такого не чувствовал. Но когда я с тобой, я перестаю быть тем Мироном, который всех прощает. Я становлюсь... собой. Тем, кого я сам не знал.

Она всхлипнула и вдруг рассмеялась сквозь слёзы.

— Ты такой дурак, Мирон Воронов. Такой сложный, умный, хитрый дурак. Ты строил империю на песке, а настоящее сокровище лежало под ногами, и ты даже не замечал.

Она подалась вперёд и поцеловала меня. Не робко, как в первую ночь на Мальдивах, а жарко, требовательно, отчаянно. Её губы были солёными от слёз, её руки вцепились в мои волосы, притягивая ближе. Я ответил, забыв обо всём — об угрозах, о бегстве, о будущем. Был только этот миг, только она, только её дыхание, её вкус, её тепло.

Мы упали на узкую кровать, сплетаясь в единый клубок. Я стянул с неё футболку, она растегнула мою рубашку. Её кожа под моими пальцами была горячей, дрожащей. Она выгибалась навстречу, шептала моё имя, и это звучало как молитва.

— Мирон... Мирон... не оставляй меня, — прошептала она, когда я вошёл в неё.

— Никогда, — ответил я, и это была не ложь. Впервые — не ложь.

Мы двигались в унисон, без спешки, без расчёта, просто чувствуя друг друга. Её тихие стоны, её пальцы, впивающиеся в мои плечи, её глаза, широко открытые и полные такого доверия, от которого у меня перехватывало дыхание. Это было не соревнование, не спектакль, не сделка. Это было просто — мы. Два человека, нашедших друг друга в кромешной тьме.

Когда всё закончилось, мы лежали, тесно прижавшись друг к другу. Её голова покоилась у меня на груди, мои пальцы перебирали её влажные волосы. Тишина была наполнена чем-то новым. Чем-то, что я не мог идентифицировать, но что заполняло пустоту внутри, которую я всегда носил с собой.

— Я поеду с тобой, — вдруг сказала она.

— Что?

— Куда бы ты ни решил ехать. Я поеду с тобой. У меня нет здесь никого, кроме тебя. И код я могу писать где угодно.

Я приподнялся на локте, глядя на неё. В её лице не было сомнений. Только спокойная, твёрдая решимость.

— Лика, это опасно. У меня нет денег, нет плана, нет ничего. Меня могут посадить.

— Значит, будем сидеть вместе, — она пожала плечами. — У меня есть ноутбук. В тюрьмах, кажется, нужны программисты.

Я рассмеялся — впервые за этот бесконечный, кошмарный день. Она улыбнулась в ответ, и в её улыбке было столько света, что я на секунду ослеп.

В этот момент в дверь громко постучали. Мы замерли. Стук повторился — требовательный, тяжёлый.

— Лика, открой! Я знаю, что он у тебя! — это был голос Алисы. Истеричный, звенящий от ненависти.

Я вскочил, лихорадочно натягивая одежду. Лика осталась сидеть на кровати, накиннув на себя простыню. Её лицо было бледным, но спокойным.

— Не открывай, — прошептал я.

— Надо открыть, — так же тихо ответила она. — Иначе она выломает дверь и устроит скандал на всё общежитие. Ты этого хочешь?

Я выругался сквозь зубы. Она была права. Я кивнул. Лика встала, набросила халат и пошла к двери.

Как только замок щёлкнул, Алиса ворвалась внутрь, как фурия. Её глаза сразу нашли меня, потом переметнулись на Лику, на сбитую постель, на разбросанную одежду. Её лицо исказилось.

— Тварь! — закричала она и бросилась на Лику с поднятой рукой.

Я перехватил её на полпути, схватив за запястье.

— Алиса, прекрати!

— Пусти! — она вырывалась, пытаясь достать Лику ногтями. — Это из-за неё! Из-за этой нищей дряни! Ты бросил меня ради неё?!

Лица стояла неподвижно, глядя на Алису без страха. Только с каким-то странным, изучающим интересом, как будто наблюдала за редким, но предсказуемым багом в программе.

— Посмотри на себя, — тихо сказала Лица. — Красивая, богатая, папина дочка. У тебя было всё. А ты пришла сюда, в мою нищую комнату, чтобы подраться с девушкой за парня, который тебя не любит. Ты правда считаешь это победой?

Алиса замерла, поражённая этим спокойствием. Её рука в моей хватке дрожала.

— Заткнись! — выкрикнула она. — Ты ничего не знаешь!

— Я знаю код, — сказала Лица. — А в коде всё просто. Если программа не работает — её переписывают. Ты пытаешься запустить старую версию в новой среде. Это бесполезно.

— Что она несёт? — Алиса повернулась ко мне, и в её глазах плескалось безумие. — Мирон, скажи ей! Скажи, что я для тебя значу!

Я посмотрел на неё. На её искажённое ревностью лицо, на её дорогую одежду, на её сломанные ногти, которыми она пыталась расцарапать Лику. И вдруг я увидел её такой, какая она была на самом деле — не актив, не инструмент, а просто несчастная, запутавшаяся девушка, которую я использовал и выбросил.

— Ты для меня ничего не значишь, Алиса, — сказал я спокойно. — Прости. Так сложилось.

Она замерла, как будто я ударил её. Потом её лицо сморщилось, и она закричала — дико, нечеловечески, на одной ноте. Вырвала руку и выбежала в коридор, хлопнув дверью так, что штукатурка посыпалась с косяка.

Наступила тишина. Лица подошла ко мне, взяла за руку.

— Это было жестоко, — сказала она.

— Это было честно. Впервые в жизни.

Она кивнула, прижалась ко мне. Мы стояли посреди её убогой комнаты, среди распечаток кода и чайных кружек, и я чувствовал, как рушатся последние стены, которые я строил годами. Всё, что осталось — это она. И неизвестность впереди.

Телефон завибрировал. Сообщение от Славы: «Молодой, ты там живой? Слышал, у тебя проблемы. Завтра в девять в нашем месте. Поговорим. Один приходи».

Я посмотрел на экран, потом на Лику.

— Ещё один разговор. Самый важный.

— Я с тобой, — сказала она.

— Нет. Это мои долги. Мои игры. Ты подождёшь здесь.

Она хотела возразить, но я приложил палец к её губам.

— Пожалуйста. В первый и последний раз я прошу тебя — доверься мне. Я должен закончить это сам. А потом... потом мы уедем. Вместе. Навсегда.

Она молча кивнула, и в её глазах стояли слёзы. Но это были уже не слёзы страха. Это были слёзы надежды.

Я оделся и вышел в ночь. Город встречал меня холодным ветром и запахом гари. Где-то горели мосты. Но где-то впереди теплился огонёк — маленький, хрупкий, но настоящий. И я шёл к нему, оставляя за спиной руины своей идеальной империи.

Глава 21

Глава 20. Человек системы

Ночь после ухода от Лики я провел в машине. Не мог вернуться в свою пустую однушку — там каждый угол кричал о фальши, которую я строил годами. Не мог остаться у нее — слишком велик был риск, что Алиса вернется с подмогой или, что хуже, с отцом и полицией.

Я сидел в темном салоне Audi, припаркованной в тупике у промзоны, и смотрел, как занимается рассвет. Грязно-серое небо над бывшим заводом напоминало старый матрас — в пятнах и разводах. Идеальная метафора моей жизни.

Телефон лежал на соседнем сиденье. За ночь пришло семнадцать сообщений. От Полины: «Чё за херня, Мирон? Алиса мне пишет, что ты мошенник и ее бросил. Ты в курсе, что она мне все рассказала про Мальдивы и про твою программистку?» От Марины: «Мирон, срочно свяжись со мной. Аркадий Львович хочет видеть тебя сегодня. Что происходит?» От Вероники: «До меня дошли интересные слухи. Жду объяснений. Иначе мои документы уйдут не туда». От Славы — одно, но емкое: «В девять. Не опаздывай».

Было шесть утра. До встречи со Славой оставалось три часа. Три часа, чтобы решить, жить мне или не жить.

Я завел мотор и поехал к Марине. Это был риск — светиться в ее элитном доме после всего, что случилось. Но терять мне было уже нечего. Аркадий Львович был последним шансом на какое-то будущее в этом городе. Или последней ступенькой в пропасть.

Она открыла дверь сама. Без макияжа, в шелковом халате, с кругами под глазами. Видно, тоже не спала.

— Мирон, слава богу, — она втащила меня внутрь и сразу захлопнула дверь. — Ты в курсе, что творится? Мне Алиса звонила в час ночи, орала, что ты ее кинул, что ты с какой-то программисткой из общаги... Я ничего не понимаю.

— Это долгая история, — сказал я, проходя в гостиную. — Где твой отец?

— В кабинете. Ждет тебя. Он в курсе про Славу, про художника, про схему. Кто-то ему слил информацию.

Я замер. Вероника? Полина? Алиса через отца? Неважно. Важно, что теперь Аркадий Львович, человек с серьезными связями и еще более серьезными понятиями о чести в бизнесе, знает, что я втянул его дочь в мутную историю с криминальными деньгами.

— Иди, — Марина кивнула в сторону кабинета. — Только... Мирон, будь осторожен. Папа в бешенстве.

Я вошел в кабинет без стука. Аркадий Львович сидел за массивным дубовым столом, заваленным бумагами и мониторами. Он не поднял головы, когда я вошел. Просто продолжал что-то печатать, давая мне прочувствовать всю тяжесть ожидания.

Я стоял. Минута. Две. Пять. Тишину нарушало только клацанье клавиш.

Наконец он оторвался от экрана и посмотрел на меня. Взгляд был тяжелым, как булыжник.

— Садись, — сказал он, и голос его не предвещал ничего хорошего.

Я сел в кресло напротив. Он сцепил пальцы на столе, разглядывая меня, как энтомолог редкую, но неприятную букашку.

— Значит, ты тот самый Мирон Воронов, о котором моя дочь говорила как о гении и надежде нашего арт-рынка, — начал он. — А на поверку — обычный мошенник, альфонс и аферист, который использует женщин как трамплин для своих амбиций.

Я молчал. Возражать было бессмысленно. Он говорил правду.

— Ты втянул мою дочь в схему с отмыванием денег через искусство, — продолжил он. — Ты привел к ней какого-то бандита с автомойками, который теперь, между прочим, звонил мне сегодня утром и интересовался, куда делись его триста тысяч, которые он дал тебе на «развитие художника». Ты подставил под удар репутацию моей галереи и мое имя. Ты хоть понимаешь, что я могу с тобой сделать, Мирон?

— Понимаю, — ответил я. — И не буду оправдываться. Я виноват. Перед Мариной, перед вами, перед всеми, кого втянул.

Он усмехнулся — нехорошо так, криво.

— Оправдываться бесполезно. Но ты хотя бы не ссышь. Это плюс. Многие на твоём месте уже на коленях ползали бы, слезами умывались. А ты сидишь, смотришь в глаза. За это уважаю, хоть и мало.

— Что вы хотите со мной сделать? — спросил я прямо. — Посадить? Убить? Сдать полиции?

— Посадить? — он хмыкнул. — Слишком легко. Убить? — он покачал головой. — Я не бандит, Мирон. Я бизнесмен. Бизнесмены не убивают людей. Они их используют. Или продают.

Он встал, подошел к окну. За ним просыпался город — чистый, дорогой, равнодушный.

— У меня есть связи в определенных кругах, — сказал он, не оборачиваясь. — Есть знакомые, которые ищут молодых, амбициозных, беспринципных ребят для... специфической работы. За границей. Работа грязная, опасная, но денежная. Ты бы подошел. Ты холодный, расчетливый, умеешь врать и втираться в доверие. И главное — терять тебе нечего.

Я смотрел на его широкую спину. Он предлагал мне стать наемником? Киллером? Чем-то похуже?

— Это предложение или приказ? — спросил я.

— Это бизнес, — он обернулся. — Я даю тебе шанс исчезнуть из моей жизни и жизни моей дочери, вернуть долг Славе (потому что теперь это мой долг — я покрываю твою задницу перед ним) и начать все с чистого листа. В обмен — ты работаешь на моих партнеров два года. Дальше — уходишь. Или, если захочешь, останешься в системе. Там платят хорошо. Очень хорошо.

— А если откажусь?

— Тогда я позвоню Завьялову, и вы с вашей программисткой поедете в СИЗО по совокупности: мошенничество, подлог, отмывание денег. Ей, кстати, сколько? Двадцать один? На зоне такие молоденькие долго не живут. Особенно умные.

Ледяная игла вонзилась в позвоночник. Лица. Он упомянул Лику. Это была не угроза мне — это была угроза ей. И он знал, что это сработает.

— Я согласен, — сказал я, не раздумывая.

Он кивнул, как будто другого ответа и не ждал.

— Умно. Завтра в шесть утра вылетаешь. Документы и билет будут готовы сегодня вечером. Сейчас поедешь к Славе, решишь вопрос с ним. Я дам тебе человека, который передаст деньги. Половину долга. Остальное отработаешь.

— Я поеду один.

— Человек поедет с тобой. Не для контроля — для безопасности. Слава мужик горячий, мало ли что.

Я вышел из кабинета, чувствуя, как реальность сжимается вокруг меня удавкой. Марина ждала в гостиной. Она смотрела на меня с надеждой и страхом.

— Что он сказал?

— Все хорошо, — соврал я. — Договорились. Мне нужно уехать на пару дней по делам. Вернусь — все решим.

Она обняла меня, прижалась. Я стоял столбом, не в силах ответить на объятие. Ее отец только что продал меня в рабство, а она думала, что я ее спасаю.

У подъезда меня ждал человек. Низкорослый, плотный, с лицом, которое не запоминалось. Молча кивнул и сел в мою машину на заднее сиденье. Мы поехали к Славе.

В полуподвале было накурено. Слава сидел на том же диване, с тем же виски. Увидев моего сопровождающего, он понимающе кивнул.

— Аркадий Львович уже звонил, — сказал он вместо приветствия. — Решили вопрос. Садись, выпей.

Я сел. Слава налил. Мы выпили молча.

— Ты рискованный, Мирон, — сказал он, разглядывая меня. — Я таких люблю. Жалко, что не сработались. Мог бы стать моим человеком. Но Аркадий Львович предложил лучше. Так что — бывай.

Он протянул руку. Я пожал. Его ладонь была горячей и сухой.

— Деньги я получил, — добавил он. — Вопрос закрыт. Если вернешься через два года — заходи. Если нет — значит, не судьба.

Я кивнул и вышел. Человек с не запоминающимся лицом ждал в машине. Мы поехали обратно.

По дороге я смотрел в окно на город, который покидал навсегда. На дома, в которых жили девушки, которых я использовал. На улицы, по которым ходил с видом хозяина жизни. На горизонт, за которым меня ждала неизвестность.

Оставалось одно — Лика. Я должен был сказать ей. Должен был объяснить. Должен был проститься.

Человек высадил меня у общежития. «В шесть утра у твоего дома. Не опаздывай», — сказал он и растворился в потоке машин.

Я поднялся к Лике. Открыла она сразу, как будто ждала у двери. В ее глазах застыл немой вопрос.

— Ты уезжаешь, — сказала она. Не спросила — утвердила.

— Да.

— Надолго?

— На два года. Может, больше.

— Куда?

— Не знаю. Куда пошлют.

Она молчала долго. Потом подошла и взяла меня за руку.

— Я поеду с тобой.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что это не курорт. Это работа, после которой можно не вернуться. И я не хочу, чтобы ты была в этом замешана.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах блеснули слезы.

— А я не хочу, чтобы ты исчез, — сказала она тихо. — Ты говорил, что хочешь быть со мной. Говорил, что я — единственное настоящее. Врал?

— Нет, — я притянул ее к себе, обнял, зарылся лицом в ее волосы. — Не врал. Поэтому и не беру. Я хочу, чтобы ты жила. Чтобы писала свой код. Чтобы нашла кого-то нормального, без тараканов и долгов. Чтобы была счастлива.

— А если я не хочу нормального? — прошептала она мне в грудь. — Если я хочу тебя? Со всеми тараканами?

Я не нашелся, что ответить. Мы стояли так, обнявшись, в ее тесной комнате, за стенами которой шумел чужой, равнодушный город. Время текло сквозь пальцы.

Ночью мы любили друг друга так, будто это был последний раз. Медленно, отчаянно, нежно, забывая обо всем. Ее тихие стоны, ее пальцы на моей коже, ее шепот — все это врезалось в память, как татуировка под веками. Когда мы заснули, было уже за полночь.

Я проснулся в пять. Она спала, уткнувшись носом в подушку, беззащитная и прекрасная. Я долго смотрел на нее, запоминая каждую черточку. Потом оделся, поцеловал в висок и вышел, стараясь не скрипеть дверью.

На прощание я оставил на ее столе записку. Всего три слова:

«Я вернусь. Жди».

В шесть утра самолет уносил меня в неизвестность. Город таял за иллюминатором, превращаясь в картинку из прошлой жизни. Я закрыл глаза и провалился в тяжелый, без снов, сон.

Впереди были два года ада. Но где-то там, в этой тесной комнатке с армейским одеялом, оставалась она. Моя точка опоры. Моя надежда. Моя Ли́ка.

Глава 22

Глава 21. Чужая земля

Самолет приземлился в аэропорту, название которого я даже не пытался запомнить. Какая-то страна Ближнего Востока — пески, жара, указатели на арабском и английском. Человек с незапоминающимся лицом, которого Аркадий Львович приставил ко мне, молча вел меня через терминал. Паспорт у меня был новый, с чужой фамилией и моей фотографией. Откуда они его взяли за несколько часов — я старался не думать.

В машине, которая ждала у выхода, кондиционер работал на полную, но пот все равно стекал по спине. От жары, от страха, от непонимания того, что будет дальше.

— Куда мы едем? — спросил я сопровождающего.

— В офис. Тебя представят. Дальше — не мое дело.

Офис оказался виллой на окраине города, спрятанной за высокими стенами с колючей проволокой. Охрана на входе проверила документы, обыскала меня, забрала телефон. Я вошел в прохладный холл с мраморным полом и пальмами в кадках. Везде висели камеры.

Меня провели в кабинет без окон, с тяжелой металлической дверью. За столом сидел мужчина лет сорока пяти, с сединой на висках и холодными, как у змеи, глазами. Он жевал сигару и смотрел на меня без всякого выражения.

— Садись, Мирон, — сказал он по-русски без акцента. — Или как тебя теперь зовут? Андрей? Ну, без разницы.

Я сел. Он вынул сигару изо рта, положил в пепельницу.

— Аркадий Львович много о тебе рассказывал. Умный, хитрый, беспринципный. Хорошо работаешь с людьми, особенно с женщинами. Такие кадры нам нужны.

— Кто вы? — спросил я.

— Твой новый работодатель, — усмехнулся он. — Зови меня Борис Иванович. Мы занимаемся... логистикой. Международной. Перевозим разные грузы из точки А в точку Б. Иногда грузы бывают... специфические. С ними нужен особый подход. Ты будешь заниматься документами и общением с клиентами. Твой дар убеждения пригодится.

Я молчал. Логистика. Специфические грузы. Это могло быть что угодно — от оружия до наркотиков. Или до людей.

— Первое время будешь жить здесь, в гостевом доме, — продолжил он. — Телефона нет, интернета нет, выхода в город без сопровождения нет. Вводим в курс дела. Через месяц, если не накосячишь, получишь допуск и свободу передвижения. Вопросы?

— Сколько я здесь буду?

— Два года. Как договаривались. Потом — свободен. Или, если захочешь, останешься на хороших условиях. У нас многие остаются.

Он встал, давая понять, что аудиенция окончена. На выходе меня перехватил охранник и проводил в комнату — спартанскую обстановку, кровать, стол, стул, решетка на окне. Тюрьма, только с кондиционером.

Я сел на кровать и уставился в стену. Два года. Два года взаперти, в чужой стране, без связи, без надежды. Что будет с Ликой? С моей матерью? С теми, кого я бросил?

В кармане куртки я нащупал что-то твердое. Записка. Я вытащил ее, развернул. Лика. Должно быть, сунула, пока я спал.

«Я буду ждать. Сколько нужно. Пиши код. Я расшифрую. Люблю. Л.»

Я сжал бумажку в кулаке и закрыл глаза. Сквозь решетку окна пробивался чужой, безжалостный свет пустыни. Где-то далеко, в другой жизни, осталась она. И это было единственное, что не давало мне сойти с ума.

Глава 23

Глава 22. Новые правила игры

Первая неделя на вилле превратилась в бесконечный, изматывающий день сурка. Подъем в шесть, завтрак в столовой для персонала, потом часы изучения документов в комнате без окон. Борис Иванович оказался прав — мой дар убеждения здесь действительно требовался, но совсем в ином качестве.

На восьмой день меня вызвали в главный офис. В кабинете кроме Бориса Ивановича сидели двое незнакомцев. Один — молодой, чуть старше меня, с нервными движениями и бегающими глазами. Второй — мужчина лет пятидесяти, с военной выправкой и тяжелым взглядом человека, который видел слишком много дерьма.

— Знакомьтесь, — Борис Иванович обвел рукой присутствующих. — Мирон, наш новый специалист по коммуникациям. Егор — наш логист, будет вводить тебя в курс. А это полковник Громов. Наш... скажем так, консультант по особым вопросам.

Полковник едва заметно кивнул. Егор дернулся, как от удара током.

— Садитесь, — Борис Иванович указал на стулья. — У нас проблема. Груз застрял на транзитном складе в Омане. Таможня требует документы, которых у нас нет. А груз, скажем так, не любит долгого хранения.

— Что за груз? — спросил я, понимая, что это мой первый экзамен.

— Не твоего ума дело, — отрезал полковник. — Твоя задача — съездить, договориться, чтобы выпустили. У тебя двадцать четыре часа.

— С кем договариваться?

— С начальником склада. Его зовут Ахмед аль-Хусейни. Он любит женщин, виски и деньги, в таком порядке. Ты должен предложить ему все три опции в нужной последовательности.

Я усмехнулся про себя. Старый знакомый типаж. Таких я умел обрабатывать еще в универе.

— Мне нужна информация о нем. Семья, хобби, слабости. И бюджет на... переговоры.

— Бюджет уже есть, — Борис Иванович подвинул ко мне кейс. — Здесь пятьдесят тысяч долларов. Десять — на подкуп, остальные — на... представительские расходы. Аль-Хусейни любит ночные клубы. Ты должен стать его лучшим другом на одну ночь.

— А девушка? — спросил я. — Вы сказали, он любит женщин.

Борис Иванович и полковник переглянулись.

— Девушка уже ждет в машине, — сказал полковник. — Наша лучшая. Работает на нас. Будет твоей... спутницей. Не подведи.

Через час я сидел в внедорожнике рядом с девушкой, которую представили как Жанна. Ей было около двадцати пяти, длинные черные волосы, глаза с поволокой, идеальный макияж и запах дорогого парфюма. Но под этой гламурной оболочкой чувствовалась сталь.

— Значит, ты новый мальчик Бориса? — спросила она, разглядывая меня. — Симпатичный. Долго не продержишься, если будешь так смотреть.

— Как — так?

— Как будто я не человек, а инструмент, — она усмехнулась. — Я такие взгляды знаю. У тебя самого такой же. Мы с тобой одной крови, Мирон. Только я хотя бы не вру себе.

Я промолчал. Она была права, но признавать это не хотелось.

В Оман мы прилетели частным самолетом. Аэропорт, машина, отель — все было оплачено, все работало как часы. Жанна переделалась в невероятно открытое платье и превратилась

в секс-бомбу. Я надел костюм, который мне выдали, и почувствовал себя актером в дешевом боевике.

Встреча с аль-Хусейни была назначена в ресторане при отеле. Он пришел с охраной — два здоровых амбала с автоматами наперевес. Сам Ахмед оказался толстым, лоснящимся мужчиной лет пятидесяти, с масляными глазками, которые сразу же прилипли к Жанне.

— Мистер Воронов, — он протянул мне руку, но смотрел на мою спутницу. — Какая очаровательная леди.

— Жанна, — она улыбнулась той самой улыбкой, которая, я знал, стоила мужчинам состояния. — Очень приятно.

Мы сели за стол. Заказ, вино, легкая беседа ни о чем. Ахмед пил виски как воду, но не пьянел. Глаза его оставались холодными и расчетливыми, несмотря на откровенные заигрывания с Жанной.

— Перейдем к делу, — сказал он наконец, когда принесли десерт. — Ваш груз. Он создает мне проблемы. Очень большие проблемы. Документы не в порядке. Я могу его конфисковать. Или сжечь. Или просто забыть о нем на год.

— Мы хотим решить вопрос, — сказал я, ставя на стол кейс. — Здесь десять тысяч. За беспокойство.

Ахмед усмехнулся, даже не взглянув на кейс.

— Десять тысяч? Мистер Воронов, вы меня обижаете. Этот груз стоит миллионы. Ваши хозяева заработают на нем целое состояние. А мне вы предлагаете жалкие десять тысяч?

— Это только начало, — вмешалась Жанна, наклоняясь к нему так, чтобы вырез платья стал еще глубже. — Мы можем обсудить и другие... формы благодарности.

Ахмед посмотрел на нее, и в его глазах мелькнуло что-то опасное.

— Вы предлагаете мне себя, дорогая? — спросил он. — Это лестно. Но я достаточно богат, чтобы купить любую женщину. А вот чтобы сохранить свое место и свою голову на плечах, мне нужны гарантии. Гарантии, что ваши люди не придут ко мне через месяц с новыми требованиями. Что я не окажусь крайним, если что-то пойдет не так.

Он был умен. Опасен. И с ним нельзя было работать стандартными методами.

— Гарантии будут, — сказал я, принимая решение. — Я лично останусь здесь, на складе, до момента отправки груза. Если что-то пойдет не так — вы сдадите меня. Я буду вашей страховкой.

Ахмед удивленно поднял бровь.

— Ты готов рискнуть свободой ради этого груза?

— Я готов рискнуть собой ради дела, — ответил я, и это было почти правдой. Работать на Бориса Ивановича означало, что моя свобода и так уже не принадлежит мне.

Он смотрел на меня долго, изучая. Потом кивнул.

— Хорошо. Ты остаешься. Три дня. Если за это время груз уйдет и никаких проблем не возникнет — ты свободен. Если нет... — он развел руками. — В Омане есть тюрьмы. Не самые комфортные.

— Договорились.

Жанна смотрела на меня с уважением. Ахмед улыбнулся и поднял бокал.

— За смелых. Их мало, но они украшают этот мир.

Остаток вечера прошел как в тумане. Ахмед пил, Жанна флиртowała, я сидел и думал о том, что только что подписал себе приговор на три дня в компании вооруженных людей и контрабанды неизвестного происхождения.

Ночью, в номере отеля, Жанна постучала в мою дверь. Она была уже без платья, в коротком шелковом халате, с бокалом вина в руке.

— Не спится? — спросила она, проходя в комнату без приглашения.

— Думаю.

— О том, как вляпался?

— О том, как выбраться.

Она села на край моей кровати, протянула мне бокал.

— Ты молодец. Я думала, ты сломаешься. А ты предложил себя в заложники. Это сильно.

— Это глупо.

— Это единственное, что могло сработать. Ахмед не купится на баб и деньги. Ему нужна власть. А ты дал ему власть над тобой. Теперь он в выигрыше. И груз уйдет.

Я посмотрел на нее. Вблизи, без сценического макияжа, она казалась уставшей и очень молодой.

— Ты давно здесь?

— Три года, — она пожала плечами. — Танцевала в клубе в Дубае, попала в плохую историю, меня подобрали люди Бориса. Теперь я работаю на них. Лучше, чем в клубе.

— И не хочешь уйти?

— Куда? — она усмехнулась. — Домой? А где он, дом? У меня нет дома. Есть только работа. И ты, кажется, такой же.

Она придвинулась ближе. Ее рука легла мне на колено.

— Мы могли бы скоротать ночь, — сказала она просто. — Без обязательств. Просто чтобы не думать.

Я смотрел на нее. Красивая, доступная, своя по духу. Еще год назад я бы не раздумывал. Но сейчас перед глазами стояло другое лицо. Лика. Ее огромные глаза, ее тихая улыбка, ее доверие.

— Не могу, — сказал я, убирая ее руку.

— Почему? — она удивилась. — У тебя кто-то есть?

— Да.

— И ты хранишь верность? В нашей работе? — она рассмеялась, но без злости. — Это мило. И глупо. Но мило.

Она встала, поправила халат.

— Ладно. Спокойной ночи, рыцарь. Удачи тебе завтра. И помни: если что-то пойдет не так — кричи. Я буду рядом.

Она ушла, оставив после себя запах духов и недосказанности.

Я сидел на кровати и смотрел в окно на огни чужого города. Где-то там, на складе, ждал груз, который мог стоять мне свободы. Где-то там, в другой жизни, ждала Лика. А здесь, в этой комнате, я только что отказался от женщины, которую мне предложила сама судьба, ради призрака, который, возможно, уже забыл меня.

Но я знал, что поступил правильно. Впервые в жизни.

Утром я приехал на склад. Ахмед встретил меня лично, без охраны. Он провел в свой кабинет, налил чай.

— Три дня, — напомнил он. — Будешь жить здесь. Комната есть, еду принесут. Никакой связи с внешним миром. Если груз уйдет — ты уйдешь с ним. Если нет...

— Я понял условия.

— Хорошо. Тогда познакомься с моим помощником. Он будет следить за тобой.

В комнату вошел молодой парень, почти мальчик, лет восемнадцати. Высокий, худой, с автоматом наперевес и испуганными глазами.

— Это Юсуф, — представил Ахмед. — Мой племянник. Учится на инженера, но помогает мне на каникулах. Он будет твоей тенью. Не обижай его.

Юсуф смотрел на меня с любопытством и страхом. Я кивнул ему.

— Привет. Не бойся, я не кусаюсь.

— Я не боюсь, — ответил он на хорошем английском. — Просто... вы первый русский, которого я вижу.

— И как тебе?

— Страшно, — честно признался он. — Ваши все такие... большие.

— Я не кусаюсь, — повторил я. — Обещаю.

Ахмед усмехнулся и вышел. Мы остались вдвоем. Юсуф сел в угол, положив автомат на колени, и уставился на меня.

— Ты правда готов сидеть здесь три дня? — спросил он.

— Правда.

— А если груз не выпустят?

— Тогда, наверное, я поеду в тюрьму.

— Тебе не страшно?

Я посмотрел на этого мальчика, который держал автомат, но боялся меня, безоружного. И вдруг понял, что должен ответить честно.

— Страшно, — сказал я. — Но я обещал одному человеку, что вернусь. Поэтому не имею права бояться.

Юсуф задумался, потом кивнул.

— У меня тоже есть такой человек. Мама. Я ей обещал, что закончу университет и стану инженером. Поэтому я здесь, с дядей. Он платит за учебу.

Мы замолчали. Два человека, заложники обстоятельств, в чужой стране, связанные обещаниями тем, кто ждет дома.

Три дня тянулись бесконечно. Юсуф оказался славным парнем, мечтающим уехать в Европу и строить мосты. Я рассказывал ему о России, он — об Омане. Мы ели вместе, спали по очереди, охраняя друг друга от... сами не знали от чего. На третий день пришел Ахмед.

— Груз ушел, — сказал он. — Ты свободен. И, Мирон... ты молодец. Если захочешь работать на меня — приходи. Я плачу хорошо.

Я покачал головой.

— Спасибо, но у меня уже есть работодатель.

— Знаю. Борис Иванович — тот еще сукин сын. Но у него есть принципы. Это редкость в нашем мире. Удачи тебе.

Мы пожали руки. Юсуф обнял меня на прощание, сунув в карман какую-то бумажку.

— Мой номер, — шепнул он. — Если что — звони. Ты мой первый настоящий друг.

В машине, увозящей меня в отель, я развернул бумажку. Там был номер и приписка: «Инженером я стану. А ты — возвращайся к своей. Она ждет».

Я улыбнулся впервые за много дней. За окном проносился чужой, но уже не такой враждебный город. Впереди была встреча с Жанной, доклад Борису Ивановичу и, может быть, новая жизнь.

Но главное — впереди была надежда. Та самая, ради которой я согласился на три дня ада. Та самая, ради которой я отказался от Жанны. Та самая, которая звалась Ликой.

Глава 24

Глава 23. Цена лояльности

Возвращение на виллу Бориса Ивановича было триумфальным. Не потому, что я ждал оаций — просто факт, что груз ушел, а я остался жив и на свободе, говорил сам за себя. В мире, где людей меняли как патроны в обойме, это было достижением.

Меня не встретили с цветами. Вместо этого Борис Иванович вызвал меня в кабинет через час после приезда. Я успел только принять душ и переодеться.

В кабинете, кроме хозяина, сидел полковник Громов и новый человек — мужчина лет тридцати, с лицом, которое украшала свежая ссадина на скуле. Он смотрел на меня с плохо скрываемой злостью.

— Садись, Мирон, — Борис Иванович кивнул на стул. — Познакомься. Это Руслан. Он должен был заниматься грузом до тебя.

Я сел. Руслан даже не кивнул. Смотрел волком.

— Руслан немного облажался, — продолжил Борис Иванович с ленивой усмешкой. — Вместо того чтобы договариваться с Ахмедом, он попытался надавить. Ахмед таких вещей не любит. В итоге Руслан получил по лицу, а груз застрял. Ты пришел, сделал работу. Теперь вопрос: что делать с Русланом?

Я посмотрел на полковника. Тот сидел с каменным лицом. Потом перевел взгляд на Руслана. В его глазах читалась ненависть, но под ней — страх. Настоящий животный страх человека, который знает, что его судьба сейчас решится.

— А что с ним обычно делают? — спросил я.

— По-разному, — Борис Иванович закурил. — Можно отправить в разнос — на низовую работу. Можно оштрафовать. Можно... уволить. — Последнее слово он произнес с особым значением. «Увольнение» в их мире означало пулю в затылок где-нибудь в пустыне.

— А он провинился в первый раз? — спросил я.

— В третий, — ответил полковник. — Первый раз закрыли глаза. Второй — оштрафовали на полгода зарплаты. Третий — по уставу, увольнение.

Руслан побелел. Его руки на коленях дрожали.

— Борис Иванович, я... я исправлюсь. Дайте шанс.

— Ты уже просил шанс. Дважды. — Борис Иванович даже не смотрел на него. Он смотрел на меня. — Что скажешь, Мирон? Ты пострадавшая сторона. Тебе пришлось рисковать собой из-за его косяка.

Я понимал, что это проверка. Борис Иванович проверял не мою мораль — мою логику. Способность принимать решения, которые приносят пользу системе, а не эмоциям.

— Не увольнять, — сказал я.

Руслан выдохнул. Полковник приподнял бровь. Борис Иванович усмехнулся.

— Аргументируй.

— Руслан — опытный боец. Это я видел по тому, как он держится. Его ошибка — не в навыках, а в подходе. Он попытался решить вопрос силой, где нужна была дипломатия. Это можно исправить обучением. Уволить его — потерять ресурс. Заставить работать на низовых позициях — демотивировать. Я предлагаю: перевести его в мою группу. Научим работать с людьми. Если не научится — тогда увольнение. Но дать шанс.

Борис Иванович выпустил клуб дыма в потолок.

— А ты не боишься, что он тебя прибьет во сне? Он, знаешь ли, зуб на тебя точит. Считает, что ты украл его кейс.

— Я не ворую чужие кейсы, — спокойно ответил я. — Я решаю проблемы. Если Руслан хочет остаться в игре — он будет работать. Если предпочтет ненависть карьере — значит, он идиот, и его действительно стоит уволить. Но это будет его выбор.

Руслан смотрел на меня, и в его глазах ненависть постепенно сменялась чем-то другим. Уважением? Страхом? Неважно. Главное, что он понял: я не враг. Я — тот, кто может его спасти.

— Решено, — Борис Иванович погасил сигару. — Руслан переходит в группу Мирона. С завтрашнего дня. Если еще раз накосячит — пеняй на себя. Свободны.

Мы вышли в коридор. Руслан остановил меня, схватив за локоть.

— Зачем ты это сделал? — спросил он. Голос был глухой, напряженный.

— Потому что мне нужны люди, которые умеют стрелять. А я умею договариваться. Вместе мы сильнее, чем поодиночке.

— А если я тебя подставляю?

— Не подставишь, — я посмотрел ему в глаза. — Потому что я теперь твой шанс. Последний. Если ты его упустишь, никто не спасет. Даже я.

Он молчал долго. Потом кивнул и ушел.

Я пошел в столовую. Жанна сидела за угловым столиком, пила кофе и читала что-то на планшете. Увидев меня, отложила гаджет.

— Слышала, ты спас Руслана. Зачем?

— Садись на его место?

— Не смей. Ты же не дурак. Руслан — ценный ресурс. Его нельзя терять.

Она усмехнулась, пододвинула ко мне чашку.

— Ты мыслишь, как хозяин. Это опасно.

— Почему?

— Потому что хозяева долго не живут. Их убирают те, кто хочет стать хозяевами.

Я задумался. В ее словах была своя, циничная правда.

— А ты как мыслишь? — спросил я.

— Как женщина, которая хочет выжить, — она пожала плечами. — Я не строю планов. Не привязываюсь. Не верю обещаниям. Это единственный способ остаться в живых в нашем деле.

— И долго ты так?

— Три года. И ни царапины. В отличие от некоторых.

Она посмотрела на меня с вызовом. Я вспомнил ту ночь, когда отказался от нее. Она не напоминала, но и не забыла.

— Жанна, — начал я.

— Не надо, — перебила она. — Я поняла. У тебя есть кто-то. Ты верен. Это глупо, но это твой выбор. Я не обижаюсь. Просто... будь осторожен. Вера в людей убивает быстрее пули.

Она встала и ушла, оставив меня с недопитым кофе.

Вечером меня вызвали к полковнику. Он сидел в своем кабинете, похожем на штаб военной части — карты на стенах, мониторы, рация.

— Закрой дверь, — сказал он без приветствия.

Я закрыл. Полковник указал на стул.

— Сегодня ты поступил умно. Борис Иванович доволен. Но я хочу знать: ты правда думаешь, что Руслана можно переучить, или просто играешь в благодетеля?

— Думаю, можно, — ответил я. — Руслан — воин. Его учили стрелять и выполнять приказы. Его не учили думать и договариваться. Этому можно научить за полгода. Может, за год. Но если получится — у нас будет боец, который умеет не только убивать, но и решать вопросы.

Полковник смотрел на меня тяжелым взглядом.

— А ты сам? Кто тебя учил договариваться?

— Жизнь. И женщины.

— Женщины? — он усмехнулся. — Это в России, что ли?

— Да. Там был университет. И женщины, которые открывали двери. Буквально.

— Борис Иванович рассказывал твою историю. Альфонс, мошенник, аферист. А теперь ты спас человека, которого не знал. Это не вяжется.

— Я не спас, — поправил я. — Я вложил в актив. Руслан — это инвестиция. Если он окупится — хорошо. Если нет — потери невелики. Он все равно был на выходе.

Полковник рассмеялся. Впервые за все время нашего знакомства.

— А ты циник, Мирон. Настоящий. Борис Иванович в тебе не ошибся.

— Спасибо, — сказал я. — Это комплимент?

— Это констатация. В нашем мире циники живут дольше. Но не намного. Помни об этом.

Он отпустил меня. Я вышел в коридор и остановился у окна. За стеклом простиралась пустыня, черная и бескрайняя, как будущее.

В кармане я нащупал бумажку, которую дал мне Юсуф. «Она ждет». Три слова, которые держали меня на плаву. Но сколько еще я смогу держаться? Сколько еще смогу оставаться собой, пока вокруг меня учат быть циником, убивать и предавать?

В комнате я лег на кровать и закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыло лицо Лики. Ее тихая улыбка, ее доверие, ее вера в то, что я изменюсь. Но что, если я не изменюсь? Что, если эти два года превратят меня в монстра, которому не будет места рядом с ней?

Я вспомнил Жанну. Ее цинизм, ее холодную мудрость. Она была права: в этом мире выживают те, кто не привязывается. Но я уже привязался. И это было моей слабостью. И, возможно, единственной силой, которая еще оставалась.

За окном завывал ветер. Где-то там, в пустыне, умирали люди, о которых я никогда не узнаю. Где-то там, в России, спала Лика, верящая в мое возвращение. А я лежал в казенной комнате на чужой земле и думал о том, сколько еще смогу быть собой, прежде чем этот мир переделает меня под себя.

Утром Руслан ждал меня в столовой. Он выглядел помятым, но спокойным.

— Я готов работать, — сказал он, садясь напротив. — Научусь договариваться. Но ты должен кое-что понять.

— Что?

— Если ты меня предашь — я убью тебя. Не потому, что злой. Потому что больше не за что будет держаться.

Я посмотрел на него. В его словах была честность, которую я уважал.

— Договорились, — сказал я. — Не предам. Но если ты меня подставишь — я тебя уничтожу. Не пулей. Репутацией. Ты станешь изгоем. И никто не возьмет тебя даже мусор выносить.

Руслан усмехнулся.

— Жестоко.

— Это бизнес. Добро пожаловать в мою команду.

Мы пожали руки. В этот момент в столовую вошел Борис Иванович. Он посмотрел на нас, кивнул.

— Уже дружите? Хорошо. У меня есть новое задание. Для вас двоих. Через час вылетаете в Дубай.

Он положил на стол тонкую папку. Я открыл, пробежал глазами. Фотография женщины лет сорока, шикарной, дорогой, с холодным взглядом.

— Кто это? — спросил я.

— Наш партнер. Вернее, бывший. Она решила, что может вести свой бизнес без нас. Мы должны убедить ее в обратном. Ты, Мирон, будешь вести переговоры. Руслан — обеспечивать весомость аргументов.

Я смотрел на фотографию. В ее глазах читался тот же холод, что и в моих на старых снимках. Она была мне родственна по духу. И я знал, как с такими разговаривать.

— Когда вылетаем? — спросил я.

— Через час. Самолет на взлетной полосе.

Я встал. Руслан поднялся следом.

— Мирон, — окликнул меня Борис Иванович. — Там, в папке, есть еще кое-что. Посмотри перед вылетом.

Я открыл папку на ходу. Внутри оказался лист с рукописным текстом. Я прочитал и замер.

«Если вы читаете это, значит, я уже мертва. Не верьте Борису Ивановичу. Он убил моего мужа и хочет забрать бизнес. Мое имя — Елена Воронова. Если вы русский — помогите. Они не оставят свидетелей».

Я поднял глаза. Борис Иванович смотрел на меня с улыбкой.

— Зачем вы это мне дали? — спросил я, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

— Проверка, — спокойно ответил он. — Ты умный, Мирон. Но умных нужно проверять на лояльность. Задание простое: привези ее ко мне. Живую. А то, что она там пишет... — он усмехнулся. — Убитые мужья — это ее бизнес. Не мой. Хочешь проверить — проверяй. Но помни: время пошло.

Я сжал лист в кулаке. Внутри все кипело. Фамилия Воронова не была моей настоящей? Или это просто совпадение? И кто эта женщина — жертва или преступница, пытающаяся спасти себя?

Руслан смотрел на меня выжидающе.

— Поехали, — сказал я. — Разберемся на месте.

Мы вышли на улицу. Солнце палило нещадно. Вдалеке гудел двигатель частного самолета.

— Ты в порядке? — спросил Руслан.

— Нет, — честно ответил я. — Но это не важно. Важно — сделать работу и остаться живым.

Я сел в машину. Листок с предсмертным письмом жег карман. В голове крутились мысли. Если эта женщина говорит правду — Борис Иванович убийца. Если врёт — она психопатка. В любом случае, я оказывался между двух огней. И выйти из этого живым можно было только одним способом: найти правду. И использовать ее.

Мы ехали к самолету, и я впервые за долгое время чувствовал, что игра стала по-настоящему опасной. Не потому, что мне угрожали пули. А потому что ставкой была не моя жизнь. Ставкой была правда. Обо мне. О моем прошлом. О том, кто я на самом деле.

Глава 25

Глава 24. Зеркало

Самолет, который Борис Иванович назвал «частным», оказался стареньким с облупившейся краской на крыльях и салоном, пахнущим керосином и дешевым табаком. Руслан занял место у иллюминатора, положив автомат на колени. Я сидел напротив, перебирая содержимое папки.

Фотография Елены Вороновой была сделана явно не для документов. Женщина на ней смеялась, запрокинув голову, на фоне моря и белого парусника. Дорогая, красивая, уверенная. И фамилия — Воронова. Моя фамилия. Та самая, которую я носил всю жизнь, считая единственным наследством от отца, исчезнувшего, когда мне было пять.

— Ты чего такой дерганный? — спросил Руслан, заметив, как я сжимаю папку.

— Фамилия. Ее фамилия. Моя фамилия.

— Мать? — он приподнял бровь.

— Не знаю. Может быть. Отец ушел, когда я был маленьким. Мать о нем никогда не говорила. Только фамилию оставила.

— И ты хочешь проверить?

— А ты бы не хотел?

Руслан помолчал, потом достал из кармана фляжку, протянул мне.

— Пей. Легче будет.

Я отхлебнул. Коньяк обжог горло, но внутри действительно стало чуть теплее.

— Слушай, Мирон, — Руслан посмотрел на меня серьезно. — Я тебя предупреждаю сразу: в нашем деле семейные истории редко заканчиваются хорошо. Если она твоя мать — Борис Иванович это знает. И использовал это намеренно. Проверка лояльности, как он сказал. А если не твоя — значит, у него другой план. В любом случае, эмоции здесь лишние.

— Я знаю, — ответил я, хотя внутри всё кипело.

— Знаешь, но не чувствуешь. Это хуже. Эмоции, которые не контролируешь, убивают быстрее пули.

Я кивнул. Он был прав. Как бы цинично это ни звучало, в этом мире чувства были роскошью, которую никто не мог себе позволить.

Дубай встретил нас жарой, которая обрушивалась на плечи, едва мы вышли из трапа. Золотой город, пахнущий бензином, дорогими духами и деньгами. Руслан повел меня к машине — черному джипу с тонированными стеклами, который ждал у ограждения аэропорта.

— Куда едем? — спросил я.

— В отель. Там встретимся с нашим человеком. Он знает, где искать Елену.

Отель оказался из тех, где на ресепшене узнают гостей по имени, а номера стоят как годовая зарплата инженера. Нам дали два смежных номера на двенадцатом этаже. В гостиной уже ждал невысокий юркий мужчина в белой рубашке и темных очках. Он представился Махмудом.

— Елена Воронова живет в Дубае последние полгода, — говорил он, разворачивая планшет с фотографиями. — Снимает виллу. Выходит редко. Общается в основном с адвокатами и финансовыми консультантами. Два раза в неделю посещает спа-салон. Больше нигде не бывает.

— Охрана? — спросил Руслан.

— Двое. Бывшие спецназовцы. Серьезные ребята. С оружием работают чисто.

— Нам не нужна стрельба, — сказал я, изучая фотографии. — Нам нужен разговор. Есть возможность встретиться с ней без охраны?

Махмуд задумался.

— В спа-салоне охрана не проходит. Но она туда приходит с подругой. Женщиной лет сорока, местной. Очень влиятельной. Если устроить скандал...

— Не надо скандала, — перебил я. — Мне нужно просто поговорить с ней. Наедине. Без давления. Руслан, ты сможешь отвлечь охрану на час?

— Смогу, — кивнул он. — Но, если что пойдет не так — стреляю на поражение.

— Не пойдет. Я просто поговорю.

Махмуд смотрел на меня с сомнением.

— Ты уверен? Она не дура. И не доверяет никому, кто работает на Бориса Ивановича.

— Я работаю не на Бориса Ивановича. Я работаю на себя. И у меня есть вопросы, на которые может ответить только она.

План был прост: Руслан с двумя подельниками Махмуда блокирует охрану у входа в спа-комплекс, я прохожу внутрь и встречаюсь с Еленой в приватной комнате отдыха. Никакого оружия, никакого насилия. Только разговор.

На следующий день в два часа дня я сидел в холле отеля, листая журнал и наблюдая за входом. Елена пришла ровно в два пятнадцать — высокая, стройная, в белом льняном костюме и больших солнечных очках. Ее спутница, полная женщина в ярком кафтане, что-то оживленно рассказывала, пока они направлялись в сторону спа-центра.

Как только они скрылись за дверью, я получил сообщение от Руслана: «Охрана нейтрализована. Входи».

Я прошел через холл, миновал стойку регистрации (Махмуд позаботился о пропуске) и оказался в зоне спа-комплекса. Прохлада, тихая музыка, запах эфирных масел. Меня провели в комнату отдыха — просторное помещение с шезлонгами, пальмами в кадках и видом на искусственный водопад.

Через десять минут дверь открылась. Елена вошла одна, без подруги, но в очках, которые так и не сняла. Она остановилась на пороге, разглядывая меня.

— Кто вы? — спросила она. Голос спокойный, но с металлической ноткой.

— Меня зовут Мирон Воронов.

Она замерла. Медленно сняла очки. Ее глаза — серые, с зеленоватым отливом — смотрели на меня с таким выражением, которое я не мог расшифровать.

— Воронов? — повторила она. — Это ваша настоящая фамилия?

— Моя. Та, что дал мне отец. Который исчез, когда мне было пять.

Она медленно опустилась на шезлонг напротив. Ее лицо было бледным, но руки не дрожали.

— Вы знаете, кто я? — спросила она.

— Елена Воронова. Женщина, которую Борис Иванович хочет «убедить» вернуться в бизнес. Которая написала письмо, что он убил ее мужа. И у которой моя фамилия.

— И вы подумали, что я — ваша мать? — она усмехнулась, но усмешка была грустной. — Нет, Мирон. Я не ваша мать. Я ваша тетя. Сестра вашего отца.

Мир на секунду перестал существовать. Я слышал шум водопада, видел ее лицо, но слова не доходили до сознания.

— Моего... отца?

— Да. Сергея Воронова. Моего старшего брата. Он не исчез. Он погиб. И убил его Борис Иванович. Двадцать лет назад. За то, что брат хотел выйти из бизнеса и начать новую жизнь. С вашей матерью. С вами.

Она говорила спокойно, будто пересказывала давно выученный урок. Но в уголках ее глаз блестели слезы.

— Вы не знали, да? — спросила она. — Ваша мать вам не сказала? Боялась. Боялась, что вы пойдете по его стопам. Или что Борис Иванович найдет вас. Она сменила город, фамилию?

Нет, фамилию она оставила — это было все, что у нее осталось от него. Но она скрывалась. Все эти годы.

Я сидел, чувствуя, как реальность расползается на куски. Все, что я знал о себе, о своем прошлом, о матери, которая работала на двух работах, чтобы поднять меня, — все это было частью чужой, чудовищной игры.

— Почему вы мне это говорите? — спросил я, и мой голос был чужим, далеким.

— Потому что Борис Иванович послал вас ко мне, зная, кто вы. Это не проверка лояльности. Это спектакль. Он хочет посмотреть, как вы сломаетесь, когда узнаете правду. А потом он убьет меня. И вас, если вы станете сопротивляться.

— Зачем ему это? — я попытался собрать мысли в кучу, но они рассыпались, как песок. — Зачем такая сложная схема?

— Потому что он нечеловек. Потому что он ненавидел моего брата и ненавидит всех, кто носит фамилию Воронов. И потому что вы, Мирон, оказались слишком талантливы. Слишком умны. Слишком опасны. Вы — зеркало, в котором он видит свою молодость. И он хочет разбить это зеркало.

Она протянула руку, коснулась моей ладони. Ее пальцы были холодными.

— У вас есть выбор, Мирон. Вернуться к нему, привезти меня, как он приказал, и жить с мыслью, что вы убили свою единственную родственницу. Или помочь мне. Я знаю, где спрятаны документы, которые уничтожат Бориса Ивановича. Его связи, его счета, его покровителей. Если мы их опубликуем — он рухнет. Но нам нужно выбраться отсюда живыми.

— А если я откажусь? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Тогда вы умрете, Мирон. Может, не сегодня, не завтра. Но Борис Иванович не прощает тех, кто знает правду. Вы для него — опасный свидетель. Он использовал вас, чтобы добраться до меня. Как только я буду у него в руках, вы станете не нужны.

Я закрыл глаза. Передо мной стояло лицо Лики. Ее тихая улыбка, ее вера в то, что я могу измениться. Может, это и был тот самый момент — момент выбора. Не между жизнью и смертью. Между тем, кем я был, и тем, кем хотел стать.

— Что нужно делать? — спросил я, открывая глаза.

Она улыбнулась — впервые за весь разговор. Улыбка была теплой, почти материнской.

— У вас есть Руслан. Он военный, он умеет воевать. У меня есть люди, которые ждут сигнала. Мы должны вывезти документы из банковской ячейки и передать их журналистам. А потом — исчезнуть.

— Исчезнуть? Куда?

— В Россию. Или в Европу. Туда, где Борис Иванович не достанет. У меня есть деньги, связи, возможности. Я помогу вам начать новую жизнь. Без лжи, без схем. Вы сможете вернуться к той, кого любите. С чистым лицом.

— А если не получится?

— Если не получится, — она вздохнула. — Мы хотя бы попробовали. Это больше, чем сделал кто-либо из нашей семьи за последние двадцать лет.

В дверь постучали три раза — условный сигнал Руслана. Время вышло.

— Решайтесь, Мирон, — сказала Елена, поднимаясь. — У нас есть час, пока охрана не вернется.

Я встал. В голове было пусто, но внутри — странная, ледяная ясность. Впервые в жизни я делал выбор не из расчета, не из выгоды, не из страха. Я делал его из... справедливости. Или из того, что на нее похоже.

— Я с вами, — сказал я. — Но, если вы меня обманываете — я убью вас сам. Не для Бориса Ивановича. Для себя.

Она кивнула, и в ее глазах я увидел не страх, а уважение.

— В вас течет кровь Вороновых, Мирон. Мы не сдаемся. И не предаем своих.

Мы вышли из спа-комплекса разными путями. Руслан ждал меня у выхода, его лицо было напряжено.

— Ну что? — спросил он.

— Ситуация изменилась, — ответил я. — Мы не везем ее к Борису Ивановичу.

— А что мы делаем?

— Мы ее спасаем. И роем могилу для нашего бывшего работодателя.

Руслан посмотрел на меня долгим взглядом. Потом усмехнулся.

— А ты, оказывается, умеешь удивлять, Воронов. Ладно. Что за план?

— План простой: достать документы, обнародовать их и исчезнуть. Ты со мной?

Он помолчал. Потом кивнул.

— Я с тобой. Но не потому, что верю в справедливость. А потому что Борис Иванович все равно меня убьет, если узнает, что я облажался с грузом. А так — есть шанс. Хотя бы умереть красиво.

— Не умрем, — сказал я, и впервые в это поверил. — Научимся выживать. По-новому.

Мы сели в машину. За окнами проносился чужой, золотой город, в котором начиналась новая игра. Без правил. Без гарантий. Но с правдой, которую я наконец-то решился узнать. И, может быть, с шансом на ту жизнь, о которой даже не смел мечтать.

Глава 26

Глава 25. Банковская ячейка

План, который Елена изложила в спа-салоне, был безумным. Но в мире, где Борис Иванович убивал братьев и нанимал племянников для их поимки, безумие становилось единственной логикой.

Мы встретились с ней через два часа в маленьком кафе на окраине Дубая, куда Махмуд привез ее на стареньком Toyota, сменившем по пути три номера. Руслан сидел у входа, прикрывая нас своим телом и автоматом под курткой. Я сидел напротив Елены, изучая ее лицо — в нем действительно было что-то знакомое. Те же скулы, тот же разрез глаз. Мы были одной крови.

— Документы в банке, — говорила она, рисуя на салфетке схему. — Ячейка арендована на имя подставной компании. Код доступа знаю только я. Но банк находится в деловом центре, там охрана, камеры, пропускная система. Просто так туда не войти.

— Нам и не нужно просто так, — ответил я. — У нас есть ты. Ты — владелец ячейки. Ты заходишь, забираешь документы, выходишь. Мы прикрываем.

— Они следят за мной, — она покачала головой. — Борис Иванович не дурак. У него люди в банке. Как только я появлюсь, они узнают. И тогда...

— Тогда мы устроим шоу, — перебил Руслан, не оборачиваясь. — Отвлечем внимание. Устроим небольшой переполох в здании.

— Какой переполох? — я посмотрел на него.

— Пожарная тревога, — он усмехнулся. — Старый, проверенный способ. Махмуд договорился с техником охраны. За тысячу долларов он запустит ложное срабатывание датчиков на этаже банка. Люди эвакуируются, охрана будет занята. У Елены будет пять минут, чтобы открыть ячейку и забрать бумаги.

— А если не успеет? — спросил я.

— Успеет, — Елена сжала мою руку. — Я ждала этого момента двадцать лет. Я не опоздаю.

На следующий день в десять утра мы были у небоскреба, где располагался банк. Руслан и Махмуд заняли позиции у служебного входа. Я сидел в машине напротив главного входа, в наушнике слушая переговоры. Елена, в деловом костюме и с поддельным паспортом на имя Анны Ковальчук, вошла в здание ровно в десять пятнадцать.

— Она на ресепшн, — доложил Руслан. — Проходит проверку.

Я смотрел на монитор, который Махмуд установил в машине — картинка с камеры наблюдения, которую передавал его человек в банке. Елена спокойно разговаривала с охранником, показывала документы. Ее лицо было безмятежным.

— Прошла, — Руслан выдохнул. — Поднимается на лифте. Третий этаж.

— Ждем сигнала, — сказал я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Пять минут прошли в тишине. Потом в наушнике раздался голос Елены:

— Я у ячейки. Код ввожу. Давайте тревогу.

Руслан что-то сказал Махмуду по-арабски. Через десять секунд в здании завыла сирена. На мониторе я увидел, как люди в холле засуетились, побежали к выходам. Охрана пыталась организовать эвакуацию. Елена оставалась в хранилище — ее камера не показывала.

— Она открыла, — сказал Руслан через минуту. — Забирает бумаги.

Я выдохнул, но расслабляться было рано. В этот момент из черного внедорожника, припаркованного у соседнего здания, вышли трое мужчин. Крупные, в одинаковых черных куртках. Они направились к банку, переговариваясь по рации.

— Руслан, — сказал я. — У нас гости. Три человека, со стороны парковки. Выглядят как люди Бориса Ивановича.

— Вижу, — его голос стал жестким. — Махмуд, готовь машину. Мирон, встречай Елену у служебного выхода. Я их задержу.

— Не геройствуй, — сказал я, выскакивая из машины. — Просто дай нам время.

Я побежал к служебному входу, который Махмуд показал на схеме. Узкая дверь, ведущая в подземный паркинг. Елена должна была выйти через нее через две минуты.

Сзади слышались крики. Я обернулся — Руслан уже вступил в переговоры с людьми в черном. Точнее, он просто вышел на их пути, раскинув руки в стороны, изображая пьяного туриста. Они попытались его обойти, он не пускал. Один из них достал пистолет.

Я нырнул в дверь. В подземном паркинге было темно и пахло бензином. Елена выскочила из лифта с тяжелым портфелем в руках.

— Бежим! — крикнул я, хватая ее за руку.

Мы рванули к выходу на улицу. Сзади хлопнула дверь, слышались шаги. Люди в черном прорвались мимо Руслана — я слышал звук удара и чей-то вскрик.

— Сюда! — Махмуд выкатил на паркинг на своей Toyota, распахнул заднюю дверь.

Мы запрыгнули внутрь. Машина рванула с места, визжа шинами. Я обернулся — в зеркале заднего вида увидел, как двое из троих бегут к внедорожнику. Третий лежал на асфальте. Руслан стоял над ним, держа в руке пистолет.

— Руслан! — закричал я. — Беги!

Он посмотрел в нашу сторону, что-то крикнул, но слов не было слышно. Потом развернулся и побежал в противоположную сторону, в лабиринт узких улочек старого города.

Махмуд вырулил на шоссе, смешиваясь с потоком машин. Я перевел дыхание, посмотрел на Елену. Она сидела, прижимая к груди портфель, и улыбалась.

— Получилось, — прошептала она.

— Пока нет, — ответил я, глядя на дорогу. — Мы должны проверить, что там внутри. И решить, что делать дальше.

— Здесь все, — она похлопала по портфелю. — Отчеты о переводе средств, контракты, имена посредников, данные о счетах в офшорах. И главное — письмо моего брата. Вашего отца. Написанное перед смертью. С указанием, кто и за что его убил.

Я смотрел на портфель, в котором лежала судьба. Моя судьба. Судьба человека, которого я никогда не знал, но который сделал меня тем, кто я есть.

— Что будем делать с этим? — спросил я.

— У меня есть знакомый журналист в Лондоне, — сказала Елена. — Он работает с расследованиями. Если передать документы ему, они выйдут в течение недели. Борис Иванович не успеет ничего предпринять.

— А если он узнает раньше?

— Тогда он попытается нас найти. И уничтожить.

— Значит, нам нужно исчезнуть. Быстро. И надолго.

Я достал телефон. На экране висело сообщение от Руслана: «Я жив. Встретимся в точке Б. Береги себя, Воронов».

Я улыбнулся. Этот циничный вояка, который еще неделю назад хотел меня убить, теперь прикрывал мой отход.

— Куда теперь? — спросила Елена.

— В аэропорт, — ответил я. — У нас есть частный самолет Бориса Ивановича. Думаю, он нам больше пригодится, чем ему.

Махмуд засмеялся, нажимая на газ.

Через два часа мы были в воздухе. Самолет — тот самый, что привез нас в Дубай — теперь летел в сторону Стамбула. Елена спала, укрывшись пледом, не выпуская портфель из рук. Я сидел у иллюминатора, глядя на облака.

Внизу проплывала чужая земля. Впереди была неизвестность. А где-то там, за горизонтом, ждала Лика. И новая жизнь, в которой не будет места лжи, расчету и играм.

Я закрыл глаза. Впервые за много лет я не строил планов. Я просто летел. Туда, куда приведет судьба. И это было страшно. И это было правильно.

Глава 27

Глава 26. Стамбульский приют

Стамбул встретил нас серым рассветом и запахом кофе с кардамоном, который тянулся от уличных лотков еще до того, как шасси коснулись взлетной полосы. Частный терминал аэропорта имени Ататюрка был пуст в этот ранний час — только мы, сонные охранники и вездесущие чайки, кружившие над зданием в поисках добычи.

Елена шла по коридору быстрым, уверенным шагом, прижимая портфель к груди. Я тащил за нами сумку с вещами, украденными из номера в Дубае. В кармане лежал телефон Руслана — он настоял, чтобы я взял его, на случай, если связь прервется.

— Нас встретят, — сказала Елена, не оборачиваясь. — Старый друг. Ему можно доверять.

— Сколько раз ты говорила это за последние двадцать лет? — спросил я.

Она остановилась, обернулась. В серых глазах мелькнуло что-то, похожее на боль.

— Ни разу, Мирон. Я не доверяла никому. До сегодняшнего дня.

Мы вышли на парковку. У выхода стоял черный Mercedes с тонированными стеклами. Рядом с ним, опершись на дверь, курил высокий мужчина лет пятидесяти, с густой сединой в волосах и внимательными, спокойными глазами. Он увидел Елену, бросил сигарету и широко улыбнулся.

— Лена, — сказал он, раскрывая объятия. — Двадцать лет, а ты все такая же красивая.

— Здравствуй, Лева, — она подошла, позволила себя обнять, но быстро отстранилась. — Это Мирон. Сын Сергея.

Лева посмотрел на меня, и в его взгляде я прочитал нечто большее, чем простое любопытство. Там было узнавание. И боль.

— Вылитый отец, — сказал он, протягивая руку. — Только глаза другие. Материны.

Я пожал его широкую, сухую ладонь. Его рукопожатие было крепким, но не агрессивным. Такое бывает у людей, которые умеют убивать, но предпочитают не напоминать об этом.

— Садитесь, — он открыл заднюю дверь. — Поговорим в машине. Здесь небезопасно.

Мы погрузились в салон, пахнувший кожей и мятой жвачкой. Лева сел за руль, плавно вывел машину с парковки и смешался с утренним трафиком.

— Как вы нашли друг друга? — спросил он, поглядывая в зеркала.

— Он пришел ко мне по заданию Бориса, — сказала Елена. — Борис знал, кто он. И использовал это.

— Конечно, знал, — Лева усмехнулся, но усмешка была невеселой. — Борис всегда знает больше, чем нужно. И всегда играет в долгую.

— Вы знали моего отца? — спросил я.

Лева посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Знал. Мы вместе начинали. Я, он, Борис. Это было в девяностых. Делили рынок, делили деньги, делили власть. А потом Борис решил, что ему нужно больше. И Сергей стал ему мешать.

— Расскажите, — попросил я, чувствуя, что сейчас услышу ту самую правду, которую мать скрывала всю жизнь.

— Не сейчас, — Елена положила руку мне на колено. — Сначала нужно обезопасить документы. Потом — все расскажем. Лева, куда мы едем?

— В безопасное место. За городом. Там переждем пару дней, пока я свяжусь с лондонскими журналистами.

Дорога заняла час. Мы выехали из Стамбула, миновали пригороды и углубились в холмистую местность, поросшую соснами. Дом, куда Лева привез нас, оказался старой каменной виллой с видом на Мраморное море. Высокий забор, камеры по периметру, охранник у ворот — все говорило о том, что хозяин привык к осторожности.

Внутри было тепло и уютно. Камин, старинная мебель, книжные стеллажи во всю стену. Елена прошла в гостиную, опустилась на диван, положив портфель рядом.

— Я хочу посмотреть, — сказал я.

Она кивнула, достала из портфеля толстую папку. На обложке было написано от руки: «Дело № 47. Сергей Воронов».

Я взял папку. Руки не дрожали — я научился контролировать свое тело. Но внутри все клокотало.

— Я оставлю вас, — сказал Лева, выходя. — Елена, ты знаешь, где я.

Мы остались одни. Я открыл папку.

Первым было письмо. Три страницы, исписанные мелким, торопливым почерком. Датировано 15 марта 2003 года.

«Лена, если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Не хочу, чтобы ты узнала об этом от кого-то другого. Борис решил, что я слишком много знаю. Слишком много могу. Он предложил мне выйти из дела. С миром. Я согласился. Но Борис не умеет отпускать с миром. Он умеет только убивать.

Я знаю, что это случится скоро. Поэтому пишу. В папке — все, что я собрал за годы работы. Счета, переводы, имена. Если это когда-нибудь увидит свет, Борис рухнет. Но я не хочу, чтобы ты рисковала. Спрячь это. Найди хорошее место. И живи.

Прости, что не смог быть рядом. Прости, что втянул тебя в это. Прости, что не увижу, как растет Мирон. Передай ему... передай, что я его любил. И что он должен быть лучше меня. Лучше всех нас».

Я перечитал письмо дважды. Трижды. Слова не менялись. Отец, которого я не помнил, которого мать никогда не называла по имени, писал моей тете о любви ко мне. И просил, чтобы я стал лучше.

— Он был хорошим человеком, — тихо сказала Елена. — Слишком хорошим для того мира, в который попал. Борис этого не простил.

— А мать? — спросил я, чувствуя, как голос садится. — Почему она ничего не рассказывала?

— Она боялась. Боялась, что ты пойдешь по его стопам. Что Борис найдет тебя. Что ты станешь таким же, как они. Она хотела защитить тебя. И, кажется, это сработало. Ты вырос другим.

— Другим? — я усмехнулся. — Я использовал женщин, воровал деньги, влез в криминальную схему и теперь нахожусь в бегах. Чем я лучше их?

— Тем, что ты здесь, — она посмотрела мне в глаза. — Тем, что ты выбрал правду. Тем, что ты не убил меня, когда мог. Тем, что в тебе есть то, чего не было у Бориса и, может быть, даже у твоего отца. Совесть.

Я хотел возразить, но слова застряли в горле. Совесть? У меня, который врал каждой женщине, которая меня любила? У меня, который строил карьеру на обмане и манипуляциях? У меня, который продал себя Борису Ивановичу за возможность выжить?

— Не ищи в себе только плохое, Мирон, — сказала Елена, будто прочитав мои мысли. — Ты делал то, что делал, потому что не знал другого пути. Теперь знаешь.

Я убрал письмо в папку и закрыл ее.

— Что дальше? — спросил я.

— Лева свяжется с журналистами. Они приедут сюда или мы встретимся с ними в городе. Передадим документы. Дальше — ждать. Если информация выйдет в крупных изданиях, Борис будет уничтожен. Его покровители отвернутся от него. Он станет изгоем.

— А если не выйдет?

— Выйдет, — она сказала это с такой уверенностью, что я почти поверил. — У меня есть козыри. И я устала прятаться.

Вечером мы ужинали вдвоем — я, Елена и Лева. Разговор шел о старых временах, о людях, которых я не знал, о городе, который давно изменился. Я слушал и чувствовал себя лишним. Чужим. Частью истории, которая была написана до моего рождения.

После ужина я вышел на террасу. Внизу шумело море, над головой висело огромное звездное небо. Я достал телефон Руслана. Сообщений не было. Я набрал его номер — абонент был недоступен.

Страх за Руслана смешивался с другим, более глубоким страхом. А что, если все это — ловушка? Что, если Елена играет свою игру, а Лева — ее пешка? Что, если документы в портфеле — подделка, а настоящее дело — уничтожить меня, последнего Воронова?

Я вспомнил слова Лики: «Ты слишком много думаешь, Мирон. Иногда нужно просто доверять».

Но я не умел доверять. Это умение я потерял в детстве, когда отец исчез, а мать замкнулась в своем молчании. Я научился рассчитывать, манипулировать, выживать. Но не доверять.

— Не спится? — Лева вышел на террасу с двумя бокалами коньяка.

— Думаю, — я взял бокал.

— О том, можно ли нам верить? — он усмехнулся. — Понимаю. Ты прав, Мирон. Нельзя верить никому. Но иногда приходится выбирать меньшее из зол.

— И какое здесь меньшее зло? Борис Иванович, который убил моего отца? Или вы, двое людей, которые знали его и ничего не сделали?

Лева помолчал, глядя на море.

— Мы не сделали, потому что боялись, — сказал он наконец. — Я, Елена, многие другие. Борис был слишком силен. У него были связи на самом верху. Мы знали, что, если выступим против него — умрем. Как Сергей. Или хуже.

— А теперь?

— А теперь у нас есть документы. И есть ты. Воронов, который не боится. Или боится, но действует. Это меняет всё.

Он поднял бокал.

— За нового Воронова. Пусть он будет лучше старого.

Я чокнулся, но не выпил. Смотрел на темную воду внизу и думал о том, что завтра начнется новый день. День, когда я сделаю выбор. Не для себя. Для тех, кто верит в меня. Для Лики. Для отца, которого я не знал. Для себя — того, кем я хочу стать.

В комнате я включил ноутбук, который Лева дал для связи. Написал Лике короткое сообщение через зашифрованный канал, который она когда-то настроила для наших «деловых переписок»:

«Жив. Скоро вернусь. Обещаю».

Ответ пришел через минуту. Всего одно слово, которое стоило больше всех документов в портфеле Елены:

«Жду».

Я закрыл ноутбук и лег на кровать, глядя в потолок. Завтра мы нанесем удар. А послезавтра — начнется новая жизнь. Или не начнется. Но выбирать буду я. Впервые в жизни — не из выгоды, не из страха. Из любви. К тем, кто верил в меня, даже когда я сам в себя не верил.

Глава 28

Глава 27. Лондонский сигнал

Утро в стамбульском убежище началось с грохота. Я подскочил на кровати, сердце ухнуло в пятки. Секунда — и я уже на ногах, прижавшись к стене у окна, выглядывая через щель в шторе. Во дворе Лева разгружал багажник своего Mercedes, вытаскивая коробки с продуктами. Крышка багажника хлопнула — тот самый звук, который вырвал меня из сна.

Я выдохнул, чувствуя, как адреналин медленно отступает. Слишком много недель в режиме ожидания удара. Слишком много ночей, когда каждый шорох казался шагами людей Бориса Ивановича.

На кухне уже пахло кофе. Елена сидела за столом с чашкой в руках, перед ней лежал раскрытый портфель. Папка с документами была извлечена, но не открыта. Она ждала.

— Лева звонил, — сказала она, не глядя на меня. — Журналист согласен встретиться. Сегодня вечером.

— Мы летим в Лондон? — я сел напротив, взял чашку, которую она пододвинула.

— Я лечу. Ты остаешься здесь.

— Нет.

Она подняла глаза. В них была усталость и что-то еще — может быть, страх.

— Мирон, это опасно. Если Борис узнает, что документы уходят в прессу, он сделает все, чтобы их перехватить. В Лондоне его люди. Много людей.

— Тем более я должен быть с тобой.

— Ты нужен мне живым, — она взяла меня за руку. — Ты — последний Воронов. Если с тобой что-то случится...

— Со мной ничего не случится, — я высвободил руку. — Я не мальчик, которого нужно защищать. Я прошел через то же, что и ты. И я не позволю тебе идти туда одной.

Она смотрела на меня долго, изучающе. Потом кивнула.

— Хорошо. Но делаем все по моему плану.

План был простым, насколько это возможно в нашей ситуации. Лева летит с нами в Лондон как телохранитель и связной. Встреча с журналистом — в публичном месте, в отеле, где много людей и камер. Передача документов — только после того, как мы убедимся, что он не подстава. После передачи — немедленный вылет обратно в Стамбул. Дальше — ждать.

— А если он не согласится опубликовать? — спросил я.

— Он согласится, — уверенно сказала Елена. — Это дело десятилетия. Такой материал публикуют раз в жизни.

В полдень мы вылетели из Стамбула. Лева взял билеты на регулярный рейс — частный самолет привлек бы слишком много внимания. В салоне бизнес-класса мы сидели вдвоем, не разговаривая. Я смотрел в иллюминатор на облака, проплывающие внизу, и думал о том, как быстро жизнь может измениться. Еще месяц назад я был наемником Бориса Ивановича, выполнял его приказы, не задавая вопросов. А теперь летел в Лондон, чтобы уничтожить его.

В аэропорту Хитроу нас встретил человек Лёвы — молодой парень в неприметной куртке, с лицом, которое сразу забываешь. Он провел нас через служебный выход, минуя паспортный контроль. В машине нас ждали новые документы — на этот раз испанские, с фотографиями, которые мы сделали еще в Стамбуле.

— Отель «Савой», — сказал водитель, выводя машину на трассу. — Встреча в баре в восемь вечера. Журналист придет один.

— Его проверили? — спросил Лева.

— Чист. Работает на «Гардиан». Специализируется на финансовых расследованиях. Борис Иванович к нему не подходил — мы проверили.

— Никто не застрахован, — буркнул Лева, но спорить не стал.

Отель «Савой» встретил нас мрамором, зеркалами и запахом денег. Люди в смокингах и вечерних платьях, приглушенный свет, тихая музыка. Мы с Еленой поднялись в номер, оставив Леву в холле. Она переоделась в строгое черное платье, поправила прическу, нанесла макияж. Глядя на нее, трудно было поверить, что в ее портфеле лежит компромат, способный обрушить империю.

— Ты волнуешься? — спросил я.

— Нет, — она посмотрела на себя в зеркало. — Я ждала этого двадцать лет. Волнение прошло. Осталась только злость.

Ровно в восемь мы вошли в бар. Журналист уже сидел за угловым столиком — мужчина лет сорока, в очках, с аккуратной бородкой и внимательными глазами за стеклами. Он поднялся, когда мы подошли.

— Марк Томпсон, — представился он, пожимая руку сначала Елене, потом мне. — Вы Елена Воронова?

— Да. Это мой племянник, Мирон.

Марк кивнул, жестом приглашая садиться.

— Ваш друг, Лева, рассказал мне в общих чертах, о чем пойдет речь. Но я хочу услышать от вас. И увидеть документы.

Елена открыла портфель, достала папку. Положила на стол, но не отпустила.

— Здесь все, — сказала она. — Отчеты о переводе средств на счета в офшорах. Контракты, доказывающие связь Бориса Ивановича с криминальными группировками по всему миру. Имена его покровителей в правительстве и силовых структурах. И письмо моего брата, Сергея Воронова, в котором он прямо указывает, что Борис Иванович угрожал ему смертью за два дня до его гибели.

Марк смотрел на папку, и в его глазах горел тот самый огонь, который бывает у охотничьей собаки, взявшей след.

— Вы понимаете, что если это правда, то это крупнейшее расследование за последние десять лет? — спросил он. — И что после публикации ваша жизнь будет в опасности?

— Моя жизнь и так была в опасности последние двадцать лет, — усмехнулась Елена. — Я привыкла.

— А вы? — Марк повернулся ко мне. — Вы готовы к последствиям?

Я посмотрел на него. В его глазах не было страха. Только любопытство профессионала, который нашел сокровище.

— Мой отец умер, потому что хотел остановить этого человека, — сказал я. — Если я смогу закончить его дело — я сделаю это. Неважно, что будет потом.

Марк кивнул, достал из портфеля ноутбук.

— Давайте посмотрим, что у вас есть.

Следующие два часа мы провели, просматривая документы. Марк задавал вопросы, делал пометки, иногда надолго замолкал, изучая очередной лист. Елена отвечала спокойно, уверенно, как на допросе у следователя, в которого веришь.

Когда все было просмотрено, Марк закрыл ноутбук и посмотрел на нас.

— Этого достаточно, — сказал он. — Более чем. Я готов запустить материал через три дня. Но есть условие.

— Какое? — спросила Елена.

— Вы должны дать интервью. На камеру. Своими словами. Без купюр.

Елена посмотрела на меня. Я кивнул.

— Хорошо, — сказала она. — Когда?

— Завтра утром. Я привезу оператора. Место — любое, где вы будете чувствовать себя в безопасности.

— Здесь, в номере, — решила она. — В одиннадцать.

Марк ушел. Мы остались одни. Елена сидела, глядя на опустевший портфель, и молчала.

— Ты как? — спросил я.

— Странно, — ответила она. — Двадцать лет я носила это с собой. Думала, что когда отдам — станет легче. А стало... пусто. Как будто я лишилась чего-то важного.

— Ты лишилась груза, — сказал я. — Теперь можно жить дальше.

Она улыбнулась, но улыбка была грустной.

— Жить дальше, — повторила она. — А что дальше? Я так привыкла бежать, что забыла, как это — стоять на месте.

— Найдем, — я взял ее за руку. — Вместе.

На следующее утро Марк пришел с оператором — молчаливым парнем, который за полчаса настроил свет, камеру и микрофоны. Елена сидела в кресле у окна, в том же черном платье, с идеальной прической и спокойным лицом. Я стоял за кадром, глядя, как она собирается с мыслями.

— Вы готовы? — спросил Марк.

— Готова, — кивнула она.

Камера зажужжала. Марк задал первый вопрос:

— Елена, расскажите, кто такой Борис Иванович и почему вы решили обнародовать эти документы именно сейчас?

Она начала говорить. Голос ее был ровным, почти без эмоций. Она рассказывала о девяностых, о том, как трое друзей начинали бизнес, как делили рынок, как росли. О том, как Борис изменился, когда пришли большие деньги. О том, как он начал убивать тех, кто становился ему поперек дороги. О брате, который хотел выйти из игры и начать новую жизнь. О том, как Борис не позволил.

— Мой брат Сергей был лучшим из нас, — сказала она, и впервые ее голос дрогнул. — Он хотел жить честно. Хотел, чтобы его сын вырос в другом мире. Борис не простил ему этого. Он убил его, а я двадцать лет носила в себе правду, боясь, что меня убьют следующей.

Она замолчала. Марк выждал паузу.

— Почему вы заговорили сейчас?

— Потому что устала бояться, — она посмотрела прямо в камеру. — Потому что Борис Иванович нашел моего племянника, сына Сергея, и попытался сделать из него то же, что сделал из его отца. Но Мирон оказался сильнее. Он выбрал правду. И я выбрала правду. Вместе мы закончим то, что не успел сделать его отец.

Камера выключилась. Марк кивнул, удовлетворенный.

— Этого достаточно, — сказал он. — Завтра материал пойдет в печать и онлайн. После завтра — телевизионная версия. Готовьтесь к шуму.

Елена выдохнула, откинулась на спинку кресла.

— Шум — это хорошо, — сказала она. — Шум — это безопасность. Пока все говорят о нас, нас нельзя тронуть.

Мы вернулись в Стамбул тем же вечером. В самолете Елена спала, уронив голову мне на плечо. Я смотрел в иллюминатор на огни ночного города, проплывающие внизу, и думал о том, что завтра начнется новая жизнь. Для нее. Для меня. Для всех, кто был связан с этой историей.

В гостиной виллы нас ждал Лева с ноутбуком. Он молча развернул экран — на сайте «Гардиан» уже висел тизер: «Расследование: как российский олигарх построил империю на крови. ЭКСКЛЮЗИВ».

— Они опубликовали раньше, — сказал он. — Час назад. Марк решил не ждать.

Я смотрел на экран, на заголовок, который должен был обрушить мир Бориса Ивановича. Внутри не было ликования. Только усталость и странное чувство завершенности.

— Теперь остается ждать, — сказал я.

— Ждать, — кивнул Лева. — И молиться, чтобы у Бориса не нашлось союзников, способных остановить это.

Елена проснулась, посмотрела на экран, прочитала заголовок. И улыбнулась. Впервые за все время я видел на ее лице настоящую, не наигранную улыбку.

— Мы сделали это, Сергей, — прошептала она, глядя в потолок, где, казалось, парил дух ее брата. — Мы сделали это.

Я подошел к окну. Внизу шумело море, над головой висело звездное небо. Где-то там, за горизонтом, ждала Лика. И новая жизнь, в которой не будет места лжи и страху. По крайней мере, я очень на это надеялся.

Глава 29

Глава 28. Эхо в пустыне

Публикация в «Гардиан» взорвала информационное пространство быстрее, чем мы ожидали. Уже через час после выхода материала новость подхватили Reuters, BBC, CNN. К утру заголовок «Российский олигарх построил империю на крови» красовался на первых полосах всех мировых изданий.

Мы сидели в гостиной стамбульской виллы, не отрываясь от экранов. Елена пила кофе, ее лицо было спокойным, но пальцы, обхватывающие чашку, побелели от напряжения. Лева непрерывно обзванивал контакты, выясняя, как развиваются события. Я сидел у окна, глядя на море, и пытался осознать, что мы только что сделали.

— Борис Иванович объявлен в розыск, — сказал Лева, откладывая телефон. — Интерпол выдал ордер. Его счета в Швейцарии заморожены. Партнеры отказываются от контактов. Он в бегах.

— Он не сдастся, — покачала головой Елена. — Борис не из тех, кто сдается. Он будет мстить.

— Ему некогда мстить, — возразил Лева. — Сейчас его главная задача — сохранить себя. С такими ресурсами, как у него, можно исчезнуть. Начать новую жизнь где-нибудь в Юго-Восточной Азии или Латинской Америке.

— Ты не знаешь Бориса, — Елена поставила чашку. — Он никогда не прощает предательства. А для него все, что произошло, — это мое предательство. И Мирона.

— Она права, — сказал я, поворачиваясь от окна. — Борис Иванович не убежит. Он захочет покончить. Вопрос не в том, будет ли он мстить, а в том, когда и как.

Лева задумался, постукивая пальцами по столу.

— Тогда нам нужно уходить. Глубже. Туда, где он нас не найдет.

— И где же это место? — усмехнулась Елена. — На Луне?

— Есть один вариант, — Лева понизил голос. — Старый друг. Он живет в Марокко, в горах. Дом вдали от цивилизации. Там можно переждать, пока уляжется шум.

— Марокко, — протянула Елена. — Это далеко. И безопасно?

— Абсолютно. Он не имеет никакого отношения к нашему миру. Бывший врач, ушел в отшельники после смерти жены. Ему можно доверять.

Я посмотрел на Елену. Она колебалась, но я видел в ее глазах согласие. Бежать. Снова. После стольких лет бегства — снова в путь.

— А что с Русланом? — спросил я. — Мы не можем его бросить.

— Руслан в безопасности, — ответил Лева. — Он вышел на связь час назад. Сидит в Каире, ждет указаний. Я сказал ему лететь в Марокко. Он встретит нас там.

Я кивнул. Хотя бы одна хорошая новость.

Сборы заняли два часа. Мы взяли только самое необходимое — документы, деньги, ноут-буки. Остальное Лева обещал организовать на месте. Елена упаковала портфель, в котором теперь вместо компромата лежали фотографии, письма и старая, выцветшая фотография трех молодых мужчин, обнимающихся на фоне черного Mercedes. Сергей, Борис, Лева. Друзья. Когда-то.

— Это все, что у меня осталось, — сказала она, пряча фото в сумку. — Вся жизнь.

Мы выехали на рассвете. Лева вел машину, не превышая скорости, тщательно следя за зеркалами. Елена сидела сзади, иногда закрывая глаза, иногда глядя в окно на проплывающие мимо турецкие деревни. Я смотрел на дорогу и думал о Лике.

Я не писал ей о том, что случилось. Не мог. Как объяснить девушке, которая ждет тебя в крошечной комнате общежития, что ты только что уничтожил одного из самых влиятельных людей в мире? Что теперь ты в бегах, что у тебя нет дома, нет будущего, нет ничего, кроме надежды, что однажды все это закончится?

Но я знал, что должен ей сказать. Не сейчас. Когда все уляжется. Когда я смогу смотреть ей в глаза без страха, что завтра меня убьют.

Границу с Грецией мы пересекли по поддельным документам, которые Лева подготовил заранее. Потом — паром в Италию. Потом — машина до испанского анклава в Марокко, Сеуты. И наконец — старый автомобиль, который ждал нас на парковке, с ключами под ковриком, как и обещал Лева.

В горы мы въехали на закате. Дорога петляла между скалами, иногда пропадая в облаках. Лева вел машину уверенно, как будто ездил здесь сотни раз. Елена молчала, глядя на закат. Я смотрел на горы и думал о том, что, наверное, так выглядят края земли. Место, где можно спрятаться от всего мира.

Дом оказался старой каменной постройкой, прилепившейся к склону горы. Внутри было чисто, но аскетично — кровати, стол, камин. И тишина. Такая глубокая, что звон в ушах казался оглушительным.

Хозяин, старик с белой бородой и спокойными глазами, встретил нас у порога. Он обнял Леву, кивнул Елене, посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Ты похож на отца, — сказал он. — Только глаза другие. Мягче.

— Вы знали моего отца? — спросил я.

— Знал. Лечил его, когда он приезжал сюда отдыхать. Хороший был человек. Слишком хороший для того мира.

Он провел нас внутрь, накормил простой, но вкусной едой, показал комнаты. Елена уснула почти сразу, как только голова коснулась подушки. Лева сидел у камина с хозяином, тихо разговаривая о чем-то своем. Я вышел на улицу.

Ночь в горах была холодной и прозрачной. Звезды висели так низко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой. Где-то внизу, в долине, мерцали огоньки деревни. А выше — только скалы, небо и тишина.

Я достал телефон. Связи не было. Никакой. Мы отрезаны от мира, от новостей, от всего, что происходит там, внизу. Хорошо это или плохо — я не знал.

Я сел на камень, глядя в темноту. Вспомнил Лику. Ее лицо, ее голос, ее руки, которые так умело перебирали провода и микросхемы. Ее слова: «Я буду ждать. Сколько нужно».

Сколько нужно. А сколько нужно? Месяц? Год? Десять лет? Имею ли я право заставлять ее ждать? Имею ли я право вернуться к ней, когда все это кончится, если я уже не тот Мирон, которого она знала?

— Не спится? — Лева вышел на улицу, закуривая.

— Думаю.

— О ней?

Я кивнул.

— Хорошая девушка, — сказал Лева. — Елена рассказывала. Программистка. Умная. Преданная.

— Она ждет.

— И будет ждать, — он сел рядом. — Такие ждут. Я знаю. Моя жена ждала меня из командировок. Иногда по полгода. Никогда не жаловалась.

— А сейчас?

— Сейчас ее нет, — он замолчал, глядя на звезды. — Рак. Не успел. Все бегал, все делал дела. А когда понял, что важно, было поздно.

Мы сидели в тишине, каждый думал о своем. Внизу, в долине, лаяла собака. Где-то далеко, за горами, шумело море. А здесь, на высоте двух тысяч метров, время остановилось.

— Как думаешь, Борис найдет нас? — спросил я.

— Найдет, — Лева выдохнул дым. — Он всегда находит. Вопрос не в том, найдет ли, а в том, успеем ли мы нанести удар первыми.

— Какой удар?

— Ты думаешь, документы — это все? — он усмехнулся. — Документы — это только начало. Чтобы уничтожить такого человека, как Борис, нужно лишить его всего. Денег, власти, связей. И главное — надежды на возвращение.

— И как это сделать?

— Уже делаем, — он посмотрел на меня. — Публикация в «Гардиан» — это только первый шаг. Сейчас за дело берутся другие. Те, кто ждал сигнала. Те, кто боялся, но теперь готов действовать. Борис Иванович думал, что у него нет врагов. Он ошибался.

Я смотрел на него и понимал, что этот тихий, спокойный человек, который двадцать лет притворялся, что смирился со смертью друга, все эти годы ждал. Ждал момента. Ждал шанса.

— А после? — спросил я. — Когда Бориса не станет? Что тогда?

— Тогда, — Лева потушил сигарету, — тогда каждый из нас решит, как жить дальше. Кто-то вернется к семье. Кто-то начнет новое дело. Кто-то просто будет жить. Спокойно. Без оглядки.

— А я?

— А ты, Мирон, — он посмотрел мне в глаза, — ты поедешь к своей девушке. И будешь жить. Ради себя. Ради нее. Ради отца, который мечтал, чтобы ты был счастлив. Это самое лучшее, что ты можешь сделать.

Я не ответил. Смотрел на звезды, которые казались такими близкими и такими далекими. Где-то там, за горизонтом, была Лика. Моя надежда. Мое будущее. Мой дом.

Утром мы проснулись от шума. Лева вскочил первым, схватил пистолет, который всегда держал под подушкой. Я подбежал к окну. Внизу, на горной дороге, пылила колонна машин. Три черных джипа, поднимающихся к дому.

— Это не Борис, — сказал Лева, всматриваясь. — Слишком открыто. Он так не работает.

— Кто тогда? — спросила Елена, выходя из комнаты.

— Не знаю. Но мы сейчас узнаем.

Он вышел на веранду, держа пистолет за спиной. Я остался у окна, наблюдая. Первый джип остановился в десяти метрах от дома. Дверь открылась, и из нее вышел человек. Высокий, седой, в простой серой рубашке. Я узнал его не сразу. А когда узнал — сердце ухнуло вниз.

Это был Руслан.

За ним из машины вышли еще двое. Мужчина и женщина. Мужчину я не знал. А женщину...

Я выбежал на веранду, не чувствуя ног.

Она стояла в свете утреннего солнца, в простых джинсах и свитере, с рюкзаком за спиной. Ее волосы были растрепаны, лицо бледное, глаза огромные, полные слез и улыбки одновременно.

— Лика, — выдохнул я.

Она сделала шаг, другой. Потом побежала. И я побежал навстречу, забыв обо всем — об осторожности, о страхе, о том, что вокруг люди, которые смотрят.

Мы столкнулись, обнялись, и я почувствовал ее запах — знакомый, родной, тот самый, от которого у меня перехватывало дыхание.

— Ты как... как ты... — я не мог говорить, слова застревали в горле.

— Руслан нашел меня, — прошептала она, уткнувшись лицом мне в грудь. — Сказал, что ты здесь. Что ты в безопасности. И я... я не могла больше ждать. Я должна была быть с тобой.

— Но как ты... откуда...

— Я хакер, Мирон, — она подняла голову, и в ее глазах сияла гордость. — Ты забыл? Я нашла вас по следам в сети. Через два дня после публикации. Руслан помог добраться.

Я посмотрел на Руслана. Он стоял у машины, курил и ухмылялся.

— Ты привез ее, — сказал я. — Спасибо.

— Не благодари, — он сплюнул. — Она сама меня нашла. Я просто дал машину и билеты. И охрану. Эта девчонка, — он кивнул на Лику, — страшнее любого киллера. Она взломала три моих аккаунта, пока доказывала, что она та, за кого себя выдает.

Лица покраснела, но не отвела взгляда.

— Я должна была убедиться, что это не ловушка, — сказала она. — Что Мирон действительно здесь.

Елена вышла на веранду, глядя на нас. На ее лице появилась улыбка — теплая, настоящая.

— Ты, наверное, та самая Лика? — спросила она.

— Да, — Лика кивнула. — А вы... вы тетя Мирона?

— Тетя, — Елена подошла, обняла ее. — Добро пожаловать в наше убежище. Здесь, конечно, не Мальдивы, но тихо.

Лица улыбнулась. Я смотрел на нее, на Елену, на Руслана, который курил, прикрывая глаза от солнца, на Леву, стоящего в дверях с пистолетом, который он наконец убрал. Мы были здесь, в горах, на краю света. Беглецы, изгои, люди без прошлого и будущего.

Но мы были вместе.

Я взял Лику за руку, повел в дом. Внутри горел камин, пахло хлебом и травами. Хозяин, старик с белой бородой, наливал чай в глиняные чашки.

— Садитесь, — сказал он, не оборачиваясь. — Чай остывает.

Мы сели за стол. Все вместе. Елена, Лева, Руслан, Лика, я. Чужие люди, которых свела одна история. История предательства, смерти и мести. Которая, возможно, подходила к концу.

Я взял чашку, отхлебнул. Чай был горьковатым, с травами, которые я не знал. За окном вставало солнце, золотя вершины гор. Новый день. Новая жизнь.

— Что теперь? — спросила Лика, глядя на меня.

— Теперь — жить, — ответил я. — Просто жить. Вместе.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было все — надежда, любовь, вера в то, что все будет хорошо. И я поверил. Впервые за много лет — поверил по-настоящему.

Глава 30

Глава 29. Тишина перед бурей

Дни в марокканских горах потянулись медленные, как горный мед. Убежище, которое Лева называл «домом старого друга», оказалось местом, где время застыло. Ни телефонов, ни интернета, ни новостей. Только скалы, небо, запах дикого тимьяна и тишина — такая густая, что можно было резать ножом.

Я просыпался рано, когда солнце только начинало золотить вершины. Лика спала рядом, свернувшись калачиком, её дыхание было тихим и ровным. Я смотрел на неё и не верил, что она здесь. Что она нашла меня. Что бросила всё — университет, общежитие, свою тихую жизнь — чтобы быть рядом с человеком, который принёс ей только проблемы.

Она проснулась с улыбкой.

— Ты снова на меня смотришь, — сказала она, не открывая глаз.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую. Твой взгляд тяжелый. Как одеяло.

— Я просто не могу поверить, что ты здесь.

Она открыла глаза, посмотрела на меня. В её взгляде не было сомнений. Только спокойная, глубокая уверенность.

— Я здесь, Мирон. И никуда не уйду. Даже если ты прогонишь.

— Я не прогоню.

— Знаю, — она придвинулась ближе, уткнулась носом мне в плечо. — Ты другой стал. Спокойнее. Мягче.

— Или просто устал.

— Или просто стал собой.

Мы лежали так, пока солнце не поднялось выше и не залило комнату золотым светом. За дверью послышались шаги — Лева уже на кухне возился с кофе. Руслан, который спал на веранде, чтобы охранять вход, громко зевнул и выругался на арабском, наступив на что-то острое.

— Жизнь налаживается, — прошептал я.

— Налаживается, — согласилась Лика.

За завтраком Елена объявила, что хочет поговорить. Она сидела во главе стола, перед ней лежал ноутбук, который Лева принёс из города.

— Вчера я съездила в деревню, — сказала она. — Лева договорился со знакомым, который дал мне доступ к интернету на час. Новости нехорошие.

Я напрягся. Руслан отложил лепешку, которую жевал. Лика взяла меня за руку под столом.

— Борис Иванович не объявился, — продолжала Елена. — Его счета заморожены, ордер на арест выдан, но его нет. Ни в России, ни в Европе, ни в ОАЭ. Он исчез.

— Исчез? — переспросил Руслан. — Как это — исчез? У него же везде люди. Кто-то должен был видеть.

— Видели, — кивнула Елена. — В последний раз его засекли в Дубае, за день до того, как мы забрали документы из банка. После этого — ни следа.

— Значит, он знал, — сказал Лева, наливая себе кофе. — Знал, что мы готовим удар, и заранее спрятался.

— Или готовит ответный, — добавил я.

Тишина повисла над столом. Даже птицы за окном, казалось, замолкли.

— Что нам делать? — спросила Лика. Её голос был спокойным, но я чувствовал, как её пальцы сжимают мою руку.

— Ждать, — сказала Елена. — Другого варианта нет. Мы здесь в безопасности. Дом не светится ни в каких базах. Еды хватит на месяц. У нас есть время.

— А если он найдёт нас? — спросил Руслан.

— Не найдёт, — отрезал Лева. — Я лично проверял маршрут. Мы не оставили следов.

— Он всегда находит, — тихо сказал я, вспоминая слова Левы, сказанные в первую ночь в горах.

После завтрака я вышел на веранду. Горы лежали передо мной, огромные и древние, такие же равнодушные к человеческим страстям, как и звёзды над ними. Я смотрел на долину, на тонкую нитку дороги, выющуюся между скал, и думал о том, как мы дошли до этой точки.

Лика вышла следом, бесшумно, как кошка. Села рядом, положила голову мне на плечо.

— О чём думаешь?

— Об отце. О том, что он чувствовал, когда понял, что Борис его не отпустит. О том, успел ли он испугаться.

— Думаю, он испугался не за себя, — тихо сказала Лика. — А за тебя. И за маму.

— Ты права, — я вздохнул. — Елена говорила, он хотел выйти из бизнеса, чтобы мы жили нормально. Чтобы я не пошёл по его стопам.

— И как? — она подняла голову, посмотрела мне в глаза. — Получилось?

— Нет, — я усмехнулся. — Я пошёл. Только хуже. Он хотя бы воевал с врагами. А я воевал с теми, кто меня любил.

— Но ты остановился, — сказала она. — Ты выбрал правду. Ты пришёл ко мне. Разве это не главное?

Я посмотрел на неё. В её глазах не было осуждения. Только любовь. Та самая, которую я так долго искал и так боялся принять.

— Главное, — сказал я. — Ты — главное.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было всё — прощение, надежда, обещание.

Вечером мы сидели у камина. Елена рассказывала о детстве отца — о том, как они росли в маленьком городке под Саратовом, как он мечтал стать лётчиком, как она тайком читала его дневники. Руслан дремал в кресле, автомат на коленях. Лева чистил пистолет, иногда вставляя замечания — он тоже был там, в том прошлом, тоже часть той истории.

— Он был хорошим, — сказала Елена, глядя на огонь. — Добрым. Слишком добрым для того мира. Борис это понял быстро. И использовал.

— Использовал? — переспросил я.

— Он всегда завидовал Сергею. Завидовал его лёгкости, его умению радоваться жизни. Борис всё время был серьёзным, сосредоточенным, холодным. А Сергей умел смеяться, умел любить, умел дружить. Борис не прощал этого.

— И убил?

— И убил, — она повернулась ко мне. — Но не только поэтому. Борис убивал всех, кто становился на его пути. Сергей был не первым. И не последним.

— Но первым, кого ты любила, — сказал Лева, не отрываясь от своего занятия.

— Первым и единственным, — поправила она.

В комнате стало тихо. Только трещали дрова в камине. Лика прижалась ко мне, и я чувствовал тепло её тела, её дыхание, её присутствие. Живое, настоящее.

— Я хочу вернуться, — сказал я. — Когда всё закончится. Хочу поехать в тот город, где они жили. Найти могилу отца. Поговорить с ним.

— Я поеду с тобой, — сказала Лика.

— И я, — добавила Елена.

Мы сидели у огня, трое Вороновых — двое живых и один призрачный — и смотрели, как пламя пожирает дрова. Прошное сгорало в огне, уступая место будущему.

Ночью я не мог уснуть. Вышел на веранду, сел на каменную скамью. Горы спали, укрытые тьмой. Где-то далеко внизу мерцали огоньки деревни, а над головой висело огромное, чужое небо.

Ли́ка вышла через полчаса, накинув мой свитер.

— Не спится?

— Нет.

Она села рядом, молчала. Я знал, что она ждёт — не слов, а того, что я сам решу сказать.

— Я боюсь, — сказал я наконец. — Не за себя. За тебя. Если Борис найдёт нас...

— Не найдёт, — перебила она.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, — она показала на небо. — Там, внизу, я не знала, что будет. Здесь — знаю. Мы выживем, Мирон. Потому что у нас есть зачем.

— И зачем?

— Ты, — она взяла меня за руку. — Я. Наше будущее. То, что будет после.

Я смотрел на неё и думал, как могло случиться, что этот хрупкий, тихий человек стал моим якорем. Моей опорой. Моим домом.

— Я люблю тебя, — сказал я, и это не было ложью. Впервые — чистой, настоящей правдой.

Она улыбнулась, и в её глазах блеснули слёзы.

— Я знаю. Я всегда знала.

Мы сидели так до рассвета, глядя, как звёзды гаснут одна за другой, уступая место новому дню. Внизу, в долине, запел петух. Где-то далеко, за горами, шумело море.

А где-то там, в неизвестности, скрывался Борис Иванович — человек, который убил моего отца, разрушил жизнь моей матери, превратил моё детство в сплошную ложь. Он ждал. Готовил удар.

Но и мы ждали. И мы были готовы.

На этот раз — вместе.

Глава 31

Глава 30. Гости из прошлого

Десятый день в горах выдался тревожным с самого утра. Солнце взошло, но не согрело — по долине полз туман, густой и липкий, как вата. Лева с Русланом уехали на рассвете в деревню за продуктами, оставив нас с Еленой и Ликой.

Я сидел на веранде, попивая горький кофе, и чувствовал, как по спине бегают мурашки. Предчувствие. То самое, которое никогда не обманывало.

— Что-то не так? — спросила Лика, появляясь в дверях.

— Не знаю. Какое-то... напряжение в воздухе.

Она села рядом, взяла меня за руку. Её ладонь была тёплой и сухой.

— Может, просто туман действует?

— Может, — согласился я, но тревога не уходила.

В доме Елена разговаривала с хозяином о чём-то на французском — язык, которого я не знал, но интонации угадывал. Старик был взволнован, часто жестикулировал, поглядывал на дорогу.

— Что случилось? — спросил я, входя.

— Не знаю, — ответила Елена. — Он говорит, что вчера вечером в деревне появились чужие. Спрашивали про дом.

— Кто?

— Не местные. Говорили по-русски.

Кровь застыла в жилах. Я посмотрел на Лику, на Елену. Они смотрели на меня.

— Надо уходить, — сказал я.

— Куда? — спросила Елена. — Машины нет. Лева уехал.

— Пешком. В горы. Есть тропы?

Хозяин, поняв суть разговора, закивал. Он быстро объяснил Елене, что за домом есть старая тропа, ведущая к пещере. Там можно переждать.

— Собирайтесь, — сказал я. — У нас есть полчаса, может, час.

Мы лихорадочно упаковали рюкзаки — документы, воду, еду, тёплые вещи. Лика сунула в свой рюкзак ноутбук, который Лева привёз из города. «Зачем?» — хотел спросить я, но не спросил. Она знала, что делает.

Через двадцать минут мы вышли. Хозяин провёл нас через задний двор, показал тропу — едва заметную среди камней и сухой травы.

— Идите вверх, — сказал он по-русски, коверкая слова. — Там пещера. Я скажу Лёве, где вы.

Мы двинулись. Елена шла первой — она была легче и быстрее нас. Я замыкал, помогая Лике там, где тропа становилась особенно крутой.

Туман сгущался. Через полчаса мы уже не видели ни дома, ни долины — только серую мглу вокруг и камни под ногами.

— Мирон, — позвала Лика, когда мы остановились передохнуть. — А если это не Борис? Если просто туристы?

— Туристы не спрашивают про дом по-русски в марокканской глуши, — ответил я, хотя сам надеялся, что она права.

Елена ждала нас на выступе скалы, указывая вверх.

— Там, — сказала она. — Видите расщелину? Вход в пещеру.

Пещера оказалась неглубокой, но достаточно просторной, чтобы укрыться от непогоды. Внутри было сухо и темно. Елена достала фонарик, осветила стены — древние, гладкие, с натёками сталактитов.

— Здесь когда-то жили люди, — сказала она. — Видите следы кострища?

В углу действительно чернело старое, давно остывшее пепелище. Мы устроились рядом, расстелили куртки.

— Как думаете, они нас найдут? — спросила Лика.

— Если это Борис — найдут, — ответил я. — Вопрос времени.

— А если не найдут? — она посмотрела на меня.

— Тогда мы переждём и вернёмся. Как только свяжемся слевой.

Тишина в пещере была густой и давящей. Я сидел, прислушиваясь к звукам снаружи, но слышал только собственное дыхание и редкое постукивание камней — может, осыпались, может, кто-то поднимался по тропе.

Прошёл час. Потом второй. Мы уже начали успокаиваться, когда снизу донеслись голоса.

Я замер. Лика прижалась ко мне, её дыхание стало частым. Елена погасила фонарик.

Голоса приближались. Говорили по-русски. Двое, может, трое. Я напряг слух, пытаюсь различить слова, но эхо в ущелье искажало звуки.

— ...здесь, я точно помню, — сказал один. Голос показался знакомым.

— Проверь ту расщелину, — ответил другой. Этот был незнакомым.

Я сжал руку Лики. В пещеру заглянул луч фонаря, скользнул по стенам, едва не зацепив наши лица.

— Пусто, — сказал первый голос. — Пойдём выше.

Луч исчез. Шаги удалились. Я выдохнул, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Кто это был? — прошептала Лика.

— Не знаю. Но первый голос... мне показалось, я его знаю.

— Откуда?

— Не помню. Но он знакомый.

Мы ждали ещё час. Потом другой час. Когда голоса стихли совсем, я решил выглянуть.

Туман начал рассеиваться. Внизу, у тропы, никого не было. Я спустился на несколько метров, осмотрелся. На камне, придавленном веткой, лежала записка.

Я развернул её. Всего три слова, написанных знакомым, неровным почерком:

«Он знает. Уходите».

Я перечитал несколько раз. Почерк был Руслана.

— Что там? — крикнула сверху Елена.

Я поднялся обратно, передал записку. Она прочитала, побледнела.

— Руслан нас предупреждает, — сказала она. — Значит, он с ними. Или...

— Или его заставили, — закончил я. — А записку он оставил тайком.

— Что будем делать? — спросила Лика.

Я посмотрел на горы. Внизу, где-то в тумане, остался дом, который больше не был убежищем. Впереди — только скалы, холод и неизвестность.

— Идём дальше, — сказал я. — Туда, где нас не найдут.

— А если не найдётся такого места? — спросила Елена.

— Найдётся, — я взял Лику за руку. — Должно найтись.

Мы двинулись вверх, оставляя позади пещеру, записку и голоса, которые, возможно, пришли за нами. Город, как казалось, сжимался вокруг, но мы продолжали идти — трое беглецов, связанных одной кровью и одной надеждой.

К ночи мы нашли ещё одно укрытие — старый каменный загон для скота, полуразрушенный, но с крышей. Елена развела маленький костёр, спрятав его от посторонних глаз. Лика достала из рюкзака ноутбук, который тащила всю дорогу.

— Зачем он тебе? — спросил я.

— Связь, — ответила она, открывая крышку. — Я установила спутниковый модем. Если есть сигнал — мы сможем позвонить.

— Кому?

— Тем, кто нам поможет.

Она включила ноутбук, начала настраивать оборудование. Её пальцы летали по клавишам, на экране мелькали строки кода.

— Есть, — сказала она через десять минут. — Сигнал слабый, но есть.

Она набрала номер. Мы ждали. Гудки, потом — щелчок.

— Аллю? — голос на том конце был мужским, усталым.

— Это Лика, — сказала она. — Мы в горах. Нам нужна помощь.

— Где именно?

Она передала координаты, которые определил ноутбук. Голос на том конце помолчал, потом ответил:

— Ждите. Мы придём.

Связь оборвалась. Лика закрыла ноутбук, посмотрела на меня.

— Кто это был? — спросил я.

— Журналист из Лондона, — ответила она. — Марк Томпсон. Он обещал помочь, если понадобится.

Я смотрел на неё и понимал, что этот тихий, незаметный человек — гениальный программист, который никогда не был ни чьим активом, — на самом деле был самым сильным из всех нас. Она не умела стрелять, не умела врать, не умела манипулировать. Но она умела строить мосты там, где другие видели только пропасть.

— Ты гений, — сказал я.

— Я знаю, — она улыбнулась, и в этой улыбке была та самая тихая гордость, которая делала её прекрасной.

Мы сидели у костра, слушая, как ветер гуляет в горах. Где-то внизу нас искали люди Бориса Ивановича. А где-то наверху, за облаками, уже летел самолёт, который должен был вытащить нас из этой передраги.

— Что будет после? — спросила Лика.

— После — новая жизнь, — ответил я. — Без бегства. Без страха. Только ты и я.

— И Елена?

— И Елена. И Руслан, если захочет.

— А если Борис найдёт нас снова?

Я посмотрел на огонь, подумал.

— Тогда мы будем готовы. В этот раз — по-настоящему.

Она кивнула, придвинулась ближе. Я обнял её, чувствуя, как её тело расслабляется в моих руках.

— Ты не боишься? — спросил я.

— С тобой — нет, — ответила она.

Костер догорал. За стенами старого загона шумел ветер, а в небе, среди звёзд, уже мигал огонёк приближающегося самолёта. Ночь заканчивалась. И вместе с ней заканчивалось наше бегство.

Глава 32

Глава 31. Человек, который пришёл с неба

Самолёт появился над нами в пятом часу утра, когда небо только начинало светлеть, а звёзды ещё не успели погаснуть. Сначала я услышал звук — далёкий, едва различимый гул, который постепенно нарастал, заполняя собой всё ущелье. Потом увидел огни — два маленьких маячка, блуждающих среди облаков.

— Идут, — сказала Лика, стоя рядом со мной на каменистом выступе.

Я смотрел в небо и не верил, что этот сон наяву — реальность. Ещё вчера мы прятались в пещере, слушая шаги людей Бориса Ивановича. А сегодня нас вывозил частный самолёт, который организовал лондонский журналист, взявшийся за расследование, способное уничтожить империю убийцы моего отца.

Посадочную площадку нашёл Лева. Он вернулся за нами через три часа после того, как Лика позвонила Марку, приехав на старом пикапе, который взял в деревне. Его лицо было разбито — ссадина на скуле, рассечённая бровь, распухшая губа. Руслан избил его, когда понял, что Лева пытался предупредить нас.

— Прости, — сказал Лева, когда я помогал ему вылезти из машины. — Я не смог его остановить. Они пришли на рассвете. Руслан... он не хотел, но они заставили.

— Кто заставил?

— Люди Бориса. Трое. С оружием. Они сказали, что, если Руслан не приведёт их к дому, они убьют нас всех. Он согласился, но оставил записку. Я видел, как он положил её на камень, когда они проходили мимо пещеры.

— Он жив? — спросил я.

— Жив. Они забрали его с собой. Сказали, что он нужен как заложник. На случай, если мы решим сопротивляться.

Я стиснул зубы. Руслан, который хотел убить меня в первую нашу встречу, теперь рисковал собой, чтобы спасти нас. Ирония судьбы.

Посадочную площадку Лева выбрал на плоском плато в получасе ходьбы от загона. Место было открытое, продуваемое всеми ветрами, но достаточно ровное, чтобы принять небольшой самолёт.

Мы ждали втроём — я, Лика и Елена. Лева остался у машины, чтобы в случае чего прикрывать отход. Его пистолет был заряжен, и он был готов стрелять. Мы договорились: если самолёт сядет, я увожу женщин, Лева прикрывает. Если люди Бориса появятся раньше — Лева отвлекает, мы бежим в горы.

Но люди Бориса не пришли.

Самолёт — маленький, восьмиместный Cessna — коснулся земли ровно в пять утра. Винты подняли тучу пыли и мелких камней, но пилот — молодой парень с арабской внешностью и спокойными глазами — справился с посадкой виртуозно.

Дверь открылась, и из салона вышел Марк Томпсон. В свете фар он казался пришельцем из другого мира — в дорогом пальто, с кожаным портфелем в руке и с тем самым профессиональным спокойствием, которое я запомнил по встрече в Лондоне.

— Мирон, — он протянул руку. — Рад видеть вас живым.

— Взаимно, — ответил я, пожимая его ладонь. — Спасибо, что прилетели.

— Это моя работа, — он кивнул Елене, потом перевёл взгляд на Лиду. — Вы, должно быть, та самая девушка, которая взломала три аккаунта, чтобы найти нас?

— Я, — Лика улыбнулась. — Пришлось постараться.

— Я впечатлён, — он улыбнулся в ответ. — Но сейчас не время для комплиментов. Нам нужно убираться отсюда. Быстро.

Мы забрали Леву и погрузились в самолёт. Марк сел рядом с пилотом, надел наушники. Мы разместились в тесном, но уютном салоне. Елена заняла место у окна, Лика рядом со мной, Лева — у двери, положив пистолет на колени.

— Взлетаем, — сказал пилот.

Мотор взревел, и самолёт покатился по каменистому плато, подпрыгивая на ухабах. Я сжал руку Лики, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Всё будет хорошо, — прошептала она.

— Знаю, — ответил я, хотя не был уверен.

Самолёт оторвался от земли, и нас вдавило в кресла. Плато, загон, горы — всё осталось внизу, уменьшаясь, превращаясь в игрушечный мир, в котором мы оставляли прошлое. В котором Борис Иванович ещё искал нас, не зная, что мы уже ускользнули.

Когда самолёт набрал высоту и выровнялся, Марк обернулся к нам.

— Летим в Лиссабон, — сказал он. — Там безопасно. У меня есть знакомые, которые помогут с документами и жильём. На пару дней, пока не решим, что делать дальше.

— А Борис? — спросила Елена. — Что с ним?

— Он в бегах, — ответил Марк. — Интерпол выдал ордер, его счета заморожены, партнёры открестились. Но он не сдаётся. Наши источники говорят, что он собирает силы для последнего удара.

— Какого удара?

— Он хочет вернуть документы. Те самые, что вы передали мне. Без них он не может восстановить свою империю. И он знает, что они у меня.

— Они у вас? — я напрягся.

— Копии, — Марк похлопал по портфелю. — Оригиналы в надёжном месте. В Лондоне, в сейфе, к которому никто не имеет доступа, кроме меня и моих редакторов.

— А мы? — спросила Лика. — Что будет с нами?

Марк посмотрел на неё, потом на меня.

— Вам нужно исчезнуть. На время. Пока Бориса не поймают или пока его империя не рухнет окончательно. Я могу помочь с документами, деньгами, жильём. Но решать вам.

Я посмотрел на Елену. Она кивнула. На Лику. Она сжала мою руку.

— Мы согласны, — сказал я.

Самолёт летел на запад, оставляя позади горы, пустыню и всё, что было раньше. Внизу, где-то в тумане, оставался дом, в котором мы прятались. Оставались люди, которые нас искали. Оставался Руслан, которого мы обещали не бросать.

— А Руслан? — спросил я. — Мы не можем его оставить.

— Не оставим, — ответил Марк. — У меня есть люди в Марокко. Они уже ищут его. Как только найдут — вывезут.

Я выдохнул. Ещё один человек, которого мы должны спасти. Ещё один долг, который нужно вернуть.

Лика уснула у меня на плече. Её дыхание было ровным и спокойным. Я смотрел на неё и думал о том, как много изменилось за последние месяцы. Из циничного афериста, который использовал женщин как ступеньки, я превратился в человека, за которым охотится один из самых опасных преступников мира. И этот человек не был мне чужим. Он убил моего отца. Он хотел убить меня. Он держал в заложниках Руслана, который стал мне больше, чем другом.

— Мирон, — позвала Елена, когда солнце поднялось над облаками и залило салон золотым светом.

— Да?

— Я хочу, чтобы ты знал. То, что ты сделал — это больше, чем просто месть. Это — справедливость. Твой отец гордился бы тобой.

Я посмотрел на неё. В её глазах стояли слёзы, но она улыбалась.

— Я сделал это не ради него, — сказал я. — И не ради справедливости. Я сделал это ради себя. Чтобы перестать быть тем, кем меня сделали.

— И кем же тебя сделали?

— Тем, кто боится, — я посмотрел на спящую Лику. — Тем, кто не умеет любить. Тем, кто видит в людях только инструменты. Я не хочу быть таким.

— Ты и не будешь, — она взяла меня за руку. — Ты уже не такой.

Самолёт летел над Атлантикой, когда Лика проснулась. Солнце стояло в зените, и океан внизу был синим-синим, бесконечным, как надежда.

— Мы скоро? — спросила она.

— Через час, — ответил я.

— А что потом?

— Потом — новая жизнь, — я поцеловал её в лоб. — Без страха. Без бегства. Только ты и я.

— И Елена?

— И Елена.

— И Руслан?

— И Руслан, если захочет.

Она улыбнулась, прижалась ко мне.

— Я никогда не думала, что буду здесь, — сказала она. — В самолёте, над океаном, с человеком, которого люблю. Когда я сидела в своей комнате в общежитии и писала код, я мечтала о чём-то большом. Но не настолько.

— А ты жалеешь?

— Нет, — она посмотрела мне в глаза. — Ни капли.

Внизу показалась земля — зелёная, холмистая, с белыми точками домов и тонкими нитями дорог. Лиссабон встречал нас солнцем и ветром, пахнущим морем и цветами.

Самолёт пошёл на снижение. Я смотрел в иллюминатор и думал о том, что это не конец. Это только начало. Нового пути. Нового Мирона Воронова. Того, который не боится. Того, который умеет любить. Того, кто выбрал правду, а не выгоду. Выбрал жизнь, а не бегство. Выбрал её.

— Пристегните ремни, — сказал пилот. — Идём на посадку.

Самолёт коснулся земли мягко, как перышко. Мы вышли на лётное поле, щурясь от яркого солнца. Марк связался с кем-то по телефону, договорился о машине. Лева оглядывался по сторонам, привычно оценивая обстановку. Елена смотрела на горизонт, на море, на город, который станет нашим новым убежищем.

А я смотрел на Лику. Она стояла рядом, её волосы развевал ветер, и она улыбалась.

— Ну что, Мирон, — сказала она. — Готова начать новую жизнь?

Я взял её за руку.

— Готов, — ответил я. — Вместе.

И мы пошли вперёд — в город, который не знал нас, в будущее, которое мы выбрали сами. Без лжи. Без страха. Без прошлого, которое осталось там, в горах, в пещере, в записке на камне.

Впереди была новая жизнь. И мы были готовы её встретить.

Глава 33

Глава 32. Лиссабонский узел

Лиссабон встретил нас не солнцем и цветами, как обещало утро, а холодным, пронизывающим ветром с Атлантики и низкими тучами, которые ползли с океана, цепляясь за крыши домов, как клочья старой ваты. Марк поселил нас в небольшой гостинице в районе Алфама — лабиринте узких улочек, выложенных брусчаткой, где машины не проезжали, а звуки шагов гулко разносились между старыми стенами.

— Здесь безопасно, — сказал он, пока мы поднимались по крутой лестнице к нашим номерам. — Мои люди проверили. Никаких хвостов. Гостиница принадлежит знакомым. Никто не задаёт лишних вопросов.

— Надолго мы здесь? — спросила Елена, оглядываясь на узкую улочку вниз.

— Пара дней. Пока я не договорюсь с властями о защите свидетелей. Ваши показания нужны для дела. Без них ордер на арест Бориса Ивановича — просто бумажка.

— А если он найдёт нас раньше?

— Не найдёт, — уверенно сказал Марк, хотя я заметил, как он переглянулся с Левой. Они знали больше, чем говорили.

Нам дали три смежных номера на последнем этаже. Елена заняла один, Лева — соседний, мы с Ликой — третий, с маленьким балкончиком, с которого открывался вид на крыши старого города и серую ленту Тежу вдалеке.

Лика стояла у перил, глядя на город, и молчала. Я подошёл сзади, обнял её, чувствуя, как её тело расслабляется в моих руках.

— Ты как? — спросил я.

— Странно, — ответила она. — Как будто мы не убежали, а просто... переместились в другую реальность. Вчера были горы, пещера, люди с автоматами. А сегодня — Лиссабон, гостиница, чай с пирожными.

— Это называется безопасность, — я поцеловал её в макушку. — Наслаждайся, пока есть.

— А когда не будет?

Я не ответил. Не потому, что не знал, а потому что не хотел думать о том дне, когда Борис Иванович снова появится на горизонте. Он был как тень — всегда рядом, даже когда его не видно.

Вечером мы собрались в номере Елены. Марк принёс ноутбук, подключил защищённую линию связи. На экране появился человек — пожилой, с жёстким лицом и внимательными глазами. Марк представил его как полковника полиции, курирующего международные расследования.

— Елена Воронова? — спросил он, глядя в камеру.

— Да, — ответила она, сидя прямо, с тем самым спокойствием, которое я так хорошо изучил.

— Ваши показания будут заслушаны в закрытом режиме через сорок восемь часов. До этого времени вы находитесь под защитой португальской полиции. Не покидайте гостиницу. Не выходите на связь с посторонними. Ваши телефоны изолированы.

— А мой племянник? — спросила Елена. — Мирон Воронов. Он тоже будет давать показания?

— В случае необходимости. Пока он — свидетель. Но если Борис Иванович будет арестован, показания Мирона могут потребоваться для подтверждения фактов, изложенных в документах.

Связь прервалась. Марк закрыл ноутбук.

— Всё идёт по плану, — сказал он. — Ещё пара дней, и вы будете в безопасности.

— А Руслан? — спросил я. — Что с ним?

Марк помедлил, потом достал телефон, показал сообщение.

«Нашли. Жив. Вывозят через Испанию. Буду завтра».

Я выдохнул, чувствуя, как напряжение отпускает. Руслан жив. Руслан в безопасности. Ещё один человек, которого мы не бросили.

Ночью я не спал. Лежал на узкой гостиничной кровати, глядя в потолок, и слушал, как Лика дышит рядом. Во сне она была спокойной, беззащитной, совсем не похожей на ту хакершу, которая взломала три аккаунта, чтобы найти меня.

Я думал о Борисе Ивановиче. О том, где он сейчас. Прячется в каком-нибудь убежище, как мы прятались в горах? Или уже строит новый план, ищет новые рычаги, чтобы вернуть власть? Таким, как он, не привыкать начинать с нуля. У них всегда есть запасной вариант.

В три часа ночи я встал, накинул куртку и вышел на балкон. Ветер стих, тучи разошлись, и над городом повисло огромное звёздное небо — чужое, но такое же, как над горами, как над пустыней, как над той крышей в Москве, где я когда-то смотрел на звёзды и думал, что всё схвачено.

— Не спится? — Лева стоял на соседнем балконе, курил.

— Не спится.

— Это нормально, — он выпустил дым в ночное небо. — Когда всё закончится, тогда и выспишься.

— А когда всё закончится?

— Скоро, — он посмотрел на меня. — Борис сделал ошибку. Он поверил, что его никто не тронет. Что он неуязвим. Такие всегда ошибаются в конце.

— А если не ошибётся?

— Ошибётся, — Лева усмехнулся. — Я его знаю двадцать пять лет. Он самоуверенный, жадный и злой. Это плохая комбинация для финала.

Мы помолчали. Где-то внизу, брела пьяная компания — их песни эхом разносились между старых стен.

— Ты думал о том, что будет после? — спросил Лева.

— Думал, — я вздохнул. — Хочу вернуться. В Россию. К матери. Сказать ей, что я знаю правду. Что я не виню её.

— А она примет?

— Не знаю. Но я должен попробовать.

Лева кивнул, потушил сигарету.

— Должен, — сказал он. — Это правильно.

Утром пришло сообщение от Марка. Руслан пересек испанскую границу, через четыре часа будет в Лиссабоне. Я спустился вниз, чтобы встретить его у входа.

Он вышел из машины сам — помятый, с заживающими ссадинами, в чужой куртке, но живой. Увидел меня, усмехнулся.

— Ну что, Воронов, — сказал он, протягивая руку. — Говорил я тебе, что не надо ввязываться в эту историю?

— Говорил, — я пожал его ладонь. — Но ты же всё равно ввязался.

— Дурак, — он покачал головой. — Ладно. Где эта ваша гостиница? Я есть хочу.

В гостинице Руслана встретили как героя. Елена обняла его, Лева похлопал по плечу. Лика принесла кофе и пирожные, которые ей дала хозяйка.

— Рассказывай, — сказал я, когда он отдышался.

— Чего рассказывать? — он откусил пирожное. — Пришли, забрали. Били не сильно — я же полезный был. Показывал, где вы. Потом вы сбежали, они меня бросили. Думали, не нужен больше. А я нашёл телефон, позвонил Марку.

— И всё? — не поверил я.

— И всё, — он посмотрел мне в глаза. — Почти всё.

— Что значит «почти»?

Он помолчал, допил кофе.

— Борис Иванович был там. В горах. Лично. Он хотел сам вас взять.

У меня внутри всё похолодело.

— Он был там? — переспросил я.

— Был. Стоял внизу, когда вы поднимались в пещеру. Я видел его. Он смотрел наверх, улыбался. А потом сказал: «Пусть бегут. Так интереснее».

— Зачем он это сделал? — спросила Елена. — Почему не взял нас сразу?

— Он хочет поиграть, — ответил Руслан. — Для него это игра. Он хочет, чтобы вы бежали, боялись, надеялись. А потом, в самый последний момент, когда покажется, что вы спасены... он вас накроет.

В комнате повисла тишина. Я смотрел на Руслана, на Елену, на Леву. Лика прижалась ко мне, её рука дрожала.

— Значит, у нас есть время, — сказал я. — Он ждёт. Значит, мы можем подготовиться.

— Подготовиться? — Лева усмехнулся. — К чему? У нас нет оружия, нет людей, нет защиты. Мы — кучка беглецов, которую приютил журналист.

— У нас есть документы, — напомнил я. — Есть показания. Есть полиция, Интерпол, международное расследование. Если мы перестанем прятаться и выйдем в свет — Борис не сможет нас тронуть. Не в Лиссабоне. Не сейчас.

— Ты предлагаешь идти в полицию? — спросила Елена.

— Я предлагаю перестать быть жертвами, — ответил я. — Мы — свидетели обвинения. У нас есть то, что уничтожит Бориса Ивановича. Если мы спрячемся — он победит. Если выйдем — у него не будет шанса.

Лева смотрел на меня долго, изучающе. Потом кивнул.

— Может, ты и прав, — сказал он. — Может, хватит бегать.

Я посмотрел на Лику. Она улыбнулась.

— Я с тобой, — сказала она. — Куда бы ты ни пошёл.

Мы не пошли в полицию в тот день. И не на следующий. Мы ждали. Ждали, когда Марк договорится о защите, когда приедет полковник из Лиссабона, когда всё будет официально и безопасно.

А пока — жили. Гуляли, ели пирожные, пили кофе, смотрели, как солнце садится за мостом, окрашивая воду в розовый и золотой. Лика фотографировала всё подряд — узкие улочки, старые двери, кошек на карнизах. Елена сидела на балконе с книгой, которую нашла в гостиной. Лева и Руслан обсуждали новости по телевизору, иногда переходя на арабский, который я не понимал.

И в этой мирной, почти идиллической жизни, я вдруг осознал, что впервые за много лет не боюсь. Не боюсь будущего, не боюсь прошлого, не боюсь людей, которые меня окружают.

Я просто жил. Дышал. Смотрел на закат и чувствовал, как рядом бьётся сердце Лики.

— О чём ты думаешь? — спросила она, когда мы стояли на балконе в последний вечер перед тем, как дать показания.

— О том, что я счастлив, — ответил я. — Впервые в жизни.

Она улыбнулась, прижалась ко мне.

— Я тоже, — сказала она.

Где-то там, за горизонтом, Борис Иванович готовил свой последний удар. Где-то там нас ждали полицейские, допросы, суды, может быть, возвращение в Россию. Но сейчас, в этот миг, мы были вместе. Мы были живы. Мы были свободны.

И это было главное.

Глава 34

Глава 33. Последний раунд

Утро перед дачей показаний началось с того, что Марк разбудил нас звонком в дверь в шесть часов. Он был взволнован — я видел это по тому, как он теребил ремешок своего портфеля, как избегал смотреть в глаза.

— Что случилось? — спросил я, пропуская его в номер.

— Борис Иванович объявился, — сказал он, проходя к столу и открывая ноутбук. — Час назад. Позвонил в редакцию «Гардиан». Сказал, что хочет дать интервью. Лично. В ответ на нашу публикацию.

— Интервью? — я не верил своим ушам. — Он что, с ума сошел?

— Он хочет контролировать нарратив, — Марк открыл видеофайл. — Смотрите. Это прислали пять минут назад.

На экране появилось лицо Бориса Ивановича. Он сидел в кресле, в хорошо освещенной комнате, в дорогом костюме, с идеальной укладкой. Спокойный, уверенный, как будто не было ни бегства, ни замороженных счетов, ни ордера Интерпола.

— Я обращаюсь к тем, кто пытается очернить мое имя, — говорил он, глядя прямо в камеру. — Документы, опубликованные в «Гардиан», — фальшивка. Подделка, созданная моими конкурентами, чтобы уничтожить бизнес, который я строил двадцать пять лет. Елена Воронова, моя бывшая партнерша, страдает психическим расстройством. Ее племянник, Мирон Воронов, — мошенник и альфонс, который использовал женщин, чтобы пробиться в высшее общество. Их показания — ложь. И я готов это доказать в суде.

Он улыбнулся. Та самая улыбка, которую я видел в кабинете на вилле, когда он говорил о «логистике» и «специфических грузах».

— Я призываю правоохранные органы провести тщательное расследование. Я готов сотрудничать. Но я требую, чтобы те, кто распространяет клевету, понесли ответственность. В ближайшие дни я намерен подать иски о защите чести и достоинства во все суды, где это будет необходимо.

Видео оборвалось. Я смотрел на черный экран, чувствуя, как внутри поднимается холодная ярость.

— Он нас переигрывает, — сказал Марк. — Теперь это не расследование, а скандал. Не факты, а мнения. Пока мы доказываем, что документы настоящие, он создает шум. А в шуме, как известно, тонет правда.

— Что нам делать? — спросила Елена, входя в комнату. Она слышала всё из коридора.

— Выходить на публику, — ответил я. — Сделать то же, что и он. Дать интервью. Сказать правду. В лицо.

— Это рискованно, — заметил Марк. — Он может использовать ваши слова против вас.

— А если мы промолчим, он выиграет, — я посмотрел на Елену. — Ты готова?

Она помолчала, потом кивнула.

— Я ждала этого двадцать лет. Готова.

Марк организовал интервью за три часа. Телеканал, знакомый с его расследованиями, предоставил студию в центре Лиссабона. Мы поехали туда на двух машинах — Лева за рулем, Руслан на пассажирском, с пистолетом под курткой. Я сидел сзади с Ликой и Еленой.

— Как ты? — спросил я у Елены.

— Спокойна, — ответила она, но я видел, как дрожат ее руки.

— Я рядом, — сказал я.

— Знаю, — она улыбнулась. — Как и твой отец.

Студия оказалась маленькой, камерной. Ведущая — женщина лет сорока, с острым взглядом и профессиональной улыбкой — встретила нас в холле.

— Елена, Мирон, — сказала она, пожимая нам руки. — Спасибо, что согласились. Это будет прямой эфир. Без монтажа. Вы готовы?

— Готовы, — ответила Елена.

Мы прошли в студию. Свет, камеры, наушники. Елена села в кресло напротив ведущей. Я остался за кадром, рядом с Ликой.

— Через тридцать секунд выходим, — сказал режиссер.

Елена поправила прическу, расправила плечи. Я видел, как она преображается — из женщины, которая двадцать лет пряталась, превращается в ту, которая готова идти до конца.

— В эфире, — сказал режиссер.

Ведущая улыбнулась в камеру.

— Добрый день. Сегодня у нас в гостях Елена Воронова — женщина, чьи документы стали основой громкого расследования о коррупции и убийствах в высших эшелонах власти. Елена, вы видели заявление Бориса Ивановича, который назвал ваши документы подделкой. Что вы на это скажете?

Елена посмотрела в камеру. Ее лицо было спокойным, голос — ровным.

— Борис Иванович лжет, — сказала она. — Как лгал всегда. Документы, которые я передала в «Гардиан», — подлинные. Они собраны моим братом Сергеем Вороновым, которого Борис Иванович убил в 2003 году. Убил за то, что брат хотел выйти из бизнеса и начать честную жизнь.

— У вас есть доказательства? — спросила ведущая.

— Есть, — Елена достала из сумки письмо. — Это последнее письмо моего брата. Написано за два дня до его смерти. В нем он прямо указывает, что Борис Иванович угрожал ему и что он боится за свою жизнь.

Она протянула письмо в камеру. Оператор взял крупный план — знакомый почерк, знакомые слова, которые я уже знал наизусть.

— Это письмо было проверено экспертами, — продолжала Елена. — Как и все остальные документы. Борис Иванович может называть их подделкой, но факты говорят сами за себя. Его счета заморожены, ордер на арест выдан, партнеры отвернулись. Он не жертва клеветы. Он преступник, который двадцать лет уходил от правосудия.

— Что вы скажете о заявлении Бориса Ивановича, что ваш племянник, Мирон Воронов, — мошенник и альфонс? — спросила ведущая.

Елена посмотрела в сторону, где я стоял за кадром.

— Мирон — сын моего брата. Он вырос без отца, без знаний о том, что случилось. И он сделал ошибки. Много ошибок. Но когда перед ним встал выбор — продолжить играть по правилам Бориса Ивановича или встать на сторону правды — он выбрал правду. Он рисковал жизнью, чтобы помочь мне обнародовать эти документы. Он не альфонс и не мошенник. Он человек, который захотел измениться.

Я стоял за кадром и чувствовал, как Лика сжимает мою руку. Ее пальцы были теплыми, уверенными.

— Мирон Воронов сейчас с вами? — спросила ведущая.

— Да, — ответила Елена. — Он здесь.

— Вы хотите сказать несколько слов?

Я сделал шаг вперед, оказавшись в свете софитов. Камера повернулась ко мне. Я посмотрел прямо в объектив.

— Меня зовут Мирон Воронов, — сказал я. — И я действительно был тем, кем меня называет Борис Иванович. Я использовал людей, врал, манипулировал. Я думал, что это единственный способ выжить. Но потом я узнал правду о своем отце. И понял, что, если я не изменюсь — стану таким же, как Борис Иванович. Тем, кто убивает все живое вокруг себя.

Я сделал паузу. В студии было тихо, только гудели софиты.

— Я не прошу прощения. Прощение нужно заслужить. Но я хочу, чтобы те, кого я обидел, знали: я помню. И я готов ответить за свои поступки. Когда все это закончится, я приду к каждому. И скажу правду. Как сейчас.

Я отошел в сторону. Елена смотрела на меня, и в ее глазах стояли слезы.

— Вы верите, что Борис Иванович будет привлечен к ответственности? — спросила ведущая.

— Я надеюсь, — ответила Елена. — Но даже если нет, мы сделали главное. Мы сказали правду. Вслух. Чтобы все слышали.

Эфир закончился. Мы вышли из студии на холодный лиссабонский ветер. Марк ждал у машины, его телефон разрывался от звонков.

— Новости уже пошли, — сказал он. — Реакция бешеная. Соцсети кипят. Половина — за нас, половина — против. Но главное — дело сдвинулось. Интерпол активизировал розыск. Швейцарские банки размораживают счета для следствия.

— А Борис? — спросил я.

— Исчез. Снова, — Марк помрачнел. — После вашего интервью его никто не видел.

— Он не исчез, — сказал я. — Он готовится к последнему удару.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лика.

— Потому что я бы на его месте делал то же самое, — ответил я. — Когда теряешь всё — остается только месть.

В гостиницу мы вернулись затемно. Лева проверил коридоры, Руслан занял пост у входа. Елена ушла к себе, сказав, что устала. Лика осталась со мной.

Мы сидели на балконе, глядя на огни города. Внизу шумела музыка, смех, звон бокалов. Жизнь, которая шла своим чередом, не зная, что на краю этой жизни трое людей ждут последней схватки с прошлым.

— Мирон, — позвала Лика.

— Да?

— А если он правда придет? Что мы будем делать?

Я посмотрел на нее. В ее глазах не было страха. Был вопрос.

— Мы будем защищаться, — ответил я. — Вместе.

— А если не сможем?

— Сможем, — я взял ее за руку. — Мы уже столько прошли. Неужели сдадимся сейчас? Она улыбнулась, прижалась ко мне.

— Ты изменился, — сказала она. — Раньше ты бы придумал план, как перехитрить его. А теперь просто говоришь — будем защищаться.

— Потому что я понял, — ответил я. — Нельзя перехитрить того, кто играет без правил. Можно только встретить его лицом к лицу. И не отступить.

В дверь постучали. Три коротких удара — сигнал Левы.

Я открыл. Лева стоял в коридоре, лицо напряженное.

— Руслан поймал человека внизу, — сказал он. — Сказал, что хочет говорить с тобой. Лично.

— Кто он?

— Не говорит. Но сказал, что пришел от Бориса Ивановича.

Я посмотрел на Лика. Она встала, подошла ко мне.

— Я с тобой, — сказала она.

— Нет, — я покачал головой. — Оставайся здесь. Запри дверь. Никому не открывай.

— Мирон...

— Обещай.

Она помолчала, потом кивнула.

— Обещаю.

Я поцеловал ее и вышел в коридор.

Внизу, в маленькой гостиной при гостинице, сидел человек. Невысокий, плотный, в недорогом костюме, с лицом, которое трудно запомнить. Руслан стоял рядом, держа руку под курткой.

— Вы Мирон Воронов? — спросил человек, когда я вошел.

— Да. Кто вы?

— Меня зовут Виктор, — он встал, протянул руку. Я не пожал. — Я посланник Бориса Ивановича.

— С чем пришли?

— С предложением, — Виктор опустил руку, не обидевшись. — Борис Иванович готов прекратить войну. В обмен на документы. Оригиналы.

— Документы не у нас, — сказал я. — Вы это знаете.

— Знаю, — он кивнул. — Но вы можете повлиять на Марка Томпсона. Он вас слушает.

— И что взамен?

— Жизнь, — Виктор посмотрел мне в глаза. — Ваша. Вашей тети. Девушки. Ваших друзей. Борис Иванович не блефует. У него есть люди. Оружие. Ресурсы. Если вы откажетесь — он найдет вас. Где бы вы ни были.

— Передайте Борису Ивановичу, — сказал я, чувствуя, как внутри поднимается холодная ярость, — что я не торгуюсь с убийцами. И что правда стоит дороже, чем его обещания.

Виктор помолчал, потом кивнул.

— Я передам, — сказал он. — Но вы сделали ошибку, Мирон. Борис Иванович не прощает.

Он направился к выходу. Руслан хотел его остановить, но я покачал головой.

— Пусть идет, — сказал я.

Виктор вышел. Я остался в гостиной, глядя на закрытую дверь. Внутри было пусто и холодно.

— Ты уверен? — спросил Лева, выходя из тени.

— Уверен, — ответил я. — Если мы отдадим документы — он выиграет. А мы станем теми, кем он нас называет. Лжецами и трусами.

— А если он сдержит слово? Найдет нас?

— Найдет, — я посмотрел на Леву. — Но мы будем готовы.

Наверху, в номере, меня ждала Лика. Она сидела на кровати, обхватив колени руками. Увидев меня, вскочила.

— Что случилось?

— Ничего, — я обнял ее, чувствуя, как она дрожит. — Все хорошо.

— Ты дрожишь, — сказала она.

— Это холодно, — соврал я.

Она не поверила, но не стала спрашивать. Просто прижалась крепче.

Мы стояли так посреди темной комнаты, и я думал о том, что завтра начнется последний раунд. Без правил. Без судей. Только мы, Борис Иванович и правда, которая стоит дороже жизни.

Глава 35

Глава 34. Охота начинается

После визита посланника Бориса Ивановича гостиница перестала быть убежищем. Марк организовал переезд в течение часа — новые документы, новые машины, новый адрес. Мы собрали вещи за десять минут, погрузились в два автомобиля и выехали под покровом ночи, оставляя позади узкие улочки и старые фонари, которые казались теперь не романтичными, а зловещими.

— Куда мы едем? — спросила Лика, сидя рядом со мной на заднем сиденье.

— В безопасное место, — ответил Марк, не оборачиваясь.

— Вы уже говорили это в прошлый раз.

— В этот раз по-настоящему, — он посмотрел на меня в зеркало заднего вида. — У нас есть информация, что люди Бориса Ивановича уже в Лиссабоне. Трое. Профессионалы. Их привезли из России через Испанию.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— У меня есть источники. Человек, который их сопровождал, работает на нас. Он сообщил, что Борис дал команду: найти вас до того, как вы дадите официальные показания.

— Когда мы должны их дать? — спросила Елена с переднего сиденья.

— Завтра в десять утра. В здании суда. Под охраной полиции.

— Значит, у нас есть двенадцать часов, — сказал я.

— Меньше, — Марк помрачнел. — Борис Иванович знает, где вы. Он всегда знал.

В машине повисла тишина. Я смотрел в темноту за окном, на огни ночного города, которые мелькали и пропадали, как призраки. Мы были в Лиссабоне всего три дня, но этот город уже стал для нас и убежищем, и ловушкой.

Новое убежище оказалось квартирой в современном жилом комплексе на окраине города. Марк объяснил, что она принадлежит знакомому журналисту, который сейчас в командировке. Квартира на девятом этаже, с видеодомофоном, бронированной дверью и панорамными окнами, выходящими на океан.

— Здесь безопасно, — сказал Марк, пока мы осматривали комнаты. — Охрана внизу, камеры по периметру, два выхода — основной и запасной. Я буду с вами.

— А полиция? — спросил я.

— Завтра утром. До тех пор — только мы.

Руслан занял пост у входа. Лева проверил окна, убедился, что с балконов нет доступа к соседним квартирам. Елена ушла в спальню, сказав, что хочет отдохнуть перед завтрашним днем. Лика села на диван в гостиной, открыла ноутбук.

— Что ты делаешь? — спросил я, подходя.

— Проверяю системы безопасности, — ответила она, не отрываясь от экрана. — В доме есть камеры. Я подключаюсь к ним, чтобы видеть, что происходит на этаже и внизу.

— Ты можешь это сделать?

— Я уже сделала, — она повернула ко мне экран. На нем было восемь окон — холл первого этажа, лифты, коридор на нашем этаже, парковка. — Если кто-то войдет, я узнаю первой.

Я посмотрел на нее, на ее сосредоточенное лицо, на пальцы, летающие по клавишам. В этой маленькой, тихой девушке была сила, которой я не замечал раньше. Или не хотел замечать.

— Ты гений, — сказал я.

— Я знаю, — она улыбнулась, не отрываясь от экрана. — Иди, отдохни. Я разбужу, если что-то случится.

Я не мог уснуть. Лежал на диване в гостиной, глядя в потолок, и слушал, как тикают часы на стене. В соседней комнате спала Лика — я уговорил ее хотя бы на пару часов закрыть глаза, пообещав, что разбужу при первых признаках опасности. Руслан дремал у двери, автомат на коленях. Лева сидел на кухне, пил кофе и смотрел в темное окно.

В три часа ночи Лика вышла из спальни.

— Что-то есть? — спросил я, садясь.

— Нет, — она покачала головой. — Тишина. Но это странно. Если они знают, где мы, почему не идут?

— Может, ждут утра? — предположил Лева из кухни. — Когда мы поедем в суд.

— Или ждут, пока мы успокоимся, — сказал я. — Борис любит играть. Ему нравится, когда жертва надеется, а потом теряет все.

— Ты слишком много о нем думаешь, — заметила Лика, садясь рядом.

— Он убил моего отца, — ответил я. — Он разрушил жизнь моей матери. Он сделал меня тем, кем я был. Я имею право думать о нем.

— Имеешь, — она взяла меня за руку. — Но не сейчас. Сейчас нам нужно быть сильными. Вместе.

Я посмотрел на нее. В полумраке гостиной ее глаза казались огромными, полными света.

— Ты не боишься? — спросил я.

— Боюсь, — честно ответила она. — Но страх — это не повод сдаваться. Это повод быть умнее.

— И как ты предлагаешь быть умнее?

— У нас есть документы, — сказала она. — Оригиналы у Марка в Лондоне. Но у меня есть копии. Все до последней страницы. Я выгрузила их в облако в первый же день, когда мы прилетели в Лиссабон.

Я уставился на нее.

— Ты что?

— Если с нами что-то случится, эти документы уйдут в десяток изданий автоматически. Я настроила таймер. Через сорок восемь часов, если я не отключу его, письма улетят в «Гардиан», «Вашингтон пост», «Ле Мوند», еще в семь крупных газет по всему миру.

— И ты молчала?

— Ты не спрашивал, — она пожала плечами. — Я думала, это очевидно. Нельзя хранить все яйца в одной корзине.

Я смотрел на нее и понимал, что этот человек — самый умный, самый хитрый и самый опасный из всех, кого я знал. И она была на моей стороне.

— Я люблю тебя, — сказал я.

— Я знаю, — она улыбнулась. — Иди спать. Завтра будет тяжелый день.

В шесть утра Марк разбудил всех. Полицейское сопровождение должно было прибыть в восемь. До суда — двадцать минут езды. Короткий отрезок, который мог стать самым опасным в нашей жизни.

Мы позавтракали в тишине. Елена была спокойна, но я видел, как дрожит ее чашка с кофе. Руслан проверил оружие, зарядил запасные магазины. Лева наносил на карту маршрут, отмечая точки, где возможна засада.

— Оптимальный вариант — через набережную, — сказал он. — Меньше узких улиц, больше пространства для маневра.

— А если они будут ждать именно там? — спросил я.

— Тогда у нас есть запасной план, — он посмотрел на меня. — Но я надеюсь, что не придется его использовать.

— Какой план? — спросила Лика.

— Не важно, — ответил Лева. — Важно, чтобы он не понадобился.

В восемь ровно внизу появились полицейские машины — две, с мигалками, но без сирен. Марк связался с ними по рации, договорился о порядке движения.

— Выходим, — сказал он.

Мы спустились в лифте. Руслан шел первым, Лева замыкал. Я держал Лику за руку, Елена шла рядом.

В холле нас встретили двое полицейских в бронежилетах. Они проверили документы, кивнули.

— Следуйте за нами, — сказал один по-английски.

Мы вышли на улицу. Утро было холодным, небо затянуто тучами. Полицейские машины стояли у входа, моторы работали.

— Садитесь, — Марк открыл дверь первой машины.

В этот момент Лика дернула меня за руку.

— Мирон, — сказала она тихо, но в ее голосе был металл. — Камеры. Там, на парковке напротив. Три человека. Они не двигаются уже двадцать минут.

Я посмотрел туда, куда она указывала. Темный фургон, припаркованный в углу парковки. Никаких признаков жизни.

— Руслан, — позвал я.

Он уже видел. Его рука лежала на пистолете.

— Лева, уводи женщин, — сказал он спокойно. — Мы с Мироном разберемся.

— Нет, — я покачал головой. — Я не оставлю вас.

— Это не обсуждается, — Лева схватил меня за плечо. — Ты нужен в суде. Твои показания нужны. Иди.

Он толкнул меня к машине. Я хотел возразить, но Лика уже тащила меня за руку.

— Пожалуйста, — сказала она. — Пожалуйста, идем.

Я сел в машину. Елена была уже внутри, бледная, но спокойная. Марк захлопнул дверь.

— Поехали, — крикнул он полицейскому.

Машины рванули с места. Я обернулся. Руслан и Лева остались на улице, смотря в сторону фургона. Руслан что-то говорил по рации. Лева держал руку за пазухой.

— Они будут в порядке? — спросила Лика.

— Должны, — ответил я, хотя уверенности не было.

Мы ехали по набережной, полицейские машины прикрывали нас сзади и спереди. Город проносился мимо — серый, холодный, чужой. Я смотрел в окно и думал о Руслане, который еще месяц назад хотел меня убить, а теперь прикрывал наш отход. О Леве, который двадцать лет ждал этого дня. О Елене, которая наконец перестала бежать.

— Мы сделаем это, — сказала Елена, как будто прочитав мои мысли. — Мы должны.

Суд встретил нас мрамором, стеклом и тишиной. Нас провели через служебный вход, минуя главный холл. В коридорах было пусто — специально, чтобы не привлекать внимания.

В зале заседаний нас ждали судья, прокурор и адвокаты. Без прессы, без зрителей. Только официальные лица.

— Вы готовы дать показания? — спросила судья, женщина лет пятидесяти с усталым, но внимательным лицом.

— Готова, — сказала Елена.

— Готов, — сказал я.

Мы сели за стол. Елена начала рассказывать. О девяностых, о бизнесе, о брате. О письме, которое он написал перед смертью. О документах, которые она хранила двадцать лет.

Я смотрел на нее и видел не женщину, которая двадцать лет пряталась. Я видел человека, который наконец обрел голос.

— Ваша очередь, Мирон, — сказала судья.

Я встал. Рассказал о том, как Борис Иванович нанял меня. О схеме с искусством. О Мальдивах, о Лике, о побеге. О том, как я узнал правду о своем отце.

— Вы осознаете, что ваши показания могут быть использованы против вас? — спросила судья.

— Осознаю, — ответил я. — Я готов понести наказание за то, что сделал. Но Борис Иванович должен ответить за смерть моего отца.

Судья кивнула.

— Показания приняты, — сказала она. — Вы свободны.

Мы вышли из зала. В коридоре нас встретил Марк. Его лицо было бледным.

— Что случилось? — спросил я.

— Руслан и Лева, — сказал он. — Они задержали людей в фургоне. Троих. При них было оружие. Но... Бориса Ивановича с ними не было.

— Где он?

— Неизвестно. Но он в Лиссабоне. Мы это знаем.

Я посмотрел на Лику. Она стояла рядом, бледная, но спокойная.

— Он придет за нами, — сказал я. — Рано или поздно.

— Тогда мы будем ждать, — ответила она. — Вместе.

Мы вышли на улицу. Солнце пробилось сквозь тучи, заливая город бледным, но настоящим светом. Впереди была новая жизнь. Или новая битва. Но мы были готовы. Все вместе.

Глава 36

Глава 35. Дым и зеркала

Показания в суде заняли три часа. Елена говорила, не сбиваясь, называя даты, имена, суммы. Я смотрел на неё и видел ту самую сталь, которая двадцать лет держала её на плаву. Судья задавала вопросы, прокурор уточнял детали, адвокаты делали пометки в блокнотах. Это было похоже на хорошо отрепетированный спектакль, в котором у каждого была своя роль.

Моя очередь наступила после полудня.

— Мирон Воронов, — судья посмотрела на меня поверх очков. — Вы подтверждаете, что Борис Иванович лично угрожал вам и вашей семье?

— Подтверждаю.

— Вы готовы повторить свои показания под присягой?

— Готов.

Я рассказывал о том, как меня завербовали, как я возил Елену из Дубая, как бежал через Турцию в Марокко. О визите посланника, который предлагал сделку. О письме отца, которое перечитывал сотни раз. О Лике, которая верила в меня, даже когда я сам в себя не верил.

— Вы осознаёте, что ваши показания могут быть использованы для возбуждения уголовного дела против вас? — спросила судья, когда я закончил.

— Осознаю, — ответил я. — Я готов отвечать за свои поступки.

Она кивнула, сделала пометку. Процесс был окончен.

В коридоре нас встретил Марк. Он был бледнее обычного, глаза бегали.

— Что случилось? — спросил я.

— Борис Иванович объявился, — сказал он. — Час назад. Позвонил в португальскую полицию. Сказал, что хочет сдать.

— Что? — Елена остановилась. — Это ловушка.

— Возможно, — Марк сжал губы. — Но полиция обязана реагировать. Они назначили встречу. Сегодня в шесть вечера. В аэропорту. Он сказал, что прилетит частным рейсом.

— И вы верите? — спросил я.

— Я верю в то, что полиция хочет его взять, — ответил Марк. — Им нужен громкий арест. Им плевать, настоящий он или фальшивый.

— Значит, это не он, — сказал я. — Борис Иванович не сдаётся. Это отвлекающий манёвр.

— Чтобы мы успокоились, — добавила Лика. — Чтобы думали, что опасность миновала.

— А настоящий удар будет нанесён где-то ещё, — закончил я.

Мы переглянулись. В воздухе висело напряжение, плотное, как перед грозой.

— Что будем делать? — спросила Елена.

— Уходить, — ответил я. — Немедленно. Пока полиция занята призраком в аэропорту.

Марк колебался. Я видел, как в нём борются журналист, который хочет быть в центре событий, и человек, который обещал нас защитить.

— У тебя есть безопасное место? — спросил я. — Не в Лиссабоне.

— Есть, — он кивнул. — В Кашкайше. Домик на побережье. Там тихо, людей нет. Но нужно ехать сейчас.

— Поехали.

Мы вышли из здания суда через служебный вход. Руслан ждал у машины, Лева сидел за рулём. Марк отправил полицейское сопровождение, сказав, что мы сами доберёмся до гостиницы. На самом деле мы направились прямо на выезд из города.

Кашкайш оказался маленьким курортным городком в получасе езды от Лиссабона. Домик Марка стоял на обрыве, с видом на океан, в окружении сосен и скал. Место было уединённым, почти безлюдным — идеальное убежище для тех, кто не хочет, чтобы его нашли.

— Здесь мы пробудем до завтра, — сказал Марк, открывая дверь. — Потом я свяжусь с полицией, узнаю, чем кончилась встреча в аэропорту.

— А если это всё же был он? — спросила Елена.

— Тогда нам больше нечего бояться, — ответил Марк. — Но я в это не верю.

Домик оказался маленьким, но уютным. Две спальни, гостиная с камином, кухня, терраса с видом на океан. Руслан и Лева заняли позиции у входа. Елена ушла в одну из спален, сказав, что хочет отдохнуть. Мы с Ликой остались в гостиной.

Я стоял у окна, глядя на серую воду, которая билась о скалы внизу. Ветер нёс с океана холод и запах соли.

— О чём думаешь? — спросила Лика, подходя сзади.

— Об отце, — ответил я. — О том, что он чувствовал в последние минуты. Знал ли, что умирает? Боялся ли?

— Наверное, боялся, — тихо сказала Лика. — Все боятся смерти.

— А я не боюсь, — я повернулся к ней. — Странно, да? Раньше я боялся всего. Потерять контроль, потерять деньги, потерять женщин, которые меня окружали. А теперь... теперь я боюсь только одного.

— Чего?

— Потерять тебя.

Она посмотрела на меня, и в её глазах блеснули слёзы.

— Не потеряешь, — сказала она. — Я никуда не уйду.

— Ты не понимаешь, — я взял её за руки. — Борис Иванович не сдастся. Он будет мстить. И если он не сможет достать меня — он достанет тех, кто мне дорог.

— Тогда мы будем защищаться, — она сжала мои пальцы. — Вместе.

— А если не получится?

— Получится, — она улыбнулась, но улыбка была грустной. — Ты же Мирон Воронов. Ты всегда выигрываешь.

Я хотел ответить, но в этот момент в дверь постучали. Три коротких удара — сигнал Руслана.

Я подошёл к двери, открыл. Руслан стоял на пороге, лицо напряжённое.

— Есть новости, — сказал он. — По телевизору. Включи.

Мы прошли в гостиную. Лева уже включил маленький телевизор, который стоял на комод. Все каналы показывали одно и то же — аэропорт Лиссабона, полицейские машины, спецназ.

— ...сообщается, что Борис Иванович, российский бизнесмен, обвиняемый в организации убийств и отмывании денег, прибыл в Лиссабон частным рейсом, — говорила ведущая. — В настоящее время он находится в здании аэропорта, ведёт переговоры с представителями португальской полиции об условиях сдачи.

На экране появилась картинка: трап самолёта, рядом — полицейские в бронежилетах. В дверях показалась фигура в тёмном пальто. Я вгляделся, но лицо было скрыто капюшоном.

— Это не он, — сказал я. — Слишком низкий. Борис Иванович выше.

— Значит, подставной, — кивнул Лева. — Отвлекает внимание.

— Но зачем? — спросила Елена, выходя из спальни. — Чего он хочет добиться?

— Времени, — ответил я. — Ему нужно время, чтобы добраться до нас. Пока полиция занята призраком в аэропорту, он может действовать.

— Значит, он здесь, — сказала Лика. — Рядом.

— Да, — я посмотрел на неё. — И он придёт.

Мы ждали. Часы на стене отсчитывали минуты. Руслан и Лева заняли позиции у окон. Марк пытался дозвониться до полиции, но линия была занята.

В семь вечера начало темнеть. Ветер усилился, завывая в трубе камина. Дождь забарабанил по крыше, сначала робко, потом всё сильнее, заливая окна.

— Он придёт в темноте, — сказал Лева. — Под дождём. Так легче подобраться незаметно.

— Сколько у нас оружия? — спросил я.

— Два пистолета, — ответил Руслан. — У меня и у Левы.

— А у меня?

— Ты должен быть с ней, — он кивнул на Лику. — Твоя задача — защищать её.

Я хотел возразить, но он был прав. В этом противостоянии у каждого была своя роль. Руслан и Лева — бойцы. Марк — связной. Елена — свидетель. А я — тот, кто должен выжить, чтобы рассказать правду.

В половине восьмого Руслан подал сигнал. Он стоял у окна, глядя вниз, на дорогу, ведущую к домику.

— Машина, — сказал он. — Без фар. Медленно. Останавливается у поворота.

— Сколько человек? — спросил Лева.

— Не вижу. Двое, может, трое.

— Готовьтесь, — Лева передёрнул затвор.

Я взял Лику за руку, увёл в дальнюю комнату. Елена пошла с нами.

— Сидите здесь, — сказал я. — Не выходите, что бы ни случилось.

— Мирон, — Лика схватила меня за руку. — Будь осторожен.

— Буду, — я поцеловал её и вышел.

В гостиной Руслан и Лева уже заняли позиции. Марк сидел в углу, сжимая в руке телефон.

— Полиция будет через двадцать минут, — сказал он. — Если доживём.

— Доживём, — ответил Руслан.

Тишина. Только дождь и ветер. Я стоял у стены, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. В руке была кочерга от камина — единственное оружие, которое мне досталось.

Шаги. Тяжёлые, неторопливые. Кто-то поднимался по лестнице к дому. Не прячась. Не таясь.

Руслан поднял руку, показывая — ждать. Шаги приближались. Ещё несколько секунд, и дверь откроется.

Раздался стук. Три удара, медленных, уверенных.

— Откройте, — голос был спокойным, знакомым. — Я пришёл поговорить.

Лева посмотрел на меня. Я кивнул.

— Открывай, — сказал я.

Лева отодвинул засов, и дверь распахнулась.

На пороге стоял Борис Иванович. Один. Без охраны, без оружия. В мокром пальто, с седыми волосами, прилипшими ко лбу. Он улыбался.

— Здравствуй, Мирон, — сказал он. — Долго же мы не виделись.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается холодная ярость. Человек, который убил моего отца. Который превратил мою жизнь в ложь. Который охотился на нас по всей Европе. Стоял на пороге и улыбался.

— Зачем ты пришёл? — спросил я.

— Попрощаться, — он вошёл в комнату, не обращая внимания на пистолеты, направленные на него. — И сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Глава 37

Глава 36. Последнее предложение

Борис Иванович стоял на пороге, стряхивая дождь с пальто, и улыбался той самой улыбкой, которую я ненавидел больше всего на свете. Улыбкой человека, который знает, что в любой ситуации остаётся хозяином положения.

— Ты сошёл с ума, — сказал я. — Зачем ты здесь? Один? Без охраны?

— А зачем мне охрана? — он развёл руками, проходя в гостиную, словно был здесь хозяином. — Вы же не убьёте безоружного человека. Особенно вы, Мирон. Вы же теперь правильный, благородный. Спаситель справедливости.

— Не испытывай судьбу, — Руслан поднял пистолет, направляя ему в грудь.

— Опусти, мальчик, — Борис Иванович даже не посмотрел на него. — Если бы я хотел вас убить, вы были бы мертвы ещё в гостинице. Или в суде. Или по дороге сюда. У меня были люди. Много людей. Я приказал им не трогать вас.

— Зачем? — спросил я.

— Затем, что я хочу поговорить, — он сел в кресло, не спрашивая разрешения, и посмотрел на меня. — По-человечески. Как взрослые люди.

— Между нами не может быть разговора, — сказала Елена, выходя из спальни. Её лицо было бледным, но голос твёрдым. — Ты убил моего брата. Ты разрушил его семью. Ты охотился на его сына. Что ты можешь сказать, чтобы это оправдать?

Борис Иванович посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Здравствуй, Лена, — сказал он. — Ты хорошо сохранилась. А вот я, видишь, старею. Двадцать лет — большой срок.

— Не для убийцы, — она скрестила руки на груди.

— Убийцы? — он усмехнулся. — Лена, мы все убийцы. Я, ты, твой брат. Просто кто-то делает это руками, а кто-то — словами. Ты двадцать лет носила документы, которые могли уничтожить меня. И не отдала их. Почему? Боялась? Или ждала подходящего момента? Ты не лучше меня. Просто у тебя была другая роль.

— Не смей сравнивать себя с Сергеем! — голос Елены дрогнул.

— Сергей был слаб, — Борис Иванович покачал головой. — Он хотел выйти из игры, когда игра только начиналась. Думал, что можно просто взять и уйти. В нашем мире так не работает. Ты это знаешь, Лена. Ты всегда это знала.

— Зачем ты пришёл? — повторил я, чувствуя, как терпение кончается.

Он повернулся ко мне. В его глазах не было злобы. Только спокойствие и, как ни странно, усталость.

— Я пришёл сделать вам предложение, — сказал он. — Моя империя рухнула. Счета заморожены, партнёры отвернулись, люди разбежались. Я — банкрот. И не только в деньгах. В репутации, во власти, во всём, что строил двадцать пять лет.

— И ты хочешь, чтобы мы тебя пожалели? — спросил я.

— Нет, — он усмехнулся. — Я хочу заключить сделку. Я сдаюсь. Полностью. Признаю все обвинения. Называю имена всех, кто был со мной. Всех, кто прикрывал меня эти годы. Министров, генералов, олигархов. Я даю показания против них. А взамен прошу только одного.

— Чего? — спросила Елена.

— Чтобы вы забрали заявление. Чтобы документы не публиковались. Чтобы моё имя не было связано с этим скандалом. Я хочу умереть тихо. Не в тюрьме, не под пулями конкурентов. Просто исчезнуть. Начать новую жизнь. Где-нибудь, где меня не знают.

В комнате повисла тишина. Я смотрел на человека, который двадцать лет назад убил моего отца, и не верил своим ушам.

— Ты предлагаешь нам отпустить тебя? — спросил я.

— Я предлагаю вам выбор, — он посмотрел мне в глаза. — Вы можете продолжать охоту. Меня поймают, посадят, возможно, даже убьют. Но мои покровители останутся на своих местах. Документы, которые вы передали в прессу, — это только верхушка айсберга. Без моих показаний они ничего не стоят. Вы уничтожили меня, но систему, которая меня породила, вы не тронули.

— А если мы согласимся? — спросила Елена. — Что тогда?

— Тогда я даю вам всё, — он наклонился вперёд. — Имена, счета, схемы. Всё, что вы хотите. Вы станете героями, которые уничтожили коррупционную сеть мирового масштаба. А я исчезну. Навсегда.

— И мы должны тебе верить? — спросил я.

— А у вас есть выбор? — он развёл руками. — Если я сейчас уйду, вы никогда меня не найдёте. Я подготовился. У меня есть документы, деньги, маршрут. Я исчезну, и вы останетесь с тем, что имеете. А если я останусь и сдамся, вы получите всё.

— Но ты требуешь, чтобы мы забрали заявление, — сказал я. — Чтобы документы не публиковались. Чтобы твоё имя не было связано со скандалом. Как мы это объясним?

— Объясните, что я умер, — он усмехнулся. — Или что документы оказались подделкой. Вариантов много. Марк Томпсон — умный журналист. Он придумает историю.

Я посмотрел на Елену. Она стояла, скрестив руки, её лицо было непроницаемым. Потом перевёл взгляд на Лику. Она смотрела на меня, и в её глазах я читал вопрос. Тот самый вопрос, который она задавала мне много раз: кто ты, Мирон? Тот, кто мстит? Или тот, кто строит?

— Мне нужно подумать, — сказал я.

— Думай, — Борис Иванович встал. — У тебя есть час. Я буду ждать в машине. Если не согласитесь — я уеду. И вы меня больше никогда не увидите.

Он направился к двери. Руслан сделал шаг вперёд, но я остановил его.

— Пусть идёт, — сказал я.

Борис Иванович обернулся на пороге.

— Ты изменился, Мирон, — сказал он. — В тебе появилось что-то, чего не было раньше. Может быть, это она? — он кивнул в сторону Лики. — Хорошая девушка. Умная. Таких нужно беречь.

Он вышел. Дверь закрылась. Тишина в комнате была такой плотной, что, казалось, её можно резать ножом.

— Ты не собираешься соглашаться? — спросил Руслан.

— Не знаю, — честно ответил я. — Я должен подумать.

— О чём тут думать? — Лева шагнул вперёд. — Этот человек убил твоего отца. Он охотился на нас. А теперь предлагает сделку?

— Он предлагает нам уничтожить систему, — сказал я. — А не только одного человека.

— Система? — Елена усмехнулась. — Ты веришь, что он сдаст своих? Он предаст их, как предал всех. А потом, когда мы отпустим его, он вернётся. Такой, как он, не исчезает. Он будет ждать. Искать момент, чтобы ударить снова.

— А если нет? — спросила Лика.

Все повернулись к ней. Она сидела на диване, обхватив колени руками, и смотрела на нас своими огромными глазами.

— А если он прав? — продолжила она. — Если без его показаний все эти документы — просто бумажки? Мы уничтожим одного человека, а те, кто его создали, останутся. Будут создавать новых Борисов Ивановичей. Разве это победа?

— Ты предлагаешь отпустить убийцу? — спросил Лева.

— Я предлагаю подумать о том, что будет после, — ответила она. — Мирон, ты сам говорил, что хочешь изменить жизнь. Что хочешь, чтобы твоя история закончилась не мстью, а правдой. Может быть, это и есть тот самый момент?

Я смотрел на неё и понимал, что она права. Мсть — это легко. Мсть — это понятно. Но мсть не строит будущее. Мсть только разрушает прошлое.

— У нас есть час, — сказал я. — Я хочу поговорить с ним. Один на один.

— Это опасно, — сказал Руслан.

— Я знаю. Но я должен.

Я вышел под дождь. Машина Бориса Ивановича стояла у поворота — чёрный Mercedes, без опознавательных знаков. Я подошёл, постучал в стекло. Оно опустилось.

— Решился? — спросил он.

— Я хочу задать тебе один вопрос, — сказал я. — Почему ты убил моего отца?

Он помолчал, глядя на дождь, который заливал лобовое стекло.

— Потому что он хотел уйти, — наконец ответил он. — В нашем деле так нельзя. Если один уходит — другие начинают думать, что тоже могут уйти. Система рушится. Я не хотел убивать его, Мирон. Я хотел, чтобы он остался. Но он выбрал смерть.

— Он выбрал свободу, — поправил я.

— Свободу? — Борис Иванович усмехнулся. — Свободы нет. Есть только власть и деньги. Всё остальное — иллюзия. Твой отец это понял. И заплатил.

— А ты? Ты понял?

Он посмотрел на меня, и в его глазах впервые мелькнуло что-то, похожее на усталость.

— Я понял, что проиграл, — сказал он. — Впервые в жизни. И теперь хочу, чтобы моё поражение принесло хоть какую-то пользу.

— Ты не изменился, — сказал я. — Ты всё так же хочешь контролировать всё вокруг. Даже своё падение.

— Может быть, — он кивнул. — Так что ты решил?

Я посмотрел на домик, где меня ждали Лика, Елена, Руслан, Лева. Люди, которые стали моей семьёй. Ради них я должен был принять правильное решение.

— Я согласен, — сказал я. — Но на моих условиях.

— Каких?

— Ты сдаёшься полиции. Сегодня. Не через месяц, не через год. Сегодня. Ты даёшь показания, называешь имена, передаёшь документы. Всё, что обещал. А мы не забираем заявление, но договариваемся о том, что дело будет закрыто в обмен на сотрудничество. Ты получаешь защиту свидетелей. Новую жизнь. Но ты больше никогда не появишься в России. Никогда не будешь связываться с теми, кто был в твоей старой жизни. И ты напишешь письмо. Моей матери. Скажешь правду. Всю.

Он смотрел на меня долго. Потом усмехнулся.

— Ты стал жёстче, Мирон. Твой отец бы гордился.

— Это не ответ.

— Хорошо, — он кивнул. — Я согласен.

Мы пожали руки. Его ладонь была холодной и сухой.

— Ты знаешь, что после того, как я сдамся, многие захотят меня убить? — спросил он.

— Знаю.

— И ты готов взять на себя ответственность?

— Я уже взял, — ответил я. — Когда выбрал правду.

Я вернулся в домик. Все смотрели на меня, ожидая решения.

— Он сдаётся, — сказал я. — Сегодня. Мы договариваемся с полицией о защите свидетелей. Дело закрывается в обмен на показания.

— Ты уверен? — спросила Елена.

— Уверен, — я посмотрел на неё. — Прости. Я знаю, что ты хотела справедливости. Но иногда справедливость — это не наказать одного, а спасти многих.

Она молчала долго. Потом подошла и обняла меня.

— Твой отец поступил бы так же, — сказала она. — Он всегда верил, что людей можно спасти. Даже таких.

Я посмотрел на Лику. Она улыбалась.

— Ты сделал правильный выбор, — сказала она.

— Знаю, — ответил я.

Мы ждали полицию. Через полчаса домик окружили машины с мигалками. Бориса Ивановича увели, надев на него наручники. Перед тем как сесть в машину, он обернулся.

— Мирон, — сказал он. — Береги её. Такие, как она, встречаются раз в жизни.

Он уехал. Дождь прекратился. Из-за туч показалось солнце.

Я стоял на пороге, чувствуя, как внутри разливается тепло. Не месть. Не победа. Что-то другое. Что-то, чему я не знал названия. Может быть, это и была свобода. Та самая, за которую умер мой отец. И которую я наконец-то обрёл.

Глава 38

Глава 37

Тишина после бури

Португальское солнце вставало над Кашкайшем, окрашивая Атлантику в цвета старого золота. Я стоял у окна нашего домика и смотрел, как волны лижут песок. Полицейские машины уехали ещё вчера. Марк улетел в Лондон — готовить публикацию полного расследования. Бориса Ивановича увезли под конвоем в неизвестном направлении.

Остались только мы.

Лика спала на диване, свернувшись калачиком, укрывшись моей курткой. Её лицо во сне было беззащитным, почти детским. В углу комнаты Лева тихо перебирал струны гитары, которую нашёл в доме — старый испанский инструмент с потрескавшимся грифом. Елена сидела на веранде с чашкой кофе и смотрела на океан. Руслан вышел на пробежку — сказал, что не может сидеть на месте.

Я не знал, что делать с этой тишиной.

— Мирон, — голос Елены позвал меня с веранды. — Иди сюда.

Я вышел к ней. Утренний воздух пах солью и эвкалиптом. Тётя сидела в плетёном кресле, укутавшись в плед. Её лицо казалось постаревшим на десять лет — или, наоборот, помолодевшим. Я не мог понять.

— Ты спал вообще? — спросила она.

— Нет.

— Я тоже. — Она отставила чашку. — Двадцать лет я мечтала об этом дне. Думала, что, когда Бориса арестуют, я буду плакать от счастья. Или кричать. Или танцевать. А я просто... сижу. И ничего не чувствую.

— Это нормально, — сказал я. — Шок.

— Шок? — Елена усмехнулась. — Мирон, я столько лет жила в страхе, что перестала замечать, как он стал частью меня. А теперь его нет. И я не знаю, кто я без этого страха.

Я сел рядом. Взял её руку — холодную, с выступающими венами.

— Ты — Елена Воронова. Сестра Сергея Воронова. Женщина, которая двадцать лет хранила правду. Которая не сломалась. Которая дождалась.

— Дождалась, — повторила она. — А теперь что?

— А теперь живём дальше.

Она посмотрела мне в глаза. В её взгляде была усталость, но в глубине — что-то ещё. Жизнь.

— Знаешь, что сказал твой отец за день до смерти? — спросила она тихо. — Я пришла к нему в офис. Он сидел за столом, перебирал какие-то бумаги. Я спросила: «Серёжа, ты не боишься?» А он улыбнулся и сказал: «Лена, если всю жизнь бояться, то зачем тогда жить?»

Я молчал. Комок застрял в горле.

— Он знал, что его убьют, — продолжила Елена. — Знал. Но не убежал. Не спрятался. Потому что понимал: если он сбежит, то всё, за что он боролся, потеряет смысл. Он заплатил жизнью за правду. А мы заплатили двадцатью годами. Но теперь... теперь мы свободны. По-настоящему. Не потому, что Борис в тюрьме. А потому что мы перестали бояться.

Я хотел что-то сказать, но не успел.

— Вы тут романтику развели без меня? — Лика стояла в дверях, растрёпанная, в моей футболке, которая висела на ней как платье. Она зевнула и потянулась. — Кто-нибудь кофе сделал?

Елена рассмеялась — впервые за много дней. Смех вышел хриплым, надломленным, но настоящим.

— Иди сюда, соня, — позвала она. — Кофе сейчас будет.

Лика подошла, села на подлокотник моего кресла и положила голову мне на плечо.

— Ты не спал, — сказала она, не открывая глаз.

— Нет.

— Глупый. Борис в тюрьме. Полиция его охраняет. Марк улетел. Всё кончено. Можно спать.

— Не могу, — признался я.

— Почему?

— Потому что впервые за долгое время у меня нет плана.

Лика открыла глаза и посмотрела на меня. Её взгляд был ясным и спокойным.

— А зачем тебе план? — спросила она. — Просто будь здесь. Со мной. С тётей Леной. С Левой. С этим дураком Русланом, который уже второй круг вокруг дома наворачивает.

Я выглянул за калитку. Руслан действительно бежал по дорожке вдоль пляжа, размахивая руками. За ним, пытаясь не отставать, бежал Лева — с гитарой за спиной, в старых кедах и смешных шортах.

— Они с ума сошли, — сказал я.

— Они живут, — поправила Елена. — Впервые за двадцать лет.

Она встала, поправила плед и ушла на кухню — варить кофе.

Мы остались вдвоём с Ликой.

— Мирон, — сказала она тихо.

— Мм?

— Что ты будешь делать, когда вернёшься в Россию?

Вопрос повис в воздухе. Я думал об этом всю ночь. О матери, которая ждёт меня и ничего не знает. О девушках, которых я использовал. О декане Завьялове, который уничтожил моё академическое будущее. О Марине, чей отец продал меня Борису Ивановичу. О Полине, которая осталась нейтральной. О Веронике, которая предупреждала.

— Не знаю, — ответил я честно. — Часть меня хочет никогда туда не возвращаться. Часть — понимает, что должен.

— Должен?

— Долг, — усмехнулся я. — Помнишь название?

— «Долг Мирона», — прошептала Лика. — Ты так и не объяснил, почему назвал роман именно так.

Я замолчал. Ветер донёс запах кофе и соли.

— Потому что я думал, что мой долг — отомстить, — сказал я наконец. — Найти Бориса, уничтожить его, вернуть справедливость. А потом понял: мой долг — не месть. А правда. Перед отцом. Перед матерью. Перед всеми, кому я врал. Перед тобой.

— Перед мной у тебя нет долга, — тихо сказала Лика.

— Есть, — я повернулся к ней. — Я использовал тебя. В начале. Как всех остальных. Как актив.

Лика отвела взгляд.

— Я знала, — прошептала она. — С самого начала знала. Но мне было всё равно. Потому что я... — она запнулась. — Потому что ты был единственным, кто вообще меня замечал. В общаге, в универе — я была пустым местом. А ты смотрел на меня. Спрашивал, как дела. Помогал с кодом. Да, ты использовал меня. Но ты был добр. Настоящий. С тобой я чувствовала себя живой.

— Лика...

— Не надо, — она прижала палец к моим губам. — Всё уже сказано. Ты изменился. Я это вижу. И неважно, почему — из-за отца, из-за тёти, из-за Бориса. Важно, что ты стал другим. И я остаюсь с тобой. Потому что люблю тебя. Не за что-то. А просто.

В горле пересохло. Я хотел сказать что-то важное, но слова застревали.

— Я тоже, — выдохнул я. — Люблю. Не умею это красиво говорить. Не умею быть нормальным человеком. Но с тобой... с тобой я учусь.

Лица улыбнулась. В её глазах блеснули слёзы — или это был просто утренний свет?

— Учись, — сказала она. — У тебя будет много времени. Потому что я никуда не уйду.

С кухни донёсся звон посуды и голос Елены:

— Молодёжь, кофе готов! И Руслана позовите, а то он сейчас третью намотку сделает, сердечко не выдержит!

Мы рассмеялись. Одновременно. Просто потому, что могли.

За завтраком мы сидели все вместе — за большим деревянным столом на веранде. Елена нарезала сыр и хлеб. Лева рассказывал какую-то байку из девяностых — про то, как они с Сергеем чуть не утонули на рыбалке. Руслан жадно пил кофе, косясь на булочки с корицей — Лица испекла их ночью, пока мы не спали.

— Слушайте, — сказал Руслан, отставляя чашку. — А что дальше-то? Мы здесь сидеть будем?

— А ты куда-то торопишься? — спросила Елена.

— Нет, но... — он почесал затылок. — У меня паспорт просрочен. Денег нет. Работы нет. И вообще, я должен был быть врагом, а стал... кем?

— Другом, — сказал Лева просто. — Ты стал другом, Руслан. И это дороже любых денег.

Руслан хмыкнул, но глаз не поднял. Было видно — ему неловко. Привык быть наёмником, а теперь сидит за одним столом с людьми, которых должен был убить.

— Я позвоню Марку, — сказал я. — Он обещал помочь с документами. Для всех.

— А потом? — Лица посмотрела на меня.

— А потом я вернусь в Москву, — ответил я. — Один.

Тишина повисла над столом.

— Нет, — сказала Лица.

— Лица...

— Я сказала — нет. Ты не поедешь один. Я с тобой.

— Это может быть опасно, — попробовал возразить я. — Борис арестован, но у него остались люди. Друзья. Партнёры. Те, кому невыгодно, чтобы я жил.

— Тем более я еду с тобой, — Лица скрестила руки на груди. — Я взломаю любого. Найду любого. И вообще, кто будет твоим техническим ангелом-хранителем?

— Ангелом-хранителем? — усмехнулся Лева.

— А ты что предлагаешь? — Лица развернулась к нему. — Отпустить его одного, чтобы он там геройствовал и, не дай бог, влип во что-то?

— Я ничего не предлагаю, — Лева поднял руки. — Я вообще пас. Я своё отвоевал. Хочу на покой. Куплю домик где-нибудь в Португалии, буду вино пить и на океан смотреть.

— Хороший план, — кивнула Елена. — Я, пожалуй, с тобой.

Мы все посмотрели на неё.

— Что? — она пожала плечами. — Я двадцать лет бегала. Хватит. Останусь здесь. Присмотрю за Левой, чтобы не запил.

— Я не пью! — возмутился Лева.

— Ага, — Елена хитро прищурилась. — А кто вчера полбутылки портвейна в одиночку уничтожил?

— Это была дегустация! Я изучал местную культуру!
Все засмеялись. Даже Руслан — его смех был похож на кашель, непривычный, но искренний.

Потом тишина вернулась. На этот раз — спокойная, не давящая.

— Значит, так, — сказал я, вставая. — Мы с Ликой летим в Москву. Елена и Лева остаются здесь, присматривают за домом. Руслан — ты с нами или как?

Руслан задумался. Крутил в пальцах пустую чашку.

— Я пойду с вами, — сказал он наконец. — Но не потому, что мне больше некуда. А потому, что... — он замолчал, подбирая слова. — Потому что я много зла сделал. Работая на Бориса. Может, если помогу вам, хоть немного искуплю.

— Тогда решено, — я протянул руку. — Летим завтра.

Руслан пожал её — крепко, по-мужски. Лика положила ладонь сверху. Лева добавил свою — шершавую, с мозолями от струн. Елена — тонкую, холодную, но твёрдую.

Мы стояли на веранде, над океаном, в утреннем солнце, и держались друг за друга.

Семья, которой у меня никогда не было.

Свобода, которую я так долго искал.

Дом, который мы нашли в самом конце дороги.

Самолёт в Москву вылетал завтра в семь утра.

Я смотрел на закат над Кашкайшем и думал о том, что ждёт меня в России. Мать. Старый университет. Люди, которых я предал. И холодный ветер перемен, который уже дул мне в спину.

— Боишься? — спросила Лика, подходя сзади и обнимая меня за талию.

— Нет, — ответил я. — Впервые в жизни — нет.

— Почему?

Я повернулся и посмотрел на неё — на её рыжие волосы, развевающиеся на ветру, на веснушки, рассыпанные по носу, на глаза, в которых отражалось пламя заката.

— Потому что теперь я знаю, зачем живу, — сказал я.

— И зачем же?

Я поцеловал её. Вместо ответа.

А закат догорал над океаном, обещая новый день.

Тот самый, с которого всё начнётся заново.

Глава 39

Глава 38

Москва. Возвращение

Самолёт шёл на посадку. За иллюминатором клубилась серая московская облачность — та самая, которую я помнил с детства. Низкая, тяжёлая, будто само небо давило на город.

Лика спала, положив голову мне на плечо. Руслан сидел через проход и бесцельно листал какой-то журнал, но я видел — он не читал. Пальцы слишком сильно сжимали страницы. Он тоже боялся. Просто не показывал.

— Через двадцать минут начинаем снижение, — объявила стюардесса.

Я закрыл глаза.

Восемь месяцев назад я улетал из этого города в панике, бросив всё — учёбу, девушек, квартиру, репутацию. Я был Мироном Вороновым — студентом-экономистом, манипулятором, альфонсом, человеком, который строил свою жизнь из чужих жизней.

Я возвращался другим.

Или хотел верить, что другим.

— Ты дрожишь, — голос Лики был сонным, тёплым.

— Холодно в самолёте, — соврал я.

Она открыла глаза и посмотрела на меня с той улыбкой, которая всё понимала, но не лезла в душу.

— Врёшь, — сказала она. — Но ладно. Дрожи. Я рядом.

Она сжала мою ладонь. Я выдохнул.

Шереметьево, зал прилёта

Толпа встречающих. Таблички. Цветы. Объятия. Обычная жизнь, которая текла мимо нас, пока мы не спали ночами, не бегали от убийц, не прятались в горах Марокко и не сдавали криминального авторитета португальской полиции.

Я огляделся.

Мать не знала, что я прилетаю. Я специально не сказал — боялся, что она не захочет меня видеть. Или захочет слишком сильно. Я не был готов ни к тому, ни к другому.

— Ты её не предупредил, — сказал Руслан, читая мои мысли.

— Нет.

— Правильно, — кивнул он. — Сюрпризы — это по-нашему.

Лика фыркнула.

— По-нашему — это когда по нам стреляют, а мы убегаем. Сюрпризы — это другое.

— А если она вызовет полицию? — Руслан хмыкнул. — Увидят меня — и сразу в наручники.

— Не вызовет, — сказал я. — Она моя мать.

— Это ничего не значит, — Руслан посмотрел на меня серьёзно. — Моя мать сдала меня ментам, когда узнала, чем я занимаюсь. Сказала: «Лучше в тюрьме, чем в могиле».

Я замолчал.

Лика взяла меня за руку.

— Поехали, — сказала она. — Чем быстрее начнём, тем быстрее закончим.

Такси до центра Москвы

Серое небо. Грязный снег по обочинам. Реклама на билбордах — пластиковые улыбки, кредиты, новостройки. Всё то же самое. Ничего не изменилось.

Изменился я.

Водитель — молчаливый мужчина лет пятидесяти — включил радио. Играла старая песня «Машины времени». «Поворот». Я закрыл глаза и вдруг вспомнил отца.

Он любил эту группу. У нас дома была старая кассета, которую он переписывал с пластинок. Мы слушали её в машине, когда ездили на дачу. Мать сидела на переднем сиденье, улыбалась, а я смотрел в окно и считал столбы.

«Замыкая круг, ты назад посмотришь вдруг...»

Я открыл глаза.

— Всё нормально? — спросила Лика.

— Да. Просто... музыка.

Она не стала спрашивать какая.

Дом матери. Хрущёвка на юго-западе

Я стоял у подъезда и смотрел на облупившуюся краску на дверях. Знакомый запах — кошачьи метки, дешёвый табак, старость. Здесь прошло моё детство. Здесь мать растила меня одна, после того как отца «не стало» — она так говорила: «папы не стало», будто он потерялся в магазине.

Она не знала правды.

Она думала, что Сергей Воронов погиб в автокатастрофе. Ей так сказали. Она поверила. Потому что хотела верить — легче, чем знать, что мужа убили за какие-то документы.

— Я подожду здесь, — сказал Руслан. — Не хочу пугать твою мать своей рожей.

— Я с тобой, — Лика сжала мою руку.

— Нет, — я покачал головой. — Я сам. Первый раз — сам.

Она хотела возразить, но посмотрела в мои глаза и кивнула.

— Мы будем в машине, — сказала она. — Если что — звони.

Я вышел из такси. Поднялся на третий этаж. Кнопка звонка была старой, с облезлой позолотой. Я нажал.

За дверью зашаркали тапки.

— Кто там? — голос матери — хриплый, уставший.

— Мам, это я.

Тишина. Секунда. Другая. Третья.

Потом дверь открылась.

Наталья Воронова стояла на пороге — седая, худая, с красными глазами. В халате, который я помнил ещё со школы. В руках — старая фотография. Моя. Выпускной.

— Мирон? — голос дрожал. — Мирошка?

— Здравствуй, мам.

Она уронила фотографию. Я подхватил её на лету — рефлекс, выработанный годами опасности. И тут же оказался в её объятиях. Она плакала. Я не плакал. Но в горле стоял ком, который я никак не мог проглотить.

— Ты живой, — шептала она. — Живой. А мне сказали... сказали...

— Кто сказал?

— Из полиции звонили. Сказали, что ты в розыске. Что ты... что ты связался с плохими людьми. Я не верила. Я знала, ты не такой. Не такой!

Она отстранилась, посмотрела мне в лицо. Глаза — мои глаза, только старше, уставшие.

— Где ты был, Мирон? Восемь месяцев! Я с ума сошла!

— Всё расскажу, — сказал я. — Всё. С самого начала. Обещаю.

Она впустила меня внутрь.

Квартира пахла пирогами — она всегда пекла, когда волновалась. Я прошёл в комнату. Стол накрыт. Две тарелки. Две чашки. Будто ждала гостя.

— Ты кого-то ждала? — спросил я.

— Тебя, — ответила мать. — Каждый день ждала. Накрывала стол и ждала. На всякий случай. Вдруг придёшь.

У меня перехватило дыхание.

— Мам, прости...

— Не надо, — она села на стул и вытерла слёзы. — Ты здесь. Это главное. Садись. Рассказывай.

Я сел напротив. Взял чашку с чаем — горячим, крепким, с мятой, как я любил в детстве. И начал рассказывать.

Я говорил три часа.

Сначала — осторожно, выбирая слова. Потом — всё быстрее, как прорывая плотину. Об отце. О Борисе Ивановиче. О документах. О Елене. О Лике. О побегах, перестрелках, сделках. О португальской полиции. О том, что Борис арестован.

Мать слушала молча. Её лицо менялось — от недоверия к ужасу, от ужаса к боли, от боли к странному, почти пугающему спокойствию.

Когда я закончил, она встала, подошла к старому серванту, открыла дверцу и достала початую бутылку коньяка.

— Мне нужно выпить, — сказала она.

— Мам, ты же не пьёшь...

— Сегодня буду.

Она налила две рюмки. Одну выпила залпом, не закусывая. Вторую поставила передо мной.

— За отца, — сказала она. — За Серёжу. Который не разбился в автокатастрофе, а погиб как герой.

Я выпил. Коньяк обжёг горло.

— Почему ты мне не сказала? — спросил я. — Все эти годы. Почему врала?

Мать посмотрела на меня долгим взглядом.

— А что бы ты сделал, если бы узнал правду в десять лет? В пятнадцать? В восемнадцать? — она покачала головой. — Ты же Мирон. Ты бы полез мстить. И погиб бы. Как отец. Я не могла тебя потерять.

— Но я всё равно узнал.

— Узнал. И не погиб. Значит, я была права, что не сказала? — она усмехнулась. — Хотя какая к чёрту правота? Я просто испугалась. Трусиха старая.

— Ты не трусиха, — я взял её за руку. — Ты мать.

Она заплакала снова. Я обнял её. И мы сидели так долго — может, час, может, больше. Пока за окном не стемнело.

— А девушка твоя где? — спросила она, когда слёзы кончились.

— В машине ждёт. С другом.

— Зови. Я пирогов напекла.

Я улыбнулся. Впервые за долгое время — искренне.

Лика и мать понравились друг другу сразу.

Мать смотрела на Лику так, будто проверяла — достойна ли. Лика держалась просто, без фальши, рассказывала о себе, о коде, о том, как мы познакомились. Умолчала, конечно, о том, что я использовал её как «актив». Но мать и так всё поняла. Она всегда всё понимала.

Руслан сидел в углу, пил чай с пирогами и молчал. Мать косилась на него, но ничего не спрашивала. Потом, когда Лика ушла помогать с посудой, мать тихо спросила:

— А этот... он из тех, кто в тебя стрелял?

— Был из таких, — ответил я. — Теперь — друг.

Мать вздохнула.

— Странная у тебя жизнь, Мирон.

— Обычная, — сказал я. — Просто я раньше не знал, что за каждым углом — правда.

Она не ответила. Только погладила меня по голове, как в детстве.

Ночь. Комната матери

Я не спал. Сидел на кухне, смотрел в окно на двор, где когда-то гонял мяч с пацанами. Лика спала в моей старой комнате — на узкой кровати, среди моих школьных грамот и выцветших постеров.

Руслан ушёл в круглосуточный магазин за сигаретами — не курил, но ему нужно было побыть одному.

Мать вышла из спальни. В халате, с распущенными седыми волосами. Похожая на привидение.

— Не спишь?

— Не могу, — сказал я.

— Я тоже, — она села напротив. — Знаешь, о чём я думаю? О том, что Серёжа мог бы гордиться тобой.

Я усмехнулся.

— Мам, я альфонс. Манипулятор. Я использовал девушек. Я обманывал, воровал, сбегал. Чем тут гордиться?

— Тем, что ты остановился, — сказала она. — Тем, что выбрал правду. Тем, что не стал как Борис. Тем, что пришёл ко мне. Сказал всё. Не спрятался.

Я молчал.

— Твой отец тоже ошибался, — продолжила мать. — Он думал, что можно победить систему в одиночку. И погиб. А ты — ты понял, что одному нельзя. Ты нашёл людей. Семью. Это важнее любых документов.

— Ты говоришь как психотерапевт, — усмехнулся я.

— Я говорю как мать, которая чуть не похоронила сына, — она посмотрела на меня строго. — Завтра поедешь в университет?

— Да. Нужно поговорить с деканом. И с... некоторыми.

— С девушками, — кивнула мать. — Которых ты использовал.

— Да.

— Ты готов к тому, что они не простят?

Я задумался. Вспомнил Алису — её крик, слёзы, разбитую вазу. Полину — холодное «ты мне не нужен». Веронику — предупреждение, которое я проигнорировал. Марину — ту, чей отец продал меня Борису.

— Нет, — ответил честно. — Не готов. Но это не важно. Главное — я должен попытаться.

Мать кивнула, встала и поцеловала меня в лоб.

— Спи, Мирон. Завтра будет трудный день.

Она ушла. Я остался один.

За окном шёл снег. Крупный, мокрый, апрельский — тот, который уже не лежит, а тает на лету. Как моя прошлая жизнь.

Я достал телефон. Написал сообщение.

Не Алисе. Не Полине. Не Марине.

Елене.

«Мать всё знает. Мы в Москве. Всё хорошо. Как вы там?»

Ответ пришёл через минуту.

«Лева купил гитару. Играет с утра до ночи. Соседи жалуются. Океан красивый. Возвращайтесь скорее. Я скучаю».

Я улыбнулся. Спрятал телефон.

Лёг на диван, накрылся пледом, который пах нафталином и детством.

И впервые за многие месяцы заснул без снов.

Утро. Университет

Мы стояли у главного входа — я, Лика и Руслан. Здание экономического факультета — серое, сталинское, с колоннами. Место, где всё начиналось. Где я познакомился с Алисой, Полиной, Вероникой. Где строил свою империю из лжи.

— Ты уверен? — спросила Лика.

— Нет, — ответил я. — Но пойду один.

— Позвони, если что.

— Позвоню.

Я поцеловал её и шагнул вперёд.

Стеклянные двери. Охрана — новый дядька, не знает меня. Турникет. Пропуск — просрочен, но я проскользнул.

Коридор. Запах казёнки и дешёвого кофе. Доска объявлений — расписание, кружки, приглашение на конференцию.

Всё то же самое.

И я — тот же?

Нет.

Я поднялся на третий этаж. Кабинет декана.

Постучал.

— Войдите, — голос Завьялова — уставший, раздражённый.

Я открыл дверь.

Игорь Сергеевич сидел за столом, перебирал бумаги. Увидел меня — и замер.

— Воронов? — голос сел. — Ты... как ты здесь?

— Здравствуйте, Игорь Сергеевич, — сказал я. — Мне нужно с вами поговорить.

— О чём?

— Об Алисе. О том, что я сделал. И о том, что вы имеете право знать правду.

Декан молчал. Потом медленно опустился в кресло.

— Я слушаю, — сказал он тихо.

Я закрыл за собой дверь.

И начал говорить.

Глава 40

Глава 39

Исповедь

Кабинет декана пах старыми книгами и валерьянкой. Игорь Сергеевич Завьялов сидел напротив меня, и его лицо было серым — не от возраста, а от напряжения. Когда-то этот человек был для меня всего лишь фигурой в системе: декан, которого нужно обманывать, чтобы получать зачёты автоматически. Теперь я видел в нём отца, чью дочь я использовал.

— Я слушаю, — повторил он. — Но предупреждаю: если ты пришёл оправдываться, можешь уходить.

— Я пришёл не оправдываться, — сказал я. — Я пришёл сказать правду. Ту, которую должен был сказать восемь месяцев назад.

Он молчал. Я начал.

Я рассказал всё. С самого начала. Как познакомился с Алисой на первом курсе. Как понял, кто её отец. Как решил, что она станет моим «активом» — пропуском в мир, где деканы не ставят троек, а ставят пятёрки автоматом.

Завьялов побелел.

— Ты использовал мою дочь, — сказал он глухо. — Как вещь.

— Да, — я не опустил взгляд. — Я использовал её. И Полину. И Веронику. И других. Для меня они были инструментами. Рычагами. Кнопками, которые нужно нажать, чтобы получить нужный результат.

— Ты чудовище.

— Возможно. Но я здесь не за тем, чтобы вы меня простили. Я здесь, чтобы вы знали правду. Всю. До конца.

Я рассказал про арт-схему. Про Марину и Славу. Про то, как обманывал Алису, улетая с Ликой на Мальдивы. Про скандал. Про то, как отец Алисы — он, Игорь Сергеевич — уничтожил моё будущее в университете. Справедливо. По делу.

Завьялов слушал, не перебивая. Его руки дрожали.

— А потом? — спросил он. — Что было потом? Ты исчез. Моя дочь плакала месяц. Хотела бросать универ. Ты знаешь, что она... — он запнулся.

— Что?

— Она хотела покончить с собой. Из-за тебя.

Земля ушла из-под ног. Я знал, что Алисе было больно. Но чтобы так...

— Я не знал, — сказал я. — Простите.

— Простите? — он вскочил. — Ты пришёл через восемь месяцев сказать «простите»? Ты думаешь, это что-то меняет?

— Нет, — я тоже встал. — Не думаю. Но я должен был прийти. Потому что я изменился. Потому что понял, что каждый мой шаг, каждое слово, каждый «актив» — это человек. С чувствами. С болью. С жизнью.

Завьялов смотрел на меня. В его глазах была ненависть. Но в глубине — что-то ещё. Любопытство.

— Что с тобой случилось? — спросил он тихо. — Ты был циничным мальчишкой. А теперь... говоришь как старик.

— Я узнал, кто убил моего отца, — сказал я. — И чуть не погиб. И понял, что ложь — это не оружие. Это клетка.

Я сел. Рассказал про Бориса Ивановича. Про побеги, перестрелки, про то, как меня предали и как я предавал. Про документы, про арест, про португальскую полицию. Про Елену — тётю, о которой не знал двадцать лет.

Завьялов слушал. Его лицо медленно менялось — от ненависти к изумлению, от изумления к чему-то, похожему на уважение.

— Ты прошёл через ад, — сказал он.

— Да. Но это не оправдание. Я сделал больно вашей дочери. И я не прошу прощения. Я просто... хочу, чтобы вы знали. Чтобы Алиса знала. Что я был не просто подонком. Я был подонком с причиной.

— С причиной? — усмехнулся декан. — У каждого подонка есть причина. Вопрос в том, что ты с этой причиной сделал.

— Я выбрал правду, — сказал я. — И теперь хочу заплатить за свои долги.

Он долго молчал. Потом открыл ящик стола, достал пачку сигарет — хотя на университетской территории курить было запрещено, — и закурил прямо в кабинете.

— Алиса сейчас в общежитии, — сказал он. — Готовится к экзаменам. Она... она не та, что раньше. Замкнулась. Ни с кем не общается.

— Мне нужно с ней поговорить.

— Нет, — резко сказал Завьялов. — Ты сделал достаточно. Я не пущу тебя к ней.

— Игорь Сергеевич, — я посмотрел ему в глаза. — Я понимаю вашу злость. Но если я не поговорю с ней сейчас, она никогда не узнает правду. А правда... она лечит. Даже если больно.

Декан затаился. Выдохнул дым в потолок.

— Ты изменился, Воронов, — сказал он. — Не знаю, надолго ли. Но... чёрт с тобой. Иди. Если Алиса захочет тебя видеть. Если нет — уходи.

Я кивнул и вышел.

Общежитие

Старое здание с облупившейся штукатуркой. Запах борща и сигарет. Общежитие — место, где я познакомился с Ликой. Где строил свою сеть. Где впервые почувствовал, что ложь имеет границы.

Лика ждала меня у входа.

— Ну как? — спросила она.

— Страшно, — признался я. — Очень страшно.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет. Это я должен сделать один.

Она кивнула. Поцеловала меня в щёку.

— Я буду здесь. Если что — звони.

Я вошёл.

Коридор. Обшарпанные стены. Доска объявлений с объявлениями о пропавших кошках и репетиторах по английскому. Комната Алисы — 417. Я помнил номер.

Постучал.

— Кто там? — голос Алисы — глухой, безжизненный.

— Мирон.

Тишина. Потом звук шагов. Дверь открылась.

Алиса стояла на пороге. Она изменилась. Похудела. Под глазами — тени. Волосы тусклые, без блеска. В ней не было той ухоженной, самоуверенной девушки, которую я знал. Была — тень.

— Ты, — сказала она. — Живой.

— Да.

— А я думала, ты сдох где-нибудь в канаве.

— Почти, — сказал я. — Можно войти?

Она колебалась секунду. Потом отошла в сторону.

Комната была такой же, как я запомнил — розовые обои, плюшевые игрушки, фотографии на стенах. Но всё выглядело выцветшим, как старая кинолента.

— Садись, — сказала Алиса. — И говори быстро. У меня пара через час.

Я сел на стул у окна. Она — на кровать, поджав ноги.

— Я пришёл извиниться, — начал я.

— Извиниться? — она усмехнулась. — Ты использовал меня, Мирон. Полтора года. Я была для тебя игрушкой. Трахал меня, обманывал, а сам летал на Мальдивы с какой-то... — её голос дрогнул. — С какой-то нищей из общаги.

— С Ликой, — сказал я. — Её зовут Лика.

— Мне плевать.

— Ты должна знать правду.

— Правду? — Алиса вскочила. — Ты хоть представляешь, что я пережила? Когда узнала про Мальдивы? Я разбила вазу. Я орала. Я... я хотела умереть. Понимаешь? Умереть! Из-за тебя!

Я встал. Подошёл к ней. Она отшатнулась.

— Не подходи.

— Я не трону, — сказал я. — Я просто... Алиса, ты имеешь право на злость. На ненависть. На всё. Но я должен рассказать, почему я это сделал. Не чтобы оправдаться. А чтобы ты поняла — это не ты была плохой. Это я был больным.

— Что значит «больным»?

Я рассказал. Всё. Про отца. Про долг. Про то, как строил свою систему «активов». Про то, что Алиса была для меня не человеком, а пропуском в мир, где я мог выжить. Про то, как я ненавидел себя за это. И про то, как изменился.

Алиса слушала. Сначала с ненавистью. Потом с изумлением. Потом — с чем-то, похожим на сострадание.

— Твой отец... убит? — спросила она тихо.

— Да. Двадцать лет назад. Криминальным авторитетом, на которого я работал.

— Ты работал на убийцу отца?

— Я не знал, что он убийца. Узнал потом. И чуть не погиб.

Алиса села на кровать. Обхватила колени руками.

— Боже, — прошептала она. — А я думала, что мои проблемы — самые страшные.

— Твои проблемы тоже страшные, — сказал я. — Я сделал тебе больно. Неважно, почему. Важно, что я это сделал. И мне жаль. Не потому, что меня поймали. А потому, что ты — хороший человек. И не заслужила этого.

Алиса подняла глаза. В них стояли слёзы.

— Ты правда изменился? — спросила она. — Или опять врешь?

— Правда, — сказал я. — Но ты не обязана мне верить. И не обязана прощать. Я просто хотел, чтобы ты знала: это не ты. Это я. Всегда был я.

Она молчала долго. Потом встала, подошла к окну, спиной ко мне.

— Уходи, Мирон, — сказала она тихо. — Я не могу тебя простить. Может, когда-нибудь. Но не сейчас.

— Я понимаю.

— Но... — она обернулась. — Спасибо, что пришёл. И рассказал. Это... это много значит.

Я кивнул. Направился к двери.

— Мирон, — позвала она.

— Да?

— Та девушка... Лика. Ты её любишь?

— Да, — ответил я.

Алиса улыбнулась — грустно, по-старушечьи.

— Тогда береги её. Не используй. Не обманывай.

— Не буду, — сказал я. — Обещаю.

Я вышел в коридор. Сердце колотилось. Глаза щипало — но я не плакал. Не имел права.

Кафе у метро «Университет»

Следующая была Полина. Блогер-миллионник. Одна из моих самых выгодных «активов». Она сидела за столиком у окна, пила латте и листала ленту в телефоне. Увидела меня — и не удивилась.

— Я знала, что ты вернёшься, — сказала она, не поднимая головы.

— Откуда?

— Вероника предупредила. Сказала, что ты в Москве.

Я сел напротив.

— Ты не злишься?

— На что? — Полина наконец подняла глаза. — На то, что ты использовал меня для пиара и денег? Мирон, дорогой, я сама всех использую. Мы квиты.

— Ты не хочешь меня убить?

— Смысл? — она отпила латте. — Ты дал мне классную арт-схему. Я заработала на ней кучу денег. Да, я знала, что ты манипулятор. Но мне было выгодно. Так что не строй из себя раскаявшегося грешника. Мы оба взрослые люди.

Я молчал. Полина была права — она всегда знала, на что идёт. В отличие от Алисы, которая верила в любовь.

— Но я всё равно извиняюсь, — сказал я.

— Принято, — она усмехнулась. — А теперь рассказывай, где ты пропадал. Слухи ходят разные.

Я рассказал. Коротко, без деталей. Полина слушала с интересом, но без сочувствия. Она была из тех, кто переваривает информацию и превращает её в ресурс.

— Борис Иванович? — переспросила она. — Тот самый? Из новостей?

— Да.

— Понятно. — она отставила чашку. — Знаешь, Мирон, я, пожалуй, напишу об этом пост.

— Не надо, — сказал я. — Пожалуйста. Не ради меня — ради Лики. Ей не нужна огласка.

Полина посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты правда её любишь? — спросила она.

— Да.

— Тогда ладно. — она встала. — Но, если надумаешь дать интервью — звони. Я организую хорошую цену.

Она ушла, оставив меня одного за столиком.

Юридическая консультация. Офис Вероники

Вероника — дочь следователя, циничная, умная, опасная. Она предупреждала меня о рисках. Я не послушал. И сейчас сидел напротив неё в её маленьком офисе на окраине города, и она смотрела на меня с лёгкой усмешкой.

— Ну что, Воронов, — сказала она. — Наигрался в шпионов?

— Наигрался, — кивнул я.

— Бориса посадили. Документы у Марка. Ты свободен. Чего тебе ещё надо?

— Сказать спасибо, — ответил я. — Ты меня предупреждала. Я не послушал. Ты права.

— Я всегда права, — она поправила очки. — Но спасибо не нужно. Я помогала тебе не из альтруизма. Мне было интересно.

— Интересно?

— Твоя история — это чистая криминальная драма. И я хочу, чтобы ты написал книгу. Я опешил.

— Книгу?

— Да. «Долг Мирона». Отличное название. Я помогу с юридической частью, с публикацией. Деньги поделим.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно, — она улыбнулась — холодно, по-змеиному. — Ты наделал много шума. У тебя есть лицо, харизма, трагическая история. Это стоит денег.

Я задумался. Она была права — история стоила того, чтобы её рассказали. Но не ради денег. Ради правды.

— Подумаю, — сказал я. — Спасибо за предложение.

— Не за что, — она встала. — И, Мирон... если тебе нужен будет адвокат — звони. Бесплатно. В качестве благодарности за то, что не втянул меня в свои разборки.

Я кивнул и вышел.

Галерея Марины. Центр Москвы

Последняя. Самая тяжёлая.

Марина — дочь Аркадия Львовича, того самого, кто продал меня Борису Ивановичу. Она не знала, что отец предал меня. Думала, что я просто исчез. И теперь я должен был сказать ей правду.

Галерея была закрыта. Я позвонил в дверь. Долго ждал. Наконец, открыла сама Марина — в чёрном платье, с красными глазами.

— Мирон? — она отшатнулась. — Ты... как ты?

— Живой, — сказал я. — Можно войти?

Она колебалась. Потом отошла.

Галерея была пуста — ни картин, ни посетителей. Только белые стены и холодный свет.

— Что случилось? — спросил я.

— Отец в больнице, — ответила Марина. — Инсульт. После того, как арестовали Бориса. Он... он что-то знал. Что-то, о чём не говорил.

— Знал, — сказал я. — И я знаю.

Я рассказал всё. Про сделку Аркадия Львовича с Борисом Ивановичем. Про то, как отец Марины продал меня в обмен на покрытие долга перед Славой. Про то, что я чуть не погиб из-за этого.

Марина слушала. Её лицо каменело с каждым моим словом.

— Ты врёшь, — прошептала она.

— Нет.

— Мой отец не мог... — она покачала головой. — Он любил меня. Он знал, что я люблю тебя.

— Знал, — сказал я. — И всё равно продал.

Марина закрыла лицо руками. Плечи её дрожали.

— Зачем ты пришёл? — спросила она сквозь слёзы. — Зачем ты это сказал?

— Потому что ты должна знать правду. О своём отце. Обо мне. Обо всём.

— А теперь что? — она подняла голову. — Ты хочешь, чтобы я простила тебя? И его?

— Нет, — я покачал головой. — Я хочу, чтобы ты знала. А дальше — решай сама.

Марина смотрела на меня долго. Потом встала, подошла к окну.

— Уходи, Мирон, — сказала она тихо. — И не возвращайся.
Я ушёл.

Вечер. Та же хрущёвка

Ли́ка сидела на кухне с моей матерью. Они пили чай и о чём-то тихо говорили. Увидели меня — замолчали.

— Ну как? — спросила Ли́ка.

— Тяжело, — сказал я. — Но я сделал.

— Все простили?

— Нет. И не должны.

Мать встала, обняла меня.

— Ты молодец, Мирон, — сказала она. — Смелый.

— Я трус, — ответил я. — Просто устал врать.

Ли́ка подошла, взяла меня за руку.

— А что теперь? — спросила она.

— Теперь — домой, — сказал я. — В Португалию. К Елене. К Лёве. К океану.

— А Москва? — спросила мать.

— Москва подождёт, — я посмотрел на неё. — Я вернусь. Но сначала — нужно отдохнуть. Выдохнуть. Понять, кто я теперь.

Мать кивнула.

— Тогда летите, — сказала она. — А я здесь присмотрю за квартирой. И за Русланом, если он останется.

Руслан, который сидел в коридоре на старом сундуке, поднял голову.

— Я, пожалуй, останусь, — сказал он. — Помогу твоей матери. Дом постерегу.

— Ты уверен? — спросил я.

— Да, — он кивнул. — Мне нужно побыть одному. Подумать. А в Португалии вы и без меня справитесь.

Я пожал ему руку. Крепко.

— Спасибо, Руслан.

— Не за что, — он улыбнулся — впервые по-настоящему. — Бывай, Воронов.

Ночь перед отлётом

Я стоял у окна. За ним — Москва. Огни. Машины. Жизнь, которая текла мимо, не замечая моей драмы.

Ли́ка подошла сзади, обняла.

— Ты грустишь? — спросила она.

— Нет, — ответил я. — Думаю.

— О чём?

— О том, что всё могло быть иначе. Если бы я не врал. Если бы с самого начала выбрал правду.

— Но ты выбрал её в конце, — сказала Ли́ка. — Это главное

— Главное, — повторил я. — Спасибо, что была рядом.

— Всегда, — она поцеловала меня в плечо. — Теперь всегда.

Я обернулся, посмотрел в её глаза. В них отражался свет ночного города.

— Летим домой, — сказал я.

— Летим.

Мы обнялись. А за окном всё так же текла жизнь — чужая, равнодушная, прекрасная.

Наша жизнь только начиналась.

Глава 41

Глава 40

Океан

Португалия встретила нас ветром. Не тем холодным, московским, который пробирает до костей, а тёплым, солёным, пахнущим водорослями и свободой. Самолёт приземлился в Лиссабоне ранним утром, и мы вышли из здания аэропорта, щурясь на непривычное южное солнце.

Ли́ка взяла меня за руку.

— Мы дома, — сказала она.

— Дома, — повторил я.

В голове не укладывалось. Ещё вчера я сидел на кухне у матери, пил чай с мятой и смотрел на серое московское небо. А сегодня — Лиссабон, жёлтые трамваи, азулежу на стенах, люди, говорящие на непонятном языке, который казался музыкой.

Нас встретил Ле́ва. Он стоял у выхода с потрёпанной гитарой за спиной и табличкой, на которой было написано: «Воронов и К°». Увидев нас, он заулыбался — широко, по-детски, и замахал рукой.

— Ле́ва! — крикнула Ли́ка и бросилась к нему обниматься.

— Тише, тише, — он похлопал её по спине. — Гитару придавишь.

Я подошёл. Мы обнялись. Его руки были жёсткими, мозолистыми от струн, но объятия — тёплыми, почти отцовскими.

— Ну что, бродяги? — спросил он. — Как Москва?

— Серая, — ответил я. — Холодная.

— А люди?

— Разные. Некоторые простили. Некоторые нет.

— Ну и правильно, — Ле́ва кивнул. — Не всех надо прощать. Иногда вина — это единственное, что остаётся.

— Философ, — усмехнулась Ли́ка.

— Гитарист, — поправил Ле́ва. — А философы — это те, кто не умеет играть. Поехали, Елена заждалась.

Мы сели в старенький «рено», который Ле́ва где-то раздобыл, и поехали в Кашкайш. Дорога вилась вдоль побережья — океан слева, холмы справа, небо такое синее, что глазам больно.

— Как она? — спросил я.

— Елена? — Ле́ва помолчал. — Лучше. Но всё ещё... не до конца. Понимаешь, двадцать лет страха не проходят за две недели. Она просыпается по ночам. Проверяет замки. Боится, что Борис вернётся.

— Он не вернётся, — сказал я. — Он в тюрьме. Дал показания. Его охраняют.

— Я ей говорил, — Ле́ва вздохнул. — Но голова — штука сложная. Она помнит, как он убил Серёжу. Как охотился за ней двадцать лет. Такое не забывается.

Я замолчал.

— Ты главное — будь с ней, — продолжил Ле́ва. — Не убегай. Не прячься. Просто будь рядом. Ей это нужно. И тебе.

— Я знаю, — сказал я.

Кашкайш. Домик на побережье

Елена стояла на пороге — в простом льняном платье, с распущенными седыми волосами. Она выглядела иначе, чем в Марокко и Лиссабоне. Спокойнее. Мягче. Но в глазах всё ещё таилась тень — та самая, которую не убрать отдыхом или солнцем.

— Здравствуй, тётя, — сказал я.

— Здравствуй, Мирон, — она улыбнулась и обняла меня. — Как мама?

— Хорошо. Передавала привет.

— Передавай привет обратно. Скажи, что я ей напишу. Мы не виделись двадцать лет. Пора восстанавливать родственные связи.

Я кивнул. Лика уже прошла внутрь и теперь стояла посреди гостиной, оглядываясь.

— А здесь уютно, — сказала она. — Вы сами обустроили?

— Лёва старался, — Елена усмехнулась. — Притащил кучу барахла с блошиного рынка.

Говорит, это винтаж.

— Это не винтаж, — донёсся голос Лёвы из кухни. — Это антиквариат! Разница большая!

— Какая?

— Винтаж — это старый хлам. А антиквариат — дорогой старый хлам!

Мы рассмеялись. Все вместе. Впервые за долгое время — без надрыва, без горечи. Просто потому, что было смешно.

День. пляж

Мы сидели на песке — я, Лика, Елена и Лева. Океан шумел, волны набегали на берег, оставляя пену. Чайки кричали в вышине. Солнце грело спины.

— Красота, — сказала Лика, запрокинув голову. — Почему мы не приехали сюда раньше?

— Потому что нас убивали, — напомнил я.

— Да, это было неудобно.

Елена улыбнулась.

— Вы как дети, — сказала она. — После всего, что пережили — как дети.

— А кто мы? — спросил Лева. — Мы и есть дети. Большие, лысые, с гитарами. Но дети.

Он взял гитару и заиграл что-то тихое, печальное. Фаду. Португальская музыка о тоске по тому, что никогда не вернётся.

— Саудади, — сказала Елена.

— Что? — не понял я.

— Саудади. Португальское слово. Его не перевести на русский. Это смесь тоски, ностальгии, любви и надежды. Грусть о том, чего больше нет, и радость от того, что это было.

— Сложно, — сказал я.

— Жизнь сложная, — ответила Елена. — Но красивая.

Я посмотрел на Лику. Она сидела, обхватив колени, и смотрела на океан. Ветер трепал её рыжие волосы. Веснушки на носу казались золотыми в лучах заходящего солнца.

— О чём ты думаешь? — спросил я.

— О маме, — ответила она. — Я ей не звонила два месяца.

— Позвони.

— Боюсь.

— Чего?

— Что она спросит, где я. Что мне придётся врать.

— Не ври, — сказал я. — Расскажи правду. Не всю, конечно. Но достаточно.

Лика посмотрела на меня.

— Ты прав, — сказала она. — Какой смысл бежать от правды, если мы за неё боролись? Она встала, отошла в сторону и достала телефон.

Я смотрел, как она говорит — сначала робко, потом всё увереннее. Она улыбалась. Плакала. Смеялась. И когда вернулась, её глаза блестели.

— Ну? — спросил я.

— Она рада, — сказала Лика. — Сказала, что я дура, что не звонила. И что она меня любит. И чтобы я берегла себя. И что она хочет познакомиться с тобой.

— Со мной?

— Да. С человеком, который украл её дочь.

— Я не крал...

— Знаю, — она улыбнулась. — Я пошутила.

Я обнял её. Сильно. Крепко.

— Спасибо, — прошептал я.

— За что?

— За то, что ты есть.

Вечер. Дом

Мы сидели за большим деревянным столом на веранде. Елена приготовила ужин — рыбу, рис, овощи. Лева открыл бутылку местного вина. Лика рассказывала про свои хакерские подвиги — то, о чём можно было рассказать.

Я слушал и думал.

Восемь месяцев назад я был другим человеком. Я строил империю из лжи, использовал людей, боялся правды. А теперь сидел здесь, среди тех, кто стал мне семьёй, и чувствовал, как внутри разливается тепло.

Не месть. Не победа.

Покой.

— О чём задумался? — спросила Елена.

— О том, что я счастлив, — ответил я.

— Впервые?

— Впервые в жизни.

Она улыбнулась. Лева поднял бокал.

— За это, — сказал он. — За то, чтобы мы все нашли свой океан. Свой дом. Свою правду.

Мы чокнулись.

Океан шумел за окном. Чайки кричали в темноте. Звёзды зажигались одна за другой.

Я смотрел на Лику, на Елену, на Леву, и думал о том, что отец гордился бы мной.

Не потому, что я победил Бориса. Не потому, что я раскрыл правду.

А потому, что я наконец перестал бояться.

И начал жить.

Ночь. Терраса

Я не спал. Вышел на террасу, сел в кресло, укрылся пледом. Океан дышал — тихо, мерно, как огромное живое существо.

— Не спится? — Елена вышла следом, с чашкой чая.

— Нет.

— Мне тоже, — она села рядом. — Знаешь, о чём я думаю?

— О брате?

— О Серёже, — кивнула она. — О том, как он любил море. Мы ездили в Крым, когда были маленькие. Он мог сидеть на берегу часами и просто смотреть на волны. Я тогда не понимала — зачем? А теперь понимаю.

— Зачем?

— Море — это бесконечность. Оно напоминает, что мы маленькие. Что наши проблемы — песчинки. Что жизнь течёт, несмотря ни на что. Волны набегают и уходят. И мы — такие же. Пришли, ушли. Главное — оставить след.

Я молчал.

— Ты оставил след, Мирон, — сказала Елена. — Ты не отомстил. Ты сделал лучше — ты рассказал правду. И эта правда живёт. В документах. В показаниях. В суде. В сердцах людей, которые тебя слышали.

— А в твоём?

— И в моём, — она улыбнулась. — Я наконец могу жить спокойно. Не бегать. Не прятаться. Просто жить. Спасибо тебе.

— Это ты спасибо, — сказал я. — Если бы не ты, я бы никогда не узнал правду.

— Узнал бы. Рано или поздно. Правда всегда находит дорогу.

Она встала, поцеловала меня в макушку.

— Спи, Мирон. Завтра новый день.

— Завтра, — повторил я. — Он больше не страшный.

— Нет, — она улыбнулась. — Не страшный.

Она ушла. Я остался один — с океаном, звёздами и тишиной.

И впервые в жизни я не боялся того, что будет завтра.

Утро. Новый день

Я проснулся от того, что кто-то щекотал мой нос. Открыл глаза — Лика. Она сидела на краю кровати и улыбалась.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе, — я потянулся. — Который час?

— Восемь. Солнце уже высоко. Елена сделала завтрак. Лёва играет на гитаре и поёт про любовь. Океан шумит. Жизнь прекрасна.

— Правда?

— Правда, — она наклонилась и поцеловала меня. — Вставай, соня. Нас ждут дела.

— Какие дела?

— Обычные. Жить. Дышать. Радоваться. Может, купим билеты в кино. Или просто пойдём гулять по пляжу.

Я встал, подошёл к окну.

Океан сиял на солнце. Волны набегали на песок. Чайки кружили в вышине.

Где-то далеко, за горизонтом, была Москва — с её серостью, холодом и людьми, которых я обидел. Где-то в тюрьме сидел Борис Иванович и давал показания. Где-то в Лондоне Марк готовил к публикации полное расследование. Где-то в России Руслан пил чай с моей матерью и сторожил квартиру.

А здесь, в Кашкайше, начиналась новая жизнь.

Не та, которую я планировал. Не та, которую я заслуживал.

Та, которую я выбрал.

Свободную. Честную. Настоящую.

Лика подошла сзади, обняла.

— О чём думаешь? — спросила она.

— О том, что долг мой наконец выплачен, — ответил я. — Не перед Борисом. Не перед отцом. Перед самим собой.

— И что теперь?

— Теперь — жить.

Она улыбнулась. Я улыбнулся в ответ.

Солнце поднималось над океаном, и новый день обещал быть тёплым.

Через несколько месяцев.

Я сидел в том же кресле на террасе и писал эту книгу. Лика спала в комнате — укрывшись пледом, свернувшись калачиком. Елена и Лева уехали в Лиссабон за продуктами. Океан шумел, как всегда.

Я думал о том, что жизнь — штука странная. Ты никогда не знаешь, где окажешься через год. Год назад я был альфонсом, манипулятором, человеком без совести. А сегодня — я просто Мирон. Тот, кто сделал ошибки. Тот, кто заплатил за них. Тот, кто нашёл любовь.

Я не знаю, что будет дальше. Может, мы останемся в Португалии. Может, вернёмся в Россию. Может, улетим ещё куда-нибудь.

Но я знаю одно: я больше не боюсь.

Потому что правда — это не оружие.

Правда — это свобода.

Я наконец это понял.

Глава 42

Глава 41

Тень прошлого

Три месяца спокойствия. Три месяца утра, когда я просыпался рядом с Ликой, пил кофе на веранде, смотрел на океан и думал, что всё кончено. Три месяца, за которые я почти поверил, что можно жить без оглядки.

Я ошибался.

Всё началось с письма. Не электронного — бумажного, в старом конверте без обратного адреса, который опустили в наш почтовый ящик где-то между рассветом и завтраком.

Лика нашла его первой.

— Мирон, — её голос был странным. Напряжённым.

Я вышел на веранду. Она стояла с конвертом в руках, и её лицо побледнело даже под загаром.

— Что там?

— Не знаю. Я не открывала. Он адресован тебе.

Я взял конверт. Бумага была плотной, дорогой — не из тех, что продают в супермаркете. Имя и адрес написаны каллиграфическим почерком, чёрными чернилами.

Внутри — один лист.

«Мирон.

Ты думал, что всё кончено? Ты думал, что Борис — это вся наша организация?

Ты глупый мальчишка.

У Бориса были партнёры. Друзья. Люди, которым не нужна его сделка со следствием. Люди, которые не хотят сидеть в тюрьме. И они знают, кто их сдал.

Мы знаем, где ты живёшь. Мы знаем, кто с тобой. Мы знаем всё.

Ты убил нашу империю. Теперь мы убьём тебя.

Жди гостей».

Подписи не было. Только маленький символ в углу — чёрная птица с расправленными крыльями.

Ворон.

Не мой. Другой.

— Что там? — спросила Лика.

Я не ответил. Протянул письмо ей.

Она прочитала. Её лицо не изменилось — оно стало каменным, как в те дни, когда мы бежали от Бориса.

— Нам нужно уезжать, — сказала она.

— Нет, — ответил я. — Хватит бегать.

— Мирон, это не шутка. Они знают, где мы живём.

— Значит, встретим их здесь.

— Ты с ума сошёл? — Лика повысила голос. — Это не Борис. Это его партнёры. Те, кого не взяла полиция. Они опаснее. Они хотят мести.

— Я тоже хотел мести, — сказал я. — И что? Это меня не спасло.

— Но...

— Лика, — я взял её за плечи. — Послушай. Мы бежали полгода. Из России в Оман, из Омана в Турцию, из Турции в Марокко, из Марокко в Португалию. Хватит. Я устал. Ты устала. Мы заслужили дом. И я не отдам его без боя.

Она смотрела на меня долго. Потом кивнула.

— Хорошо. Но мы будем умными. Не героическими.

— Договорились.

Елена и Лева

Я рассказал им за завтраком. Елена побледнела, но промолчала. Лева отставил чашку и посмотрел на меня с уважением.

— Ты уверен? — спросил он.

— Да.

— Тогда я с тобой, — он встал. — У меня есть кое-какие знакомые в Лиссабоне. Бывшие... ну, не друзья. Но должники. Они помогут.

— Чем?

— Оружием. Информацией. Убежищем, если понадобится.

— Лева, нет, — Елена наконец подала голос. — Мы не будем в это ввязываться. Мы только начали жить спокойно.

— Лена, — Лева взял её за руку. — Спокойно не получится. Пока эти люди живы, они будут охотиться за Мироном. И за нами. Потому что мы — семья. А семью не бросают.

Елена закрыла глаза. Я видел, как она борется с собой. Двадцать лет страха. Двадцать лет бегства. И теперь снова — угроза.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Но я не буду прятаться. Я буду с вами.

— Нет, — сказал я резко. — Ты поедешь в безопасное место.

— Мирон...

— Тётя, — я посмотрел ей в глаза. — Я не переживу, если с тобой что-то случится. Пожалуйста. Уезжай. Хотя бы на время.

Она хотела спорить, но Лева покачал головой.

— Он прав, Лена. Ты нужна нам живой.

Она сдалась. Кивнула.

— Куда?

— В Лондон, — сказал я. — К Марку. Он спрячет тебя.

— А вы?

— Мы остаёмся.

Лиссабон. Встреча с прошлым

Лева привёз нас в старый район Алфамы — узкие улочки, крутые лестницы, запах жареных сардин и фаду из открытых окон. Мы поднялись к маленькому домику на вершине холма. Дверь открыл мужчина лет шестидесяти — крепкий, лысый, с татуировкой на шее.

— Лева, — сказал он с португальским акцентом. — Сколько лет, сколько зим.

— Здравствуй, Жуан, — Лева кивнул. — Это мои друзья.

— Знаю, — Жуан посмотрел на меня. — Ты Мирон. Тот самый, кто посадил Бориса.

— Да, — сказал я.

— Смелый, — он усмехнулся. — Или глупый. Заходите.

Мы прошли внутрь. Домик был маленьким, но уютным — старые карты на стенах, оружие в закрытых шкафах, запах табака и пороха.

— Ты знаешь, кто за ним охотится? — спросил Лева.

— Знаю, — Жуан сел в кресло. — Чёрная птица. Символ старой группировки, которую Борис возглавлял. Теперь у них новый лидер. Его зовут Тимур. Был правой рукой Бориса. Умный, жестокий, без принципов. Он не пошёл на сделку со следствием — сбежал за день до ареста.

— Где он? — спросил я.

— В Европе. Точнее не скажу — он перемещается. Но я слышал, что он уже в Португалии.

— Значит, они близко.

— Очень близко, — Жуан кивнул. — У тебя есть оружие?

— Нет.

— Тогда держи, — он открыл шкаф и достал пистолет. — Надёжный. Не подведёт. Я взял оружие. Оно было тяжёлым. Холодным.

— Я не убийца, — сказал я.

— Теперь придётся им стать, — Жуан посмотрел мне в глаза. — Или они убьют тебя. И твою девушку. Выбирай.

Я спрятал пистолет.

— Что ещё ты знаешь?

— У Тимура есть люди в полиции. И в португальской, и в российской. Он всегда на шаг впереди. Поэтому не доверяй копам. Только своим.

— А мы свои? — спросила Лика.

— Теперь да, — Жуан улыбнулся. — Лева когда-то спас мне жизнь. Я плачу долги.

Возвращение в Кашкайш

Мы вернулись в домик к вечеру. Елена уже уехала в Лиссабон — оттуда самолётом в Лондон. Марк встретит её в аэропорту и спрячет в безопасном месте.

Мы остались втроём — я, Лика и Лева.

— Что будем делать? — спросила Лика.

— Ждать, — сказал я.

— Ждать?

— Они придут к нам. Не нужно искать их самим. Они хотят меня. Значит, придут.

— А если они нападут не на нас, а на Елену?

— Марк её защитит, — Лева покачал головой. — У него есть связи. Охрана. Ей ничего не угрожает.

— А нам?

— Нам угрожает всё, — сказал я. — Но мы готовы.

Я проверил пистолет. Лева достал свой — старый «Макаров», который хранил со времён молодости. Лика села за ноутбук.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Ищу Тимура, — ответила она. — Если он в Португалии, я найду его. По камерам, по кредиткам, по телефону. Просто дайте мне время.

— Сколько?

— Ночь.

— Тогда работай, — я поцеловал её в макушку. — А мы с Левой будем охранять периметр.

Ночь

Мы сидели в темноте. Я — у окна, Лева — у двери. Пистолеты наготове. Океан шумел, но в этом шуме мне теперь слышались шаги. Каждый звук казался угрозой.

— Страшно? — спросил Лева.

— Нет, — соврал я.

— Врёшь, — он усмехнулся. — Это нормально. Страх — это не слабость. Это значит, что тебе есть что терять.

Я промолчал.

— Я горжусь тобой, Мирон, — сказал он вдруг. — Ты не сбежал. Ты остался. Ты защищаешь своих. Это то, что делают мужчины.

— Мой отец тоже защищал своих, — сказал я. — И его убили.

— Да. Но он умер не зря. Его правда живёт. В тебе. В документах. В суде. Он не сдался. И ты не сдавайся.

— Не сдамся, — сказал я. — Обещаю.

Рассвет

Никто не пришёл. Ночь прошла тихо.

Ли́ка спала за ноутбуком, уронив голову на клавиатуру. Лева дремал в кресле, сжимая пистолет. Я смотрел на океан и думал о том, что эта угроза никогда не закончится. Пока жив Тимур, пока живы его люди, пока кто-то помнит о Борисе — мы будем в опасности.

Я мог бы сбежать. Улететь в Австралию. В Канаду. В Южную Америку. Начать новую жизнь под другим именем.

Но я устал бегать.

— Мирон, — голос Ли́ки был сонным. — Я нашла его.

Я подошёл. Она развернула ноутбук.

На экране — фотография с камеры наблюдения. Вокзал Лиссабона. Вчера, 14:23. Мужчина в чёрном пальто, с кожаной сумкой. Высокий, бритоголовый, с родимым пятном на щеке.

— Тимур, — сказала Ли́ка. — Он в Лиссабоне. Остановился в отеле «Авида» в центре. Снял номер на три дня.

— Сколько с ним людей?

— Не знаю. Камеры показывают только его. Но я проверила списки гостей — ещё двое мужчин, заселились в тот же день. Вероятно, его охрана.

— Трое, — сказал Лева. — Плюс местные, которые могут помочь. Не так страшно.

— А если у них оружие? — спросила Ли́ка.

— У нас тоже, — я посмотрел на пистолет. — Но стрелять — последнее дело. Нам нужно, чтобы их арестовала полиция.

— Жуан сказал, у них есть люди в полиции, — напредила Ли́ка.

— Значит, не полиция, — я задумался. — Марк. Он работает с журналистами. У него есть связи в Интерполе.

— Ты хочешь сдать их Интерполу?

— Да. Но сначала нужно доказательство, что они здесь — чтобы убить меня.

— Как мы это докажем?

Я посмотрел на Ли́ку.

— Ты хакер. Взломай их телефон. Найди переписку. Записи разговоров. Всё, что можно использовать как улику.

— Это незаконно, — сказала она.

— Мы вне закона, Ли́ка. Ты забыла?

Она помолчала. Потом кивнула.

— Хорошо. Но мне нужно время.

— Сколько?

— Два дня.

— У нас есть только два дня. Потом они нападут.

— Тогда я успею, — она улыбнулась — той улыбкой, которую я полюбил. Упрямой, смелой, безумной.

— Я верю в тебя, — сказал я.

— Я знаю.

Она поцеловала меня и снова уткнулась в ноутбук.

День. Лиссабон

Мы слевой поехали в город. Не к Тимуру — на разведку. Нужно было понять, где они бывают, с кем встречаются, какие маршруты используют.

Лева вёл машину. Я сидел рядом и смотрел на улицы.

— У тебя есть план? — спросил он.

— Есть, — ответил я. — Мы не будем нападать. Мы будем наблюдать. Запомним их лица, машины, привычки. А потом Лика соберёт доказательства, и мы сдадим их Интерполу.

— А если они нападут раньше?

— Тогда будем защищаться.

— Ты готов убить человека? — Лева посмотрел на меня.

— Не знаю, — честно ответил я. — Но я готов защищать Лику. И Елену. И тебя. Если для этого придётся убить — я убью.

Лева кивнул.

— Твой отец сказал бы то же самое.

Мы замолчали.

Город шумел за окном. Жизнь шла своим чередом — люди спешили по делам, дети смеялись, старики сидели на скамейках. Никто не знал, что здесь, среди них, ходит смерть.

Она ходила в чёрном пальто, с родимым пятном на щеке.

И она искала меня.

Отель «Авида». Наружное наблюдение

Мы припарковались напротив отеля. Лева достал бинокль, я — телефон с камерой.

— Вон он, — сказал Лева.

Тимур вышел из отеля. Один. Без охраны. Сел в чёрный Mercedes и уехал.

— За ним, — скомандовал я.

Лева завёл мотор. Мы поехали следом, держа дистанцию.

Тимур приехал в старый порт. Припарковался, вышел, направился к одному из складов.

— Что там? — спросил я.

— Не знаю, — Лева пожал плечами. — Но выглядит подозрительно.

Я сделал несколько снимков. Тимур скрылся за дверью склада.

— Ждём, — сказал я.

Мы ждали час. Потом два. Тимур не выходил.

— Может, там чёрный ход? — предположил Лева.

— Возможно. Но мы не можем проверить — заметят.

— Что делаем?

— Возвращаемся. У нас есть его машина, его фото, его маршрут. Лика найдёт остальное.

Мы развернулись и поехали обратно в Кашкайш.

Я смотрел в зеркало заднего вида. Чёрный Mercedes не преследовал нас.

Но я знал — это не конец.

Это только начало.

Вечер. Кашкайш

Лика встретила нас на пороге. Её глаза блестели.

— Я нашла, — сказала она. — У них есть чат. В зашифрованном мессенджере. Но я взломала.

— И что там? — спросил я.

— Они планируют нападение через два дня. В ночь. Здесь, в доме. Их будет шестеро. С оружием. Они хотят взять тебя живым — чтобы пытать. А потом убить. Лику и Леву — тоже.

— Откуда они знают адрес?

— У них есть информатор в Лиссабоне. Кто-то из местных. Я не смогла вычислить — слишком хорошо зашифрован.

— Значит, у нас два дня, — сказал Лева.

— Или меньше, — я посмотрел на Лику. — Ты отправила доказательства Марку?

— Да. Он передаст их в Интерпол. Но это займёт время. День, может, два.

— А если Интерпол не успеет?

— Тогда мы сами, — Лика взяла меня за руку. — Ты готов?

— Нет, — сказал я. — Но выбора нет.

Я обнял её.

Снаружи шумел океан.

Внутри — молчала надежда.

Мы готовились к бою.

Глава 43

Глава 42. Ночь перед бурей

До нападения оставались сутки.

Мы не спали. Лика монтировала систему камер по периметру дома — крошечные беспроводные устройства, которые она привезла из Лиссабона. Лева проверял оружие и раскладывал аптечки. Я ходил по комнатам, запоминая каждый угол, каждую дверь, каждое окно.

Дом на побережье должен был стать крепостью.

— Камеры работают, — сказала Лика, глядя в ноутбук. — Двор, крыльцо, задний двор, калитка. Если кто-то приблизится — увидим.

— А звук? — спросил Лева.

— Звук тоже. Я поставила датчики движения. Сработают даже на кошку.

— Умница, — Лева кивнул.

— А сигнализация? — спросил я.

— Нет, — Лика покачала головой. — Если мы подключим сигнализацию, придёт полиция. А полиция, возможно, заодно с ними. Жуан предупреждал.

— Тогда мы сами себе полиция, — сказал я.

Я подошёл к окну. Океан был спокойным — луна отражалась в воде, создавая серебряную дорожку. Красиво. Почти нереально. Как картинка из чужой жизни.

— Мирон, — Лика подошла сзади, обняла. — Ты боишься?

— Да, — сказал я. — Но не за себя.

— За нас?

— За тебя. За Леву. За Елену, хоть она и в Лондоне.

— С нами всё будет хорошо, — она поцеловала меня в плечо. — Мы сильные. Мы уже проходили через ад.

— В аду мы бежали, — напомнил я. — А теперь стоим на месте и ждём.

— Потому что нам некуда больше бежать. Это наш дом.

Я повернулся и посмотрел на неё. В темноте её глаза светились — не буквально, конечно, но мне казалось, что я вижу в них целую вселенную.

— Я люблю тебя, — сказал я.

— Я знаю, — она улыбнулась. — Я тоже тебя люблю. Поэтому не умрём. Договорились?

— Договорились.

Интерпол

Марк позвонил в полночь.

— Доказательства ушли, — сказал он. — Интерпол начал проверку. Но процесс медленный. Бюрократия.

— Сколько времени?

— Два-три дня. Может, больше.

— У нас нет двух-трех дней. Они нападут сегодня или завтра ночью.

— Знаю, — голос Марка был напряжённым. — Я пытаюсь ускорить. У меня есть знакомый в Европоле. Он обещал помочь.

— Помоги, — сказал я. — Иначе мы не доживём до их приезда.

— Ты можешь уехать. Прямо сейчас. Сядьте в машину и уезжайте.

— Нет, — ответил я. — Хватит бегать.

— Мирон...

— Марк, ты сделал всё, что мог. Дальше — наша очередь.
Я положил трубку.
Лева сидел в кресле, чистил пистолет.
— Европол не успеет? — спросил он.
— Не успеет.
— Тогда будем надеяться только на себя.
— И на бога, — сказала Лика.
— Я не верю в бога, — усмехнулся Лева.
— Тогда на удачу.
— В удачу — верю, — он кивнул. — Удача нас пока не подводила.

План

Мы сели за стол. Лика открыла схему дома на ноутбуке.
— Скорее всего, они нападут с двух сторон, — сказала она. — Передняя дверь и задний двор. Передняя — основная, задняя — отвлекающий манёвр.
— Почему? — спросил Лева.
— Потому что передняя дверь выходит на улицу. Там могут быть свидетели. Они захотят минимизировать шум.
— А задний двор — глухая стена, — продолжил я. — Соседей нет. Можно стрелять.
— Именно, — Лика кивнула. — Поэтому мы сделаем так: я остаюсь здесь, на втором этаже. Контролирую камеры, говорю вам, кто где. Лева — в гостиной, прикрывает переднюю дверь. Мирон — на кухне, прикрывает задний двор.
— А если их больше, чем мы думаем? — спросил я.
— У нас есть запасной план, — Лика открыла другую вкладку. — Из подвала есть лаз в дренажный туннель. Он ведёт к пляжу. Если всё пойдёт плохо — уходим туда.
— Мы не уйдём, не отбившись, — сказал Лева. — Я старый. Не побегу.
— Лева...
— Я сказал, — он отрезал. — Буду драться до конца. Этот дом — последнее, что у нас есть. Я не отдам его бандитам.
Я посмотрел на него. В его глазах горел тот же огонь, что и у моего отца, судя по рассказам.
— Хорошо, — сказал я. — Тогда умрём все вместе. Или победим все вместе.
— Вместе, — сказала Лика.
Она положила ладонь на стол. Лева — сверху. Я — на их руки.
— Вместе, — повторил я.

День. Последние часы

Солнце встало над океаном, как всегда — равнодушное, прекрасное, вечное.
Я стоял на веранде и смотрел на воду. Внутри была пустота. Не страх — нет. Что-то другое. Принятие.
Я принял то, что может случиться. И принял то, что не сбегу.
Лика вышла с двумя чашками кофе.
— Ты не спал? — спросила она.
— Нет. Ты?
— Тоже нет, — она протянула мне чашку. — Держи. Последний кофе перед боем.
— Не последний, — сказал я. — Будет ещё много кофе. Много утр. Много рассветов.
— Ты правда в это веришь?
— Я должен верить, — я посмотрел на неё. — Иначе зачем всё это?

Она молчала. Потом поставила чашку и обняла меня.

— Обещай мне кое-что, — сказала она.

— Что?

— Если начнётся стрельба — не будь героем. Не лезь под пули. Ты мне нужен живым.

— Обещаю, — сказал я. — Но ты тоже.

— Я хакер. Моё оружие — ноутбук. Я буду сидеть на втором этаже и не высовываться.

— Хорошая девочка, — я поцеловал её в лоб.

Она улыбнулась. Грустно. Почти прощально.

— Не смотри так, — сказал я. — Мы справимся.

— Знаю, — она уткнулась мне в грудь. — Просто страшно.

— Мне тоже. Но страх пройдёт. Останется только дело.

Закат

Последние часы перед темнотой.

Лева сидел на крыльце с гитарой. Играл тихо, почти шёпотом. Какую-то старую песню, которую я не узнал.

— Что это? — спросил я, садясь рядом.

— «Город, которого нет», — ответил он. — Старая. Агата Кристи. Любил твой отец.

— Он любил музыку?

— Обожал. Особенно русский рок. Говорил, что в нём — боль и правда. Всё, что нужно знать о жизни.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что жизнь — это гитара, — он усмехнулся. — У неё шесть струн. Каждая — своя нота. Только когда все звучат вместе, получается аккорд.

— И какой у нас аккорд?

— Минорный, — сказал Лева. — Но красивый.

Я взял гитару. Не умел играть, но просто поддержать — захотелось.

— Научишь меня после всего?

— Научу, — Лева кивнул. — Если останемся живы.

— Останемся.

— Ты слишком самоуверен, Мирон. Это опасно.

— Это не самоуверенность, — я вернул гитару. — Это надежда.

Ночь. 22:00

Ли́ка сидела на втором этаже, перед ноутбуком. Я — на кухне, у окна, выходящего в задний двор. Лева — в гостиной, у входной двери.

Тишина.

Только океан шумел и ветер свистел в щелях.

— Вижу движение, — голос Ли́ки в наушнике. — Со стороны пляжа. Двое.

Я выглянул в окно. Действительно — две тени двигались вдоль забора.

— Вооружены? — спросил я.

— Да. У одного автомат. У второго — пистолет.

— Лева, у тебя?

— Тишина, — ответил он. — Передняя дверь чисто.

— Значит, основная атака — сзади, — сказал я. — Отвлекающий манёвр — спереди.

— Что делаем? — спросила Ли́ка.

— Ждём. Пусть подойдут ближе.

Тени приближались. Я сжимал пистолет. Ладони вспотели.

— Мирон, они у калитки, — сказала Лика.

— Вижу.

Один из них начал взламывать замок. Второй стоял с автоматом наготове.

Я выждал секунду. Другую.

— Сейчас, — прошептал я.

Выстрел

Я выстрелил первым — не в человека, в фонарь над калиткой. Стекло разлетелось, осколки посыпались на нападавших. Они отшатнулись.

— Твою мать! — крикнул один.

— В дом! — скомандовал второй.

Они бросились к двери.

Я выстрелил ещё раз — в воздух, чтобы задержать.

— Лева, сейчас будут с парадного! — крикнула Лика.

— Готов, — ответил он.

С парадного входа раздался грохот — таранили дверь.

Я побежал на помощь Лева, но из заднего двора уже ломились двое.

— Мирон, назад! — закричала Лика. — Они входят!

Я развернулся. Дверь на кухню вылетела внутрь. Первый нападающий ворвался с автоматом.

Я упал на пол, выстрелил — наугад, вверх. Пуля попала ему в плечо. Он закричал, выронил оружие. Второй оттащил его назад.

— Отходим! — крикнул второй.

Они скрылись в темноте.

Я вскочил. Побежал в гостиную.

Лева стоял у двери. Она была выбита, но на пороге лежал один из нападавших — без сознания.

— Живой? — спросил я.

— Живой, — Лева тяжело дышал. — Оглушил прикладом.

— Сколько их было?

— Двое. Один убежал.

— Значит, ещё четверо, — я посмотрел на Лику в наушнике. — Где они?

— Не вижу, — голос Лики дрожал. — Камеры показывают только этих троих. Остальные, возможно, с другой стороны.

— Или ушли, — сказал Лева.

— Не ушли, — я покачал головой. — Они вернутся. С большими силами.

Тишина

Мы ждали. Десять минут. Двадцать. Полчаса.

Никого.

— Может, они испугались? — спросил Лева.

— Тимур не из пугливых, — ответил я. — Он что-то задумал.

— Мирон, — голос Лики был странным. — У меня проблема.

— Какая?

— Кто-то взломал мою камеру. Я вижу только статичную картинку. А на деле — не знаю, что там.

— Значит, у них есть хакер, — сказал я.

— Или очень умный техник, — Лика замолчала. — Я попробую восстановить.

— Быстро, — сказал я. — У нас нет времени.

— Знаю.

Я подошёл к окну. Темнота. Ни звука. Даже океан притих.

— Лева, иди на второй этаж. Прикрой Лику.

— А ты?

— Я остаюсь здесь. Встречу их.

— Мирон...

— Иди, — я посмотрел на него. — Я справлюсь.

Лева кивнул и побежал наверх.

Я остался один.

Пистолет в руке. Адреналин в крови. Сердце колотилось, но руки не дрожали.

— Выходи, Тимур, — сказал я в темноту. — Выходи, трус.

Тишина.

А потом я услышал шаги. Сзади. Со стороны кухни.

Я резко обернулся.

Он стоял в дверях. Высокий, бритоголовый, с родимым пятном на щеке. Чёрное пальто. Пистолет в руке.

— Здравствуй, Мирон, — сказал Тимур. — Давно хотел познакомиться.

— Я не хотел, — ответил я. — Но раз пришёл — давай заканчивай.

— Сразу к делу? — он усмехнулся. — Мне нравится. Но я пришёл не стрелять. Я пришёл поговорить.

— О чём?

— О твоей смерти, — он сделал шаг вперёд. — Она неизбежна. Но я даю тебе выбор: умрёшь быстро или медленно. Быстро — если отдашь документы. Медленно — если нет.

— Документы у Марка, — сказал я. — В Лондоне. Ты их не получишь.

— Получу, — он улыбнулся. — У меня есть люди в Лондоне. Но я хочу, чтобы ты отдал их сам. Как знак уважения.

— Уважения? — я рассмеялся. — Ты убийца. Ты работал на человека, который убил моего отца. Какое уважение?

— Твой отец сам выбрал свою судьбу, — Тимур пожал плечами. — Не лез бы — был бы жив. А ты — ты просто мальчишка, который влез в дела взрослых дядек.

— Я влез, — сказал я. — И посадил вашего босса.

— Борис был слаб, — голос Тимура стал жёстче. — Он поверил в эту чушь про правду и сделку со следствием. Я — нет. Я буду драться до конца. И начну с тебя.

Он поднял пистолет.

Я тоже поднял свой.

— Ты думаешь, ты быстрее? — спросил он.

— Думаю, — сказал я. — Что мне нечего терять.

— Твоя девушка наверху. Твой друг. Они умрут следом.

— Ты до них не доберёшься, — я усмехнулся. — Лева вооружён. А Лика взломает твою сеть и пустит по всему миру твои фотографии. Ты станешь самым разыскиваемым человеком в Европе.

— Умные слова, — Тимур покачал головой. — Но словами не убивают.

Он нажал на курок.

Я отпрыгнул в сторону — пуля просвистела мимо, ударив в стену.

Я выстрелил в ответ — в плечо, как и первого. Тимур вскрикнул, выронил пистолет, но не упал.

— Сука, — прошипел он.

— Уходи, — сказал я. — Пока я не передумал.
— Я вернусь, — он отступил к двери. — Слышишь? Я вернусь и убью тебя.
— Приходи, — я не опускал пистолет. — Буду ждать.

Он скрылся в темноте.

Я выдохнул.

В наушнике — голос Лики:

— Мирон! Ты жив?

— Жив, — сказал я. — А Тимур ранен. Ушёл.

— Уходите! Все трое уходят! Камеры снова работают. Они бегут к пляжу.

— Сколько их?

— Четверо. Двое раненых. Тимур тоже.

— Значит, шестерых не набралось, — я усмехнулся. — Переоценили свои силы.

Лева спустился сверху.

— Всё кончено? — спросил он.

— На сегодня, — ответил я. — Но они вернуться.

— Тогда будем готовиться дальше, — Лева похлопал меня по плечу. — Ты молодец. Держался хорошо.

— Страшно было, — признался я.

— Страх — это нормально, — он улыбнулся. — Главное — что ты не сбежал.

Я посмотрел на выбитую дверь, на осколки стекла, на лужи крови на полу.

— Теперь будем укреплять дом, — сказал я. — Ставить решётки. Покупать больше оружия.

— И звать подмогу, — добавила Лика, спускаясь сверху. — Я напишу Марку. Пусть присылает людей.

— Ты как? — я подошёл к ней.

— Цела, — она обняла меня. — А ты? В тебя не попали?

— Нет. Повезло.

— Не везение, — сказал Лева. — Умение. Ты хорошо стреляешь.

— Учился, — я усмехнулся. — Жизнь заставила.

Мы стояли втроём среди разгрома, и странное чувство наполняло меня.

Мы выжили.

В этот раз.

Но я знал — это не конец.

Это только начало новой войны.

Войны, в которой мы не будем бежать.

Мы будем драться.

За дом. За правду. За тех, кого любим.

Глава 44

Глава 43

Охотники и жертвы

Три дня после нападения мы жили как в осаждённой крепости. Лева заколотил окна фанерой. Лика установила новую систему камер — с резервным питанием и шифрованием, которое даже теоретически нельзя было взломать быстро. Я спал с пистолетом под подушкой и просыпался от каждого шороха.

Тимур не возвращался.

Это пугало больше, чем если бы он атаковал снова.

— Он зализывает раны, — сказал Лева за завтраком. — Собирает новых людей. Придумывает новый план.

— Или уехал из Португалии, — предположила Лика.

— Тимур не из тех, кто сдаётся, — Лева покачал головой. — Я знаю таких. Они будут преследовать жертву до конца. Даже если это их убьёт.

— Тогда нам нужно опередить его, — сказал я.

— Что ты предлагаешь?

— Перестать быть жертвой. Стать охотниками.

Лева посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты готов убить человека в ближнем бою? Не со страху, не в спешке, а хладнокровно? Потому что охота — это не самозащита. Охота — это убийство.

Я молчал. Вопрос бил в самую суть.

— Я готов защищать, — сказал я наконец. — Если для этого придётся убить — убью. Но я не буду искать Тимура, чтобы застрелить его в спину. Это не мой метод.

— Твой метод — сдавать их полиции? — усмехнулся Лева.

— Мой метод — правда, — ответил я. — Документы, свидетели, суд. Как с Борисом.

— Борис пошёл на сделку. Тимур не пойдёт.

— Тогда он сгниёт в тюрьме или умрёт при задержании. Но я не буду палачом.

Лева вздохнул.

— Ты слишком благороден для этого мира, Мирон.

— А я думал, что слишком циничен, — я усмехнулся. — Может, я наконец нашёл середину.

Лондон. Звонок Марка

Марк позвонил вечером.

— У меня для вас новости, — сказал он. — Хорошие и плохие.

— Начинай с плохих.

— Интерпол отказал в немедленной операции. Говорят, недостаточно доказательств. Нужно больше.

— А хорошие?

— У меня есть частная охрана. Бывшие спецназовцы. Трое. Они вылетают в Лиссабон завтра утром. Будут охранять вас до тех пор, пока мы не соберём достаточно улик на Тимура.

— Сколько это стоит?

— Не твоя забота, — Марк усмехнулся. — Я продал права на историю одному издательству. Аванса хватит на год охраны.

— Ты продал права на мою жизнь?

— На твою историю, — поправил он. — Ты же сам хотел написать книгу? Вот и пиши. А я займусь остальным.

Я не знал, злиться или благодарить.

— Ладно, — сказал я. — Когда приезжают твои люди?

— Завтра в семь утра. Встреть их в аэропорту. Командира зовут Глеб. Русский. Бывший спецназ ГРУ. Надёжный.

— Откуда он тебя знает?

— Работали вместе в горячей точке. Я ему жизнь спас. Теперь он мне должен.

— Долги, — усмехнулся я. — Все вокруг должны.

— Как твой отец, — тихо сказал Марк. — Он тоже платил долги. И ты платишь. Но теперь пусть другие платят тебе.

— Спасибо, Марк.

— Не за что. Береги себя.

Он положил трубку.

Лиссабон. Встреча в аэропорту

Глеб оказался именно таким, каким я его представлял — коренастый, коротко стриженный, с холодными серыми глазами и шрамом над бровью. Двое его людей — Алексей и Роман — были помоложе, но такими же натренированными и опасными.

— Мирон? — Глеб протянул руку. — Марк рассказывал. Ты смелый парень.

— Или глупый, — сказал я, пожимая его ладонь. — Мне часто говорят.

— Глупые не выживают в таких передрягах, — он усмехнулся. — Так что ты смелый. Показывай дорогу.

Мы сели в машину — мой старый «рено» и их запасной джип — и поехали в Кашкайш.

По дороге Глеб расспрашивал о Тимуре, о нападении, о наших возможностях. Я рассказывал всё, без утайки. Он слушал молча, иногда задавая уточняющие вопросы.

— У вас мало оружия, — сказал он. — И плохая оборона.

— Мы не профессионалы, — ответил я.

— Теперь вы под нашей защитой, — он кивнул. — Мы расставим посты, установим сигнализацию, связь. Тимур не пройдёт.

— А если он нападёт с большими силами?

— У нас есть план отхода, — Глеб посмотрел на меня. — Но лучше не отходить. Лучше напасть первыми.

— Я говорил то же самое, — сказал Лева с заднего сиденья. — Но Мирон против убийств.

— Убивать не обязательно, — Глеб пожал плечами. — Достаточно захватить и передать полиции. Но для этого нужно знать, где он прячется.

— Лика работает над этим, — сказал я. — Она хакер.

— Хакер? — Глеб улыбнулся впервые. — Хорошо. Хакер — это наше всё.

Кашкайш. Укрепление

Глеб и его люди работали быстро. За день они установили по периметру датчики движения, перекрыли все слабые места, организовали дежурства. В доме появились рации, бронежилеты, аптечки и ящик с патронами.

Лика сидела за ноутбуком, пытаясь вычислить Тимура.

— Он очень осторожен, — сказала она. — Не пользуется кредитками. Телефон меняет каждый день. Но я нашла кое-что.

— Что?

— Он общался с кем-то в Лиссабоне через старый электронный ящик. Взломала. Там переписка с португальцем. Предположительно — тем самым информатором.

— Кто он?

— Не знаю ещё. Но я отследила IP. Он выходит на интернет-кафе в районе Алфама. То самое, где мы были слевой.

— Значит, Тимур всё ещё в Лиссабоне, — сказал Глеб. — Это хорошо. Мы можем его взять.

— Как? — спросил я.

— Устроим засаду, — Глеб развернул карту. — Здесь, у интернет-кафе. Если информатор придёт снова — мы его возьмём. А он выведет нас на Тимура.

— А если не придёт?

— Тогда будем думать дальше. Но обычно такие типы ходят в одно и то же место. Привычка. Она их и губит.

Я посмотрел на Лику.

— Ты можешь узнать, когда он будет там?

— Могу попробовать, — она кивнула. — Если я взломаю камеры наблюдения в районе, то смогу отследить его походку. У каждого человека она уникальна.

— Делай, — сказал я. — У нас мало времени.

Алфама. Засада

Через два дня Лика дала сигнал.

— Информатор вошёл в кафе, — сказала она в рацию. — Сейчас сидит за третьим столиком. Один.

— Выходим, — сказал Глеб.

Мы — я, Глеб, Алексей — пошли к кафе. Роман остался в машине, прикрывать отход. Лева и Лика — в доме, на связи.

Глеб зашёл первым. Я и Алексей — следом.

Информатор сидел с чашкой кофе и читал газету. Лет пятидесяти, лысый, в дешёвом пиджаке. Обычный португалец, каких тысячи.

Глеб сел напротив него.

— Здравствуй, — сказал он на ломаном португальском. — Мы из полиции.

Информатор побледнел. Попытался встать, но Алексей положил руку ему на плечо.

— Сидеть, — сказал он по-русски.

— Я ничего не знаю, — забормотал португалец. — Я просто пью кофе.

— Ты встречаешься с Тимуром, — я наклонился к нему. — Мы знаем. Скажи, где он, и мы тебя отпустим.

— Если я скажу, он меня убьёт.

— А если не скажешь, мы тебя убьём, — спокойно сказал Глеб.

Португалец затрясся.

— Он... он в отеле «Инфанте» в Лиссабоне. Комната 412. Но там охрана. Четверо человек.

— Когда он там бывает?

— Каждый вечер. С восьми до полуночи. Потом уезжает.

— Куда?

— Не знаю. Клянусь, не знаю.

Глеб посмотрел на меня.

— Достаточно, — сказал я. — Отпустите его.

— Но он... — начал Алексей.

— Отпустите, — повторил я. — Он нам больше не нужен.

Португалец выбежал из кафе, чуть не сбив официанта.

— Ты слишком мягок, Мирон, — сказал Глеб.

— Он просто шестёрка, — ответил я. — Нам нужен Тимур.

Отель «Инфанте». План

Мы вернулись в Кашкайш и разработали план.

— Тимур в отеле с восьми до полуночи, — сказал Глеб. — Входим в девять. Гости-ница небольшая, охрана на входе. Мы их блокируем, поднимаемся на четвёртый этаж, берём Тимура.

— А если он вооружён? — спросила Лика.

— Мы тоже вооружены, — Глеб похлопал по бронежилету. — Но стрелять будем только в крайнем случае. Нам нужен живой.

— А полиция? — спросил Лева.

— Полиция будет через десять минут после нашего звонка, — Глеб усмехнулся. — Но сначала мы должны его взять. Иначе он сбежит.

— Я иду с вами, — сказал я.

— Нет, — Глеб покачал головой. — Ты гражданский. Ты будешь в машине.

— Это моя война, — сказал я. — Я имею право.

— Ты имеешь право погибнуть, — Глеб посмотрел мне в глаза. — Но Марк меня убьёт, если я тебя не уберегу. Сиди в машине.

Я хотел спорить, но Лика взяла меня за руку.

— Не надо, Мирон, — сказала она тихо. — Пусть профессионалы делают свою работу.

Я замолчал.

Она была права. Я не боец. Я — человек, который хочет правды. А правда добывается не пулями, а документами.

— Хорошо, — сказал я. — Я буду в машине. Но если что пойдёт не так — я вхожу.

— Договорились, — кивнул Глеб.

Отель «Инфанте». Операция

Девять вечера.

Мы стояли у отеля. Глеб, Алексей и Роман — в чёрном, с оружием. Я — в машине напротив, с Ликой на связи.

— Камеры я отключила, — сказала она в наушник. — У вас пять минут, пока не включится резервная.

— Хватит, — ответил Глеб.

Они вошли в отель.

Я сидел в машине и считал секунды.

Одна минута. Две. Три.

— Глеб, у вас всё нормально? — спросил я.

— Охрана заблокирована, — ответил он. — Поднимаемся на четвёртый.

Четыре минуты. Пять.

— На месте, — голос Глеба. — Дверь заперта. Алексей, взломай.

— Понял.

Звук удара. Треск.

— Входим!

Секунды тянулись как часы.

— Тимур! Лежать! — крик Глеба.

Выстрел. Другой.

— Он ранен! — голос Алексея. — Держите его!

— Глеб! — крикнул я. — Что там?

— Взяли! — Глеб выдохнул. — Тимур ранен в ногу, но живой. Охрана нейтрализована.

Вызывай полицию.

Я набрал номер, который дал Марк — прямой канал в португальскую полицию, проверенный, без коррупции.

— У нас Тимур, — сказал я. — Организатор нападения. ОТЕЛЬ «Инфанте», четвёртый этаж. Ждём вас.

— Выезжаем, — ответили на том конце.

Я вышел из машины и посмотрел на освещённые окна отеля.

Там, наверху, лежал человек, который хотел меня убить. Который охотился за мной три месяца. Который был готов уничтожить всё, что я люблю.

И теперь он был в руках правосудия.

Я не чувствовал радости. Не чувствовал удовлетворения.

Только пустоту.

И странное спокойствие.

Полицейский участок. Лиссабон

Мы давали показания до утра. Тимура увезли в больницу — рана была серьёзной, но не смертельной. Его охрану арестовали. Информатора взяли на следующий день — он пытался сбежать в Испанию, но его задержали на границе.

Глеб и его люди уехали через неделю. Марк сказал, что угроза миновала — группировка Тимура обезглавлена, остальные либо арестованы, либо в бегах.

— Ты свободен, Мирон, — сказал Глеб на прощание. — Но, если понадобится — звони.

— Спасибо, — я пожал ему руку. — Вы настоящие профессионалы.

— Мы делаем свою работу, — он усмехнулся. — А ты делай свою. Пиши книгу. Рассказывай правду. Это важнее любой пули.

Они уехали. Мы остались втроём — я, Лика, Лева.

Елена вернулась из Лондона через два дня. Она похудела, но глаза её сияли.

— Всё кончено? — спросила она, обнимая меня.

— Всё, тётя, — сказал я. — Теперь точно всё.

— А Борис?

— Даёт показания. Его дело идёт к суду.

— А Тимур?

— Будет сидеть долго. Может, всю жизнь.

Елена закрыла глаза.

— Наконец-то, — прошептала она. — Наконец-то можно жить спокойно.

Я обнял её. Лика обняла нас обоих. Лева подошёл и положил руку мне на плечо.

Мы стояли на веранде, смотрели на океан и молчали.

Впервые за долгое время — без страха.

Только покой.

Только надежда.

Только жизнь, которая наконец-то начиналась.

Глава 45

Глава 44

Эпилог. Год спустя

Лиссабон, июнь

Год пролетел как один день.

Я сидел на той же веранде в Кашкайше, смотрел на тот же океан и чувствовал, как солнце греет лицо. В руках — первый экземпляр моей книги. «Долг Мирона». Толстая, в твёрдой обложке, с моим именем на сером фоне.

— Красиво, — сказала Лика, садясь рядом. — Марк прислал?

— Да. Тираж десять тысяч. Скоро в магазинах.

— Ты гордишься?

— Не знаю, — я перелистал страницы. — Это не моя гордость. Это моя исповедь.

— Для многих это одно и то же.

Я улыбнулся. Она взяла книгу, полистала, нашла своё имя в благодарностях.

— «Лике — за то, что научила меня верить в людей», — прочитала она вслух. — Красиво сказано.

— Это правда, — я обнял её.

В доме заиграла гитара. Лева освоил португальские баллады и теперь играл их с утра до вечера. Елена пекла пирог с яблоками — тот самый, по маминому рецепту. Мама должна была прилететь вечером — впервые после того, как я уехал из Москвы.

Жизнь налаживалась.

Кашкайш, тот же домик

Руслан приехал утром. Загоревший, с короткой стрижкой и новой татуировкой на руке — компас.

— Теперь я знаю, куда иду, — сказал он, показывая рисунок. — Север всегда показывает дом.

— И где твой дом? — спросил я.

— Здесь, — он обвёл рукой веранду, океан, всех нас. — Вы мой дом. Простите, что не сразу понял.

— Ты понял, — сказал Лева. — Это главное.

Руслан остался на обед. Елена накрыла большой стол — рыба, рис, салат, вино. Мы сидели все вместе: я, Лика, Елена, Лева, Руслан. И смеялись. Громко, искренне, как будто не было ни побегов, ни перестрелок, ни ночей без сна.

— А где Марк? — спросила Лика.

— В Лондоне, — ответил я. — Готовит второе расследование. Теперь про коррупцию в Европоле.

— Вечно он в делах, — вздохнула Елена.

— Это его жизнь. Как у нас — океан.

Москва, мама

Вечером прилетела мама. Мы встретили её в аэропорту. Она постарела за год — или мне просто казалось. Но улыбалась широко, по-молодому, и сразу обняла меня.

— Сынок, — сказала она. — Как я скучала.

— Я тоже, мам.

— Твоя книга... я прочитала рукопись. Ты описал всё честно. Даже то, о чём я не хотела вспоминать.

— Прости, что пришлось вскрывать старые раны.

— Раны должны вскрываться, чтобы зажить, — она погладила меня по щеке. — Твой отец гордился бы тобой.

— Ты говорила это уже сто раз.

— И скажу ещё сто. Потому что это правда.

Мы поехали домой. В Кашкайш. К океану.

Ночь. Костер на пляже

Мы развели костёр прямо на песке. Сидели вокруг, пили вино, слушали, как Лева играет на гитаре. Океан шумел в темноте. Звёзды горели ярко, как в детстве.

— Расскажи про суд, — попросила Лика.

— Что именно?

— Бориса посадили?

— Да, — кивнул я. — Двадцать лет строгого режима. Он дал показания на многих — и его срок сократили. Но всё равно — двадцать лет.

— А Тимур?

— Тоже посадили. Пятнадцать лет. Покушение на убийство, организация преступной группы.

— Достаточно, — сказал Руслан. — Им хватит.

— А те, кто помогал? — спросила Елена. — Информатор в полиции?

— Нашли, — кивнул я. — Уволили. Посадят ли — не знаю. Но карьера кончена.

— Справедливость, — усмехнулся Лева. — Редкая гостья в этом мире.

— Но иногда приходит, — сказала Лика. — Если ей помочь.

Она посмотрела на меня. Я взял её за руку.

— Спасибо вам всем, — сказал я. — Без вас я бы не справился.

— Ты бы справился, — сказала Елена. — Ты Воронов. А Вороновы не сдаются.

— Но с вами было легче, — я улыбнулся.

Мы замолчали. Костер трещал. Волны набегали на берег.

Я думал об отце. О том, как он сидел на этом же пляже — или на другом, но таком же — и смотрел на океан. О том, что он умер за правду. И что я продолжил его дело.

Не мечом. Не пулей.

Словом.

Год спустя после года. Москва. Встреча с прошлым

Я прилетел в Москву на презентацию книги. Зал был полон — журналисты, читатели, просто любопытные. Я стоял на сцене, рассказывал историю, отвечал на вопросы.

В третьем ряду сидела Алиса. Похудевшая, но живая. С новым мужчиной — высоким, серьёзным, с добрыми глазами.

После презентации она подошла.

— Привет, Мирон, — сказала она.

— Привет, Алиса.

— Хорошая книга. Честная. Я... я простила тебя.

— Спасибо, — сказал я. — Хотя ты не обязана.

— Знаю, — она улыбнулась. — Но так легче. И себе, и тебе.

Мы обнялись. Недолго. Чуть-чуть.

— Будь счастлив, Мирон, — сказала она.

— И ты.

Она ушла под руку со своим мужчиной. Я смотрел ей вслед и думал о том, как быстро летит время. Год назад она хотела умереть из-за меня. Сегодня — счастлива с другим.

Правда лечит.

Даже если больно.

Полина

Она подошла через час, когда толпа поредела.

— Мирон, — она протянула руку. — Книга — бомба.

— Спасибо.

— Ты не упомянул меня.

— Ты просила.

— Да, — она усмехнулась. — И правильно сделала. Моя репутация и так подмочена той арт-схемой.

— Ты выкрутилась?

— Да, — кивнула. — Адвокаты дорогие, но хорошие. Отделалась штрафом.

— Рад за тебя.

— Не ври, — она улыбнулась. — Тебе всё равно. Но это нормально. Ты нашёл своё счастье. Я найду своё.

— Удачи.

— И тебе.

Она ушла, цокая каблуками.

Вероника

Она ждала меня у выхода.

— Мирон, — сказала она. — Ты сделал это.

— Что именно?

— Написал книгу. Стал знаменитым. И остался жив.

— Заслуга не только моя.

— Знаю, — она кивнула. — Я прочитала. И горжусь, что была частью этой истории. Даже маленькой.

— Ты была не маленькой, — сказал я. — Ты предупреждала. Я не слушал. Ты была права.

— Я всегда права, — она усмехнулась. — Но приятно, что ты это признаёшь.

Мы обнялись.

— Если нужен будет адвокат — звони, — сказала она.

— Обязательно.

Марина

Она не пришла на презентацию. Я позвонил сам.

— Привет, — сказал я в трубку.

— Мирон, — её голос был спокойным. — Я знала, что ты позвонишь.

— Как ты?

— Живу. Отец умер. Инсульт. Полгода назад.

— Мне жаль.

— Не ври, — она усмехнулась. — Он продал тебя Борису. Ты имеешь право не жалеть.

— Я жалею тебя, — сказал я. — Не его.

— Спасибо, — помолчав, ответила она. — Я прочитала книгу. Ты хорошо написал. Даже про меня.

— Ты заслужила правду.

— Я её не хотела, — сказала Марина. — Но теперь понимаю — она была нужна. Иначе я бы так и жила в иллюзии.

— И что теперь?

— Галерея закрыта. Я учусь на психолога. Хочу помогать людям.

— У тебя получится, — сказал я.

— Спасибо, Мирон. Будь счастлив.

— И ты.

Я положил трубку.

Португалия. Возвращение

Через три дня я вернулся в Кашкайш. Лика встретила меня на пороге — в моей футболке, с растрёпанными волосами.

— Ну как? — спросила она.

— Хорошо, — сказал я. — Все живы. Все простили. Или почти все.

— Этого достаточно, — она поцеловала меня.

— Более чем.

Мы зашли в дом. Елена накрывала ужин. Лева играл на гитаре. Руслан помогал на кухне. Мама сидела на веранде с чашкой чая.

— Собрались? — спросил я.

— Собрались, — ответила Елена. — Семейный ужин. По поводу твоего возвращения.

— Я возвращаюсь каждый день, — сказал я.

— Но сегодня — особенно, — улыбнулась она.

Мы сели за стол.

Океан шумел. Солнце садилось за горизонт. Ветер нёс запах соли и свободы.

— Я хочу сказать тост, — сказал Лева, поднимая бокал. — За правду. За любовь. За то, чтобы мы никогда не забывали, за что боролись. И за что живём.

— За жизнь! — сказала Елена.

— За жизнь! — повторили все.

Я поднял бокал.

Посмотрел на Лику. На маму. На Елену. На Леву. На Руслана.

На океан, который стал моим домом.

И подумал о том, что долг Мирона наконец выплачен.

Не деньгами. Не кровью.

Правдой.

ФИНАЛ

Год спустя. Та же веранда.

Я сижу и пишу эти строки. Лика спит в комнате — укрывшись пледом, свернувшись калачиком. Елена и Лева уехали в Лиссабон на концерт. Руслан помогает маме в саду.

Океан шумит. Чайки кричат. Жизнь течёт.

Я думаю о том, что человек рождается не тогда, когда появляется на свет. А когда перестаёт бояться правды. Когда выбирает любовь вместо выгоды. Когда находит свой дом.

Мой дом — здесь.

Среди тех, кто меня принял. Среди тех, кого я полюбил. Среди тех, ради кого стоит жить.

Долг Мирона — это не история о мести. Это история об искуплении. О том, что даже самый падший человек может подняться, если найдёт в себе силы сказать правду.

Я нашёл.
И теперь я свободен.
По-настоящему.
Навсегда.